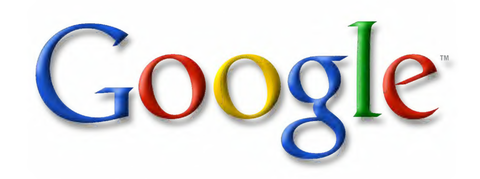

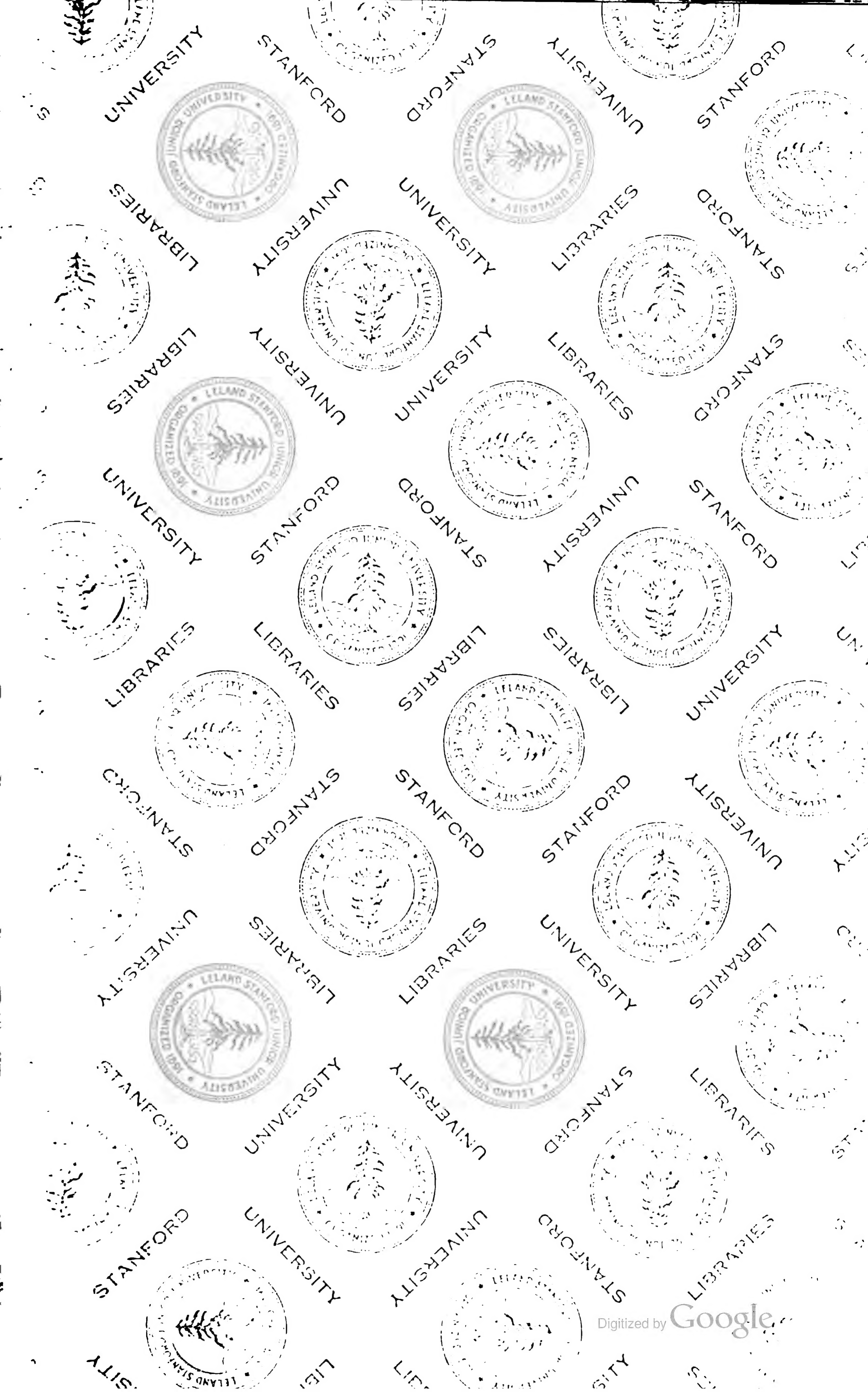

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Прихажу я двару и гаварю: «Ну, малъ, мамъ! Усяго даваить! Ну падёмъ. Самсонъ, муку забирать, вино». — А свякровья гаварить:

— Забыла, малодъ, маслица пупрасить канапляниннькига.

Я узила бутылку и пашла съ мальчикымъ съ етымъ.

И забрала усяго и принисла усяго двару. Пришо́дши къ няму вопасли публагадарила иво, што много, Иванъ Иванывичъ, вами даволна, што вы мине при бальшомъ горю не бросили.

— Што-жъ дѣлать? Хлапачи! свякрова твоя, Ульянушка, ни дужа смѣлая ни распарядитца.

Прихажу — ана, свякроўя, — галюсить, плачить, вѣдаишь.

— Што-жъ ты, мамъ, плачишъ?

— Благадарю жъ тибѣ, маладáичка, што ты во́кала иво хлапочишъ! Яво ты схаро́нишъ — хто мине тáхта будить харанить? — И тибе тахта ни бро́сю, схараню́. Тады, молъ Самсонъ, подрастеть, посмыслѣніить. Тады молъ ни одна я буду хлапатать во́кала тибе.

— «Тады, малодушка, ни бросай мине»! апять загаласила, падходить ка мнѣ и хочить мнѣ, вѣдаишъ, кланитца у ноги».

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка! Я, молъ е́тыва ни сто́ю! Ни плачъ, ни гарюй! Сыньё ни станутъ харанить — я одна тибе схараню, ни бро́сю.

Ну, какъ подымали харанить, я усихъ, вѣдаишъ, праслязила:

— «Съ кимъ ты насъ астаўляишъ? на каво, вѣрна, паначáился. Каму ты приказалъ вѣрна хлапатать вокыла свайго двара?

Растирянимъ, батюшка, усю тваю дамо́вычку за нидѣлю... Падашла да стала подлѣ матири — свякроўи и галашу:

— А гдѣ жъ намъ найтить такова-та батюшку радиминькава? Вѣрная наша была надёжичка — батюшка радиминькій! Патиряли мы тибе, батюшка радиминькій, рабочіи были наши ручишки, зависныи были глазушки! И какжа намъ, батюшка тибе съ двара праважать?

«Разстанься, батюшка, наша тѣла съ душою, да ни мы съ табою!.. Какъ жа намъ, батюшка, глидѣть на тваю работачку? А гдѣ я пò двару ни пайду, а гдѣ я ни гляну, усё твая рабо́тачка ляжить. Какъ жа намъ на іе́ глядѣть? И какъ жа намъ, батюшка, тибе забывать? Ты на лавычки ляжишь, а намъ усё работачку находишь... Тамъ намъ усё дѣла находишь — будта самъ парабо́тываишь.

Многа я табою давольна, што ты хучъ на лавачки лежалъ, а всё застаўлялъ насъ работать. Севодни ты, батюшка днюишь на ко́ньку, ляжишъ и ничиво́ жъ ты намъ ни кажишь.

Падхажу я къ тибѣ зá динь читве́ртай разо́чикъ, и никакжа я тибе ни дабудилася. Какъ жа мнѣ съ мамушкай быть и какъ жа намъ твоё хозяйства судиржать?

Мы тахта, батюшка, твоё хазяйства ни саде́ржимъ, какъ ты намъ при-

казывалъ; мы твоё хазяйства за нидѣлю стиряимъ. Падходить ко мнѣ народу (народу была полна́ хата) и мине ваймають:

— Бўде галасить! Какъ нибудь будишь жить!

Нильзя мнѣ уня̆тца! Никакъ я сваи сердца́ ни астанавю̀. Я бъ рада́ астанавить свай сердца́, да не́ на кыга мнѣ начӑитца. За то я на тибе, батюшка, пиняю, што ты мине абманулъ!.. Абманулъ ты миня тѣмъ, што узялъ за дурака замужъ!.. Я атъ тибе етыга ни думала, што ты скора памрешь.., Дабре́ ты скора, батюшка, насміялся нада мнòю съ матушкой!..

Я стала приказывать:

— Скинься, батюшка, сизаю бѣлаю галубычкаю, приляти къ намъ на ета на бальшоя го́ричка!.. Какъ намъ съ табою съ ма́мушкамъ ета хазяйства тваё судиржать. Народъ, вѣдаишь, всё мине ваийма́ить; народу, вѣдаишь полна хата, и народъ праслязился.

— Будить тебѣ, дѣвычка, галасить; а то свякрова плӑчить обмерла́!

Я её, вѣдаишь, абмарѝла.

Тутъ я унилась.

Падхажу къ свякро́ви, да вадицы ей у ротъ улила́, ана сійчасъ и абразумилась. И гаварю я: Уся нòша горя — маё! Усю нава́лку на мине узвалили, Какъ намъ быть? Какъ намъ жить. Я іё заставила:

— Ты, молъ, сѣй муку и станави, молъ лепе́шки! А я, молъ, пайду къ батюшкѣ, хъ папу, скажуся. Сабралась да пашла хъ папу. Прихажу хъ папу, Богу пумалѝлася, помалёмшись Богу, гаварю:

— »Здароў, батюшка, и зъ матушкаю»!

— По́миръ свекаръ?

— «По́миръ батюшка».

— Разжилась, Ульянушка, што харанить, ай нѣтъ?

— «Нѣтъ, батюшка, усяго разжилась! Хто жъ табѣ далъ?»

— Молъ, батюшко, Иванъ Иванывичъ усяго мнѣ даставилъ.

— «Ну, слава Богу. Ну, гатоўтися — схараню».

— Што, батюшка, съ мине за работу вазьме́шь.

— «Я, матушка, лишнива ни биру — што съ людей беру, то и съ тибе вазьму».

— Батюшка, подешевли съ мине вазьми — намъ взять не съ кимъ и раднѝ у мине нѣту. Свекро́вья, батюшка, ни смѣлая баитца.

— «Ну, ну! рубликъ вазъму́ — болій ни вазъму́».

А у церькви за свѣчки асабливая будишъ платить — кольки, глѣдя па народу, свѣчей будишь брать.

Тутъ Іонъ, ба́тькя, и пашолъ изъ кухни у горницу. А матушка и гаварить:

— Ты, Ульянушка, я слыхала: дужа галасишь — ты ни галаси!

— Кажа мнѣ, матушка, ни галасить? Добре мнѣ не за кимъ узятца. Девирь младъ — ничаго ни знаить. Я бъ и рада уняла́сь, дабре́ ничаво ни

падѣлаю, дабре́ мой ничаво ни панимаить: сидить, какъ плаха. Іопъ ничаво ни знаить; я яво ни къ чаму ни застаўляю.

Матушка приказываить:

— Ня дужа ты, дѣвычка, плачъ,—а то свякрову дужный у горя увядёшь. Становитца іё дѣла къ старасти. Какъ парядкамъ схаро́нишь, парядкамъ будишь па хазяйству весть—будишь и жить

Пашла я атъ матери двару, прихажу:

— Слава, молъ Богу!

— Слава Богу какъ нибудь схаронимъ!

Мужь сидить и малчить. Му́жа атъ папа пришо́дши, паслала ямку рыть.

— Ма́мо, ты пашли майво мужа ямку-то рыть.

Мать яго паслала:—ты вазыви каво пазави!—Пазвалъ мужичка, паабѣдалъ и пашолъ ямку рыть.

А мы съ свякроўю хлапочимъ, сабираемся во́кыла двара.

Схаранили яго́. Съ пахаронъ пришли, и сказала: —Ну, молъ мамъ, слава Богу! Харашо схаранили!

И пришли съ народамъ, и пашолъ у насъ абѣдъ. И кормимъ, вѣданшь, народъ и виномъ поимъ. Народъ заставляю: «Тётушки, дядюшки, ѣшьтя, ѣшьтя! Самсонъ—приказываю мальчику – пойтя—кормитя мужиковъ вдо́вали!

Ни абижаитися—приказываю народу—нашъ атэцъ былъ чилавѣкъ простый, харошій!...

А мужики гаварять:

— Ну, и схаранила харашо, матушка—ни нада абижа́тца на тибэ!

Какъ мнѣ Гаcподь призведётъ съ матирью пажить? Гаварю я съ народамъ—та, съ ними—та талкую.

Ежэли, молъ Самсонъ, такъ-та мине будить слухать, какъ я отца слухала—и жить, молъ, будимъ..

Мужикъ адинъ гаварить:

— Ды и я такъ палагаю. Если слухать онъ будить—и будитя жить!

— «Нѣтъ, маладаичка, атказываить Самсонъ: буду жить, буду слухать и почитать. Харашо, што атца дабре́ схаранили, во́чинь харашо.

Я и самъ, дядюшка—приказываить мужикамъ—я отъ ніе́ самъ етыва ни думалъ.

— «Я, мальчикъ, ни дли табѣ старалася, а ли сваей души».

И стала казать мужикамъ кой какы́мъ за абѣдамъ:

— Я, молъ, дядюшки, зачалась у горю. И за́мужъ, молъ, дядюшки, папала мнѣ щастя плахо́я.

Вотъ, мальчикъ, харашо атца схаранили?

— Харашо, маладаичка.

— Такъ та, молъ, вырастишъ—ни брасай мине такъ-та.

Ты, видишь, какая мая надёжа вѣрная сидить на лаўки. Онъ сидить на

лаўки и ни панимаить, што атецъ умёръ. Іонъ, молъ, и ни адной слязы ни уранилъ, што атецъ умёръ. Іонъ и ни панимаить, видишь, што атецъ умёръ...

Мой мужъ атвѣтилъ:

— Адна ты панимаишь!

А Самсонъ мальчикъ атвѣтилъ иму:

— Сиди, дубина! Ета тваё была дѣла старатца харанить атца... Ета тваё была дѣла хлапатать... А сирчать-то ты знаишь.

А мать атвичаить:

— Ничаво ты ни знаишь — и малчи!.. Я пастáрій и тобѣ ѐтыми дилами ни распарядилась...

А народъ свякрови за сталомъ сказалъ:—«Правда, тётушка, правда»!... Народъ вылáзить изъ-за стала и молитца Богу.

Народъ вылазить изъ-за стала и публагадаряить, и я ихъ публагадарила, низка пакланилась имъ и публагадарила.

— И васъ благадарю, мужички, благадарю васъ, рибятушки, што вы мине ни аслухались.

Какъ народъ изъ-за стала вылѣзъ, хочуть идти двару-та:

— Натя молъ, гулубятачки, памянитя маиго свéкара, нашига батюшка— и всимъ такъ-та приказывала.

— Ну, благадарю, благадарю! Народъ такъ гаварилъ, каво я адилѧла, хто начивалъ по нёмъ-та.

Адна старушка старéнькія начивала, да и кажить моей свякрови:

— Ну, Анютушка, бабычка (ета про мине) тибѣ ни плахая папалася.

А свякроўя кажить:

— Бабычка — благадарю Богу—папалась харошія. Развѣ хто разстроить—боюсь—жить са мной ни будить... А я сказала:—Нѣтъ, мамушка, я, молъ, васъ ни бросю—ни брóсьти вы, молъ, мине... Ты видишь, молъ, какъ атца схаранила—такъ та и тибе схараню .. Ана мнѣ сказала,—узила мнѣ клáнитца Я іé ни дапустила, узила да астанавила: нѣтъ, нѣтъ, мамачка! рукою за плечи узила да и астанавила:

— Видно, мнѣ съ мальства Бохъ далъ у гори жить—видна, я етыва ни стою.

Мать ничиво ни змóлвила, сéрца ни астанавила, взила и абмирлá. Апять ей вадицы дала у ротъ; ана такъ пряма аташлá и стала гýтарить. Я ей приказывала:

— Ты, мамушка, ни плачъ! Хочъ на лавычки сиди ни работай, да заставляй насъ кой-што дѣлать, какъ батюшка: мнѣ съ табой виселѣича.

Молъ, батюшка умёръ и ты такъ-та умрешь,—аставишь адныхъ; ты паживи штобъ мнѣ Самсона съ табой ажанить.

Ана астипинилася—ни стала плакать—и жили харашо—и слухали дружка дружку—и землю диржали—и присѣвакъ и подать платили: за нами подать ни стаяла.

13. Какъ вырастила Улита и оженила деверя. Последнія минуты свекрови, ея советы.

Вмѣсти съ девиримъ хадили у работу, у драва: берéсту драли, драва рѣзали. И приняволила я свякроўю:—«давай, молъ, оженимъ Самсона осенью»!.. Перегу́тарила съ свякроўю адна—іонъ ища етыхъ дялоў ни знаить.

Іонъ вѣдаишъ у дравахъ былъ на работи на лашадяхъ, драва вазилъ.

— Самсóнушка?

— «Що»?

А дѣла эта была вечирамъ.

Што я табѣ хачу сказать.

И сидимъ мы уси трóя на лавычки и свякрóва падлѣ мине и думаймъ.

— «Нада, мальчикъ, тибе ажанить». Іонъ усмѣхнулся и кажить:

— «Хитрó наша малодка думаить».—Ана думаить ажанйть, шутйть, а деньги—дѣ? Ета жанитца—ни шутить, малодка?..

А я яму гаварю.

— «Чаво молъ ни жанитца?

У насъ хлѣбъ свой у волю зарадилъ. И крупы двѣ четверти харошіи нарушили; намъ тольки адно вино и папу за винчанія заплатить. Пáднялись мы жить харашо...

И ни думала и ни чаяла я, што такъ-та будимъ жить харашо, атца схараня и очинь радá и давóльна Господу Богу, што харашо жили—другъ дружку слухали. И девирь былъ у́минъ, а то ища пасмыслинѣлъ и паумнѣлъ—весь какъ атецъ: и рукодѣльный, и на'бычай харошъ.

— Ета ты, малодъ, съ дворникамъ пиригавари.

Какъ дасть вина чатыри видра, то и аженимся: тагды харашо мнѣ мѣсту искать.

Вѣдаишь, я прихажу хъ дворнику, Ивану Иванывичу. Прихажу, пумалилась Богу:

— «Здароў, Иванъ Иванывичъ»!..

— Ну, што, Ульянушка, харошинькіа скажишь?

А я, молъ, харошинькія скажу:—да вашій милысти!

— Намъ жалаитца съ матирью Самсона жанить.

— «Ета дѣла ни плахая! Ета харашо бъ, када бъ ана сама иво при жіўнасти жанила»!..

— Молъ ты намъ, Иванъ Иванычъ, вина намъ адалжи, а деньги у насъ свае́ есть.

— «Ну гаварить: дамъ»!...

Прихажу я къ свякроўи и гаварю.—Далъ, патаму сказалъ дамъ, што яму усё атдавáимъ, какъ пенькю и какъ канаплю сѣимъ.

Мы утройки всё, вѣдаишь, пиридумали, узяли, да и сасватали дѣўку, у Тирабени сиротку узяли за ниво.

Напирёдъ я адна пришла къ ней; ну, вѣдаишь, пришла. У неё была мачиха, а у мачихи былъ сынъ.

— Здароў вамъ!

Маей нивѣстки мачиха гаварить:

— Ничаййный гость пришолъ.

Тутъ-та восинь! у мине женихъ, у васъ нивѣста — давай, молъ, парадпимся.

Перебалакали.—Пайдешь ты, Игвéшка, гаварю нивѣсти за нáшига Самсона?

Ана, Игвéшка, у нашига сусѣда у батрачкахъ попличъ съ нами лѣтывала и Самсона знала.

— Пайду.—Съ ахотыю пашла сразу.

Дальши мы съ свякровьею пришли къ ней Егвéшки, пумалились Богу, затéплили свѣчку, сваю усю срóдычъ собрали. Са двара мы прiѣзжали усяго трóи. И стали дагавариватца:—мнóга ли Егвéшки вы́гавара дадитя?

Свякроўя мая баитца—малчить; а я гаварю: «Свашичка, сами сибе ни скудийти и насъ ни абижайти».

Сваха и гаварить:

— Видна, чатыри рублики выгавару съ васъ вазьмéмъ!..

А я гаварю:

— Чатыри рубли, молъ, сваха, дорга—вы вазьмити траичóкъ.

Свахъ гаварить:

— Траичокъ и траичокъ! Дай Бохъ часъ!

Свитку мы дали нивѣсти — ета атъ жиниху водитца — анучки дали и четверть вина (ета атъ жиниха водитца).

Патомъ стали прамизъ сибя дома спраўлятца, какъ свадьбу-та играть.

Вино дворникъ далъ, изъ харчей у насъ быле сваё. И вѣдаишъ черезъ двѣ нидѣли малыга ажанили. Привили маладайку.

Два года съ свякроўю жили харашо, ладили, ни ўздóрили: што ни заставю, маладайка слухалась. Бывала, усё дѣлала. А тутъ свякровья умирать стала, и приказывала, вѣдаишь, свякроўя Самсону:

— «Самсонушка, живитя какъ при мнѣ жили: слухайтись, какъ слухались. Я радá, што бабы прамизъ сибе ни бранились-та...

Самсону-то напередъ приказываить, а я всё малчала, выглядывала, пакэль ана яму усё приказываить.

— «Ты жъ, Самсонушка, маладайкю-то ни брасай: ана усё харашо дѣлала!..

Намъ жа и грѣхъ Самсонушка забыть! Вотъ атца схаранила — хлапатала, и тибе жанила, хлапатала. Твая баба сирдитая! Я вижу: у ней ни такой абычай, какъ у Улиты. Ты разгнѣвйишь ié, ана усё за тваю нóшу бирéтца, усё вырабатываить, усё ни мéчить, уси нужды твои папалняить. Улита жениныхъ ричей ни слухай. ни брасай ей. Хочь вы ни падладитя, раздѣлитись — и то ни брасай! Хочь раздѣлисься —и то ни абижай. Грѣхъ намъ будить... iе... забыть!..

Какъ атецъ атказывалъ: атдай! И я приказываю:

Штобъ ты сполнилъ éй!

Штобъ ана ни плакалась на насъ!..

А ежели будуть прамизъ сибе бабы ладить—живитя у мѣсть, гаварить.

— Я жъ ба и радá ей, кали будить жить.

Я яму сказала:

— Я молъ, мальчикъ, радá, када бы вы ни бросили мине-й та!

Кали бъ у мине рибятки, и то всиво двѣ дѣвычки. А другоя дѣла, мужъ мой плахой,—куды я съ ними дѣнуся?

Стала свякровья приказывать:—а ты, галубучка, держись за пяго—ни атхади!

— Ды съ нимъ я усё падладю, абычай у ниго харошій, а съ бабой-то, ня бось ни падладю, бабушка!..

— Ну, тады, мая дѣтычка, въ избушичкѣ склади печичку—печки адной пѣту дóбре—и живи, какъ нибудь съ дѣвачками, какъ тябѣ Бохъ дасть. Какъ нибудь будишь жить, будишъ кармитца—ты сваимъ абычаимъ у簡дѣ падладишь:

Ты, маладаичка, мине палуччи схарани,—какъ атца-та харапила,—А я гаварю: ища тибе лучччи схараню: хлѣбушка у насъ свой есть и усе, усё сваё есть.

— Такъ-та, маё дѣтычка, пагаласи па мнѣ, какъ па атцу: добре жъ ты люба па атцу галасила, весь народъ праслезила...

А я и гаварю:—«Па тобѣ, мамычка, я ищо лучччи пагаласю, патаму што я на тибе начáилась. Усё я за тибе диржалася. А тагды мнѣ горя болій привалитца, какъ ты памрешь.

Вотъ у тибѣ двѣ дѣвычки падраступь, пасмыслинѣють,—можить горя усё будить ни такоя, можить, іонъ (мужъ мой) выдуритца, мóжить быть, абáпылъ двара будитя капатца, жить будитя.

«Малодь, я вижу, баба, Егвéшка сурьёзная,—ни падладитя. Твой мужъ у работу ни дахóдить да ея мужа—ана абидитца, што іе мужъ болій работаить. Ежели ни падладитя, то хучъ душу зимли вазьми—хочъ картошки сади—будишь кармитца»... Ета ана мнѣ съ дѣвычками приказываить.

«Ты жъ ни мичи ево, дурака, ни брось ивó! Застаўляй такъ-та, дабромъ—што жъ дѣлать? У яво тольки видна панятéя.

Пажалуйста, ни брасай, иво,—пажалуйста!

Хуть абчаши, абмый»!..

— Іонъ, мамычка, добре нихарошъ, а люди разстрóють: тахта іонъ самъ са мною ня будить жить. Іонъ хочъ на ета дурной—памятѝть на еты слава, хто што яму ни скажить.

— Онъ сабѣ только ни слухаить, а ты, дѣвычка, ни сходи далоў съ двара, я тибе дабромъ упрашаю.

— Переслýхаить чужихъ рѣчей—мине съ дѣвычками далоў съ двара сгóнють.

— Хто тибѣ, дѣтычка, сгонить, калиты ни пайдешь съ двара. Живи, живи!

«Я таво то, матушка, баюсь, што астанусь такъ!

Ана приказываить:

— Нихто тибе ни сгóнить; сиди смѣла въ ўглушку, далоў съ двара ни хади! За то тибѣ намъ намъ жалко, што ты насъ старикоў ни бросила! Типерь, дѣтычка, усё я съ табою пиригутарила и удóваль я съ табою, дѣтычка набалáкалась.

— «На етымъ, мамычка, тибе благадарю, што мине ты усё харóшиму научаишь»...

— Вотъ мамычка за тыи-та слава дужа харашо схараню! а сама подли яé плачу, а ана мине усё ваймáйть.

А я усё атвичаю:

— Я бъ, маминька, никакъ ни плакала, да слёзъ никакъ ни удержи́шъ!

— «Да я знаю што ни удéржишь»!

Я зная, што па сваей удали кармитца бу́дишь, будишь жить.

А тутъ жа девирь сидить, тутъ жа и нивѣстка; ана усё балакаить са мною, ана мине всё ваймайть.

И приказываить свякроўя:

— «Ягадка мой, у рѣдкую стежку, дужа ни агарчай»!..

Ни мичи ихъ!.. А то ана плачить, што нé за выга ей узятца!

А іонъ отвѣти́лъ:

— Бабы урошливы! Хто ихъ астановить! бабъ нихто ни астановить; мужикъ скарѣй обыйдéтца!..

Теперь маи дѣтычки усё вамъ приказала, усё! живитя харашо!

Они малчать абѣя съ жаною, а я сказала:

— На етымъ спасиба, што ты харашо имъ сказала, я да самый смерти на етыхъ славечкахъ всё буду тибе пуминать.

---

14. Причитанія по свекрови. Улита снова причитываетъ свекора и слегка упрекаетъ его. Обращеніе Улиты въ причитаніи къ деверю, чтобы онъ ея не бросалъ.

Умирла на третій день.

Галасила па ней:

— «Галубычка мамушка, добре скора нару́гнулись вы нада мною съ батюшкамъ. Я абъ тибе, мамынька, ни думала, што ты мине скора бросила. На каво жъ мнѣ типерь аглянутца? Съ дѣвычками сь малыми я асталась?! Я жъ, мая матушка, никакъ вашихъ славечушикъ ни забуду, какъ вы мнѣ приказывали. Я то жъ ета атъ васъ и ни думала и ни чáяла, штобъ вы мине скора брóсили. Я такъ думала, што ты падóли съ нами наживéшь, што намъ дѣтыч-

камъ узрастить. Какъ жа мнѣ съ табою разставатца! Разстанься мая душа съ тѣламъ, да ни я съ табою!

Стала урядъ свекыра причитывать.

«Радимый мой батюшка, што вы нада мною скора насміялися! Я и ни думала атъ васъ етыва. За то я па тибе сирчаю, што лиха мине абманулъ: за дурака з а д а л ж и л ъ. На томъ тибѣ благадарю, што ты мнѣ усё па Божьиму атдалъ.

Стала девиря причитывать; іонъ подли мине сидѝть:

— «Милый мой дивирёчикъ, ни брось ты мине при етымъ горю при бальшомъ. Хучъ ты мине ни карми, хучъ ты мнѣ ласкавыя славе́чка дай, какъ я тибе ета ни брасала—такъ и ты мине ета ни брось при бальшомъ при етымъ горю»...

Девирь тутъ-та сталъ мине ваймáть, и самъ плачить и мине ваймаить:

— Ну, буде, буде, малодъ—какъ нибудь будимъ жить.

Народъ плачить, страсть па мнѣ плачить, Игвéшка мине ваймáла, плакала, а причо̀тамъ ни галасила.

Игвéшка ваймáла:

— Буде, бальшýхъ! бýде, галубычка—бальшýхъ, плакать! какъ нибудь будимъ жить...

А девирь сказалъ:

— Мнѣ будить, малодъ, кусокъ хлѣба и табѣ будить! Я тибѣ ни брошу. Какъ ты мине ни брасала. такъ и я тябе ни бро̀сю!

Зáмалчалъ девирь, стала ваймáть Егвéшка:

— «Ни плачъ, галубычка! Ни бросимъ»!..

И па мине, Игвéшка, харашо ваймала съ мужимъ, гаварить нечива, харашо ваймала. Я усё галашу, я усё галашу, я, вѣдаишъ, галашу, глянула: мой дуракъ на лавки сидить:

— Нильзя мнѣ галубычки уня̀тца: Надёжа моя нивѣрная!..

А дуракъ мáлчѝть и слязы ни ураніу, нѝ чово́!..

А Игвéшка тутъ страсть зарыгáла; и народъ страсть зарыгáла. Держить мине и рыгаить, а причётымъ ни причитываить.

Игвéшка гаварить тада Самсону:

— Увайми жъ ты іе, Самсонъ!

Самсонъ, увайми жъ ты іе плакать!

Бýде ей плакать!

Іонъ падшолъ, сталъ ваймáть.

— Ну буде, малодъ, галубычка плакать; теперь мы ни падоймимъ ихъ: вси дѣла ни дѣла бизъ тибе некаму.

А я яму атвѣтѝла:

— «Милый мой мальчикъ, тяперь маи руки ни къ чаму ни приставають братца. Удрухъ же мае ручушки подсѣклись, и ножиньки надламались...

Я у причётъ, а народъ па хати рыхъ, рыхъ, рыхъ...

Іонъ таки мине за плячо узялъ и атъ матири, атъ лаўки та атвёлъ: Бўди, бўди!

Тутъ я пиристала, вѣдаишь нямнога пагодя, а я сижу на лавычки, заставилъ девирь.

— Сѣй муку, бярись за дѣла; тяперь мы етыга ни падоймимъ: какъ работала, такъ бирись и работай!

Игвѐшку паслала къ сусѣду пупрасить ситца муку сѣить:

— «Иди, дѣвычка, пупраси ситца, а народушку полна изба»!

А бабы кой-какы́я:—«заставляй ихъ дѣлать, какъ заставляла, аны тибе будуть слухать»!

Самсонъ нямнога мине пазыма́лъ:

— «Што жъ, малодъ, намъ типерь дѣлать? Што нужна-та»?

— Иди, мальчикъ, приниси распятія!—Свѣчей, молъ, вазьми.

— Многаль свичей.

— Вазьми питнадцать свичей—за ночъ жи и патратимъ ихъ.

Принёсъ іонъ свѣчки, принёсъ и Распятія.

— Типирь, мальчикъ, иди батьки скажися: завтри какъ харанить скажить, што ни сказался учирась. И спраси ко́льки вазьмётъ за пахараненія.

Іонъ спрасилъ у иво.

— Три рубля са ўсимъ праважа́тымъ да пагоста.

Пахаранили какъ должно быть во́чинь харашо; абѣдъ справили харошій, кушанья были щи, каша, кисель: и мясноя была харошія, и четверть вина брали, удоваль пилъ народъ, я яво кармила и бальшая была благадаренія.

Дай Бохъ штобъ мае дочки такъ мине схаранили, какъ я атца съ матерью. Ни думаитца!..

---

15. Улита два года живетъ въ согласіи съ деверемъ и его женою.

Два года жили харашо, ладили.

Какъ у работу праважаю съ радастью и встриваю—рада́. Рада, што ласкавая слова даваютъ.

Изъ работы придутъ.

— «Ну, маладачка, какъ дома?

— Слава Богу, всё, молъ, харашо домъ —какъ вы тама!

— А харашо: семъ рублей за нидѣлю вырабатали.

Слава Богу! И пирякстилась.

Слава Богу, слава Богу!

Хуть ба мы кармились какъ нибудь.

— Нѣтъ, бальшухъ, я съ нимъ у работу ни пайду.

— «Пачаму»?

И мы вси троя сидимъ ужинаимъ.

На пане́ву денихъ ни дава́ить.

— «Атдай, мальчикъ, ей денихъ! Радни нѣту; атца у ніе́ нѣту»... Узялъ абѣимъ па рублю далъ. И ладна жили.

---

16. Егве́шка, жена деверя, подралась съ дуракомъ, мужемъ Улиты. Начало ссоры. Дѣло идетъ къ дѣлежу.

Правадила я усихъ трехъ у работу нивѣстку и Самсона и мужа, а сама дома хазяйствовала са сваими дѣвачками.

Ну, приходють съ рабо́ти грустныи.

Напередъ ана пришла.

— Што харашо у рабо́тя была ай нѣтъ? Какъ нидѣлю ету работали?

Ана малчить.

— Што жъ ты малчишь? и пришла грустна́я?

— «Спраси у свайго мужа»!

— Што жъ мнѣ мужа спрашивать?

Ана малчить, и я малчу—ни спрашиваю.

Нямнога пагадя Самсонъ приходить съ рабо́тя; абѣи пришли вмѣсти, а я напярёдъ Самсона стала спрашивать, напярёдъ стала змнать.

— Што, Самсонъ, твая жина грустна́я пришла? Ай, задрались тамъ?

— Нѣтъ мы ни падрались, ана съ Ва́нькамъ, тваимъ мужамъ, падралась.

— Какъ жа вы падрались? Ана яго урякну́ла, а онъ ей, да и павизлись дружка съ дружкай.

— «За што жъ, молъ, дѣла стала»?..

— Тапоръ онъ палёкши узялъ, а ей свой атдалъ тижо́лый.

Ана гаварить:—«мнѣ твайво тапара ни нада».

Ни гаваря ничаво падскачила, тапоръ изъ рукъ яво вырвала, а іонъ ни даваить.

Іонъ сичасъ разсирчалъ, узялъ сукъ да па спинѣ ей и адѣлъ...

Ана заплакала, да и гаварить:

— «Нихачу́ жить! штобъ дилитца»!..

Самъ мнѣ кажить и смѣетца.

— А я, кажу, мальчикъ ты и ни съумѣлъ ихъ смирнить. Ты бъ узялъ сукъ да абѣихъ сукамъ и асмирнилъ!..

А іонъ мнѣ, девирь, сказалъ:

— Яво трудно́ асмирнить: іонъ тапаромъ изсякéть.

Узила мужа стала бранить: (Девирь смiётца, а я ни смiюся).

— Дубина, ничиво ни знаишь, ни панимаишь, а пакаритца, молъ, тибѣ ни хочитца. Атдѣлють - ты хазяйства ничиво ни судержишь!

Дуракъ гаварить:—я самъ атдялюся.

И малчать, вѣдаишь, и я малчу.

Нямнога время пагадя, девирь гаварить:—сабирай, малодъ, ужинать.

Я сабрала, ды сѣли мы ужинать съ девиримъ; яны ни садятца, ета пара; ни мой мужъ, ни Егвёшка.

Самсонъ гаварить:

— Садись, Игвёшъ, ужинай!

Взила да нá печъ и лигла, а вужинать ни пашла.

— А ты, молъ, чово, дуракъ, гаварю я, ни садишься ужинать?

Вѣдаишь, малчить уси, уси малчить. А я и сказала: видна Самсонъ уздумыли вы дилйтца, мальчикъ!

— А хто съ нимъ сживётца, съ етымъ дабрахóдамъ! Пасматри, какая у жаны сйнива!.. Падладить!..

Павужиналъ іонъ, девирь, и съ вужина-то вылазить.

— Я атъ няво какой срамъ примаю. Ни слýхаить мине ни въ куль, ни въ вóду, а я иво буду пачитать.

Я иво ни буду слýхать.

Самсонъ етытъ ища съ вужина вылизъ, сидить на лаўки и гаварить:— «Ну, малодъ, типерь дѣла здѣлана. Што вмѣсти тепирь не жить»!..

— Ета дѣла ваша: я давно познала, што вмѣсти ни жить!.. Мы стариковъ сабиремъ?

— Да, пириначуйтя! Заўтри дѣла видна будить!

На завтри Самсонъ вставаить и гýтарить:

— Ну, што жъ, малодъ, старасту што ль привесть?

А я сказала: на што привадить? Ты помпишь: што мать атказывала, што атецъ атказывалъ. Быть сибѣ, аставайся у маей избѣ, а я въ тваей печъ складу, перейду.

---

17. Дѣлёжъ.

— Деверь мой: вазьми маю избу: а то ни асилишь въ сваей печку слажить...

— Я: нѣтъ, какую мнѣ атдали радитили, тую я и бяру.

— «Видна, уздумалъ дилитца—и забылъ, Самсонушка, маё усё старанія. Я абъ тибѣ, мальчикъ, и ни думала; ни зъумѣлъ жану сваю астанавить. Я бъ, молъ, тибе ни бросила, и ты бъ мине ни бросилъ. И абижатца было нéчимъ. Усё мае имущества тваё бъ, патаму у мине дѣвычки—ни мальчики; вырастили бъ и замужъ атдали. Адну бъ избу узила бъ—и тольки, а то бы усё тибѣ атдáла.

А іонъ мнѣ атвичáить:

— Можить быть, малодъ, мы съ табой разыйдёмся для лýччага. Падаватца твой мужъ мнѣ ни въ чомъ ни падаваитца. Заставлять яго работать нильзя. Какъ знаитя—живитя! Я собѣ буду хозяйства вясти, а вы сабѣ. А я сажу да плачу...

Раздилёмши, а идѣ жъ ты мине ни будишъ бросать. Хто тибѣ вилить абáпалъ маяво хазяйства даглядывать?

— Сами разыйдемся или стариковъ пазвать? гаварить девирь.

Я сказала:—На што старикоў? Давай па совѣсти разыйдемся. Какъ радитили насъ благаславили. Всякъ сваё и палучить.

— Ни нада стариковъ?

— «Ни нада! Сами разыйдемся»!

— А то уздумаишъ, малодъ, маю избу узять. Ты пѐчки ни асилишь слажить?

Я сказала:—«Твая, мальчикъ, изба уже старая. Я годъ, два паживу, ана завалитца—а я апять, молъ, бизъ избы астануся»...

— Мнѣ, малодъ, той палавины ни хатѣлась атдавать, што радитили тибѣ атказали. Тебе радитили лучча маяво наградили.

Я атвѣчаю:—«Я сама лучча, молъ, твояво старалась, и атца и матирь пахаранила харашо. Я и тибе наградила, жанила и у люди вывила; нихто, мальчикъ, ни насміялся намъ съ табой.—Давай, мальчикъ, па добрый совѣсти разыйдемся. Я вижу! ни на то вы, мальчикъ, взыграли съ жаной. Типерь дѣла здѣлана!

— Ну, видна, расходитца.

— «Ну, расходитца—у добрый часъ. Ни зумѣлъ ты жану сакратить—нада расхадитца!..

Я, вѣдаишъ, апять заплакала.

А онъ гаварить:—«Чаму ета быть, штобъ я жаны ни сукратѝлъ? Больши чиризъ мужа чиризъ твайво дялюсь».

Я яму гавярю: «Тольки у мужа понятія, што онъ зъ дуринай—ничаво ни панимаить та. Онъ са мной, можить, ня будить жить! Хто жъ вѣдаить, што у няго на умѣ»!..

Многа жъ у насъ хлѣба, малодъ, спечо́нага карве́гъ?

Я атвѣчала: двѣ карве́ги, и принисла яму у избу двѣ карве́ги и палажила на столъ.

Ну, узялъ іонъ карве́ги: адну сабѣ узялъ, а другую мнѣ атдалъ.

А я яму:—«На этымъ, мальчикъ, спасиба, што виде́шъ па Бо́жьиму».

А тутъ я все малчу, вѣдаишь. Тутъ онъ взялъ чатыри иконы и кажить: вотъ тобѣ двѣ иконы, а вотъ мнѣ. Пять чугоначкыў, малодъ! Сабѣ два бяру, а тобѣ три атдаваю!

Жана и забранилась на яго, Игве́шка.

— Што жъ ты ей усе паатдавалъ?! Ты ей все паатдай имўчиства—та...

— Ты сиди ни тваё дѣла! Пра то я знаю, ко́льки и што ей атдать... Мы тагда пагарѣли: ина ко́я-што напрасила, всё двару несла. А ты са мной разашлась, разсердилась,—даставляй жа ты, кольки ана у дворъ даставляла...

Я малчу, вѣдаишь. Ета онъ съ жаной всё талку́ить.—Я тваю волю патварилъ; вотъ пагляжу, какъ ты управишься, хазяйства пувяде́шь мнѣ. Я тады тибе всё ета вытрису, кали ты куда ни паспѣишь работами.

Ета я все малчала; а онъ съ жаной дагаваривался. Раздѣлились.

Дѣла падхо́дить къ зимы.

Разашлись мы на зимнига Николу.

Люди дивились! и ни чуть какъ ины раздѣлились—ни шуму мы ни падымали, ни страму.

---

18. Ссора. Мужъ-дуракъ идетъ противъ Улиты. Судъ. Смерть мужа-дурака; не Улита, а дочь по немъ причитывала.

Пиришѐдши, я жила въ сваей избѣ. Узялъ Самсонъ да майго мужа къ сабѣ сманулъ:—«я тибѣ, Ва́нькя, бярусь да смерти адѣть, абуть и пахаранить. А Улиту изъ двара вы́дваранимъ»...

Самсона нихто больши какъ жонка падбивала—усё яѐ настрой.

Іонъ, вѣдаишь, выгналъ мине вонъ са двара. И атабрали лошадь ащé кароўку-дроўку. Я узила да къ суду придала́. Ну, вѣдаишь, судъ присудилъ у маю пользу, штобъ усё узваратить. Узила у свой домъ, пуступила жить и усё узваратила: карову и лошадь. Онъ апять майго мужа настроилъ прадать маю дроўку. Мине дома не была—анѝ прадали и лошадь апять са двара увёлъ и съ павозкаю и продалъ пряма у Хатынецъ, и нейзвѣсна за многа-ли. Прихажу я къ Самсону: ета тваи настрои—ета ты иво научилъ. Самсонъ, я атыму у тибе тваю лошадь и тваю карову, патаму тваи настрóи.

Я узила девиря къ суду придала, абѣхъ и мужа и девиря. Судъ сталъ спрашивать:

— «На што, Антонъ, карову ей прадалъ?»

— Я ни прадавалъ—мужъ прадалъ.

— «Ты, Иванъ, карову прадалъ?»

— Прадалъ.

— «А дéньги идѣ?»

Іонъ сказалъ:—я атдалъ деньги брату Самсону.

— «Ну, Самсонъ, ты о̀тдай ей за карову деньги».

А Самсонъ атвичаитъ:

— Я вòтдамъ деньги, да на чіемъ Ванькя конику памреть—ана иво ни будить харанить.

Я патомъ пришла съ суду дамой, да съ дѣвками пиригу́тарила, и большая дѣвка гаварить:

— Да Бохъ съ нимъ атдаў, ни атдаў—і ò н с я! пущай живéть!

Я прихажу къ стараcты и гаварю:—я иво къ собѣ у хату ни пусьтю.

А стараста гаварить:—«Ни пущай падлица̀, у маю голаву ни пущай! Брату атдалъ—пущай у брата и живеть!

Я выгнала Ванькю и братъ выгналъ. А сусѣди стали бранить Ванькю; вотъ какъ бранили, страсть Божья.

— Тая нивѣстка тибе ни обчéшить, ни абмыить, а вшей ты, видна, пакóрмишь... И здóрава ругали иво сасѣди. Дѣ жъ ета видна што са свайво двара атходють?

Хто вѣдаить идѣ Ванька лѣтывалъ и девирь ни зналъ, идѣ онъ былъ, далжно у степи шлялся и пабирался.

Падъ маслиную пришолъ къ сяcтры, а на завтрива присылаить за дочирью:

— Падитя, привядитя Мархвутку.

А Мархвутка пришла къ яму.

— Ай, ты, батюшка, пришолъ къ двару?

— Пришолъ—«Ты заўмиралъ»?—Прихварáлось.

Пайдемъ двару—я тибе пувяду.

— Я баюсь типерь идти къ матири. Я самъ надъ нею наругнулся и самъ плоха здѣлалъ: паслухалъ нивѣстку съ братамъ—ни выгыдалъ я.

А систра гаварить:

— Баишься къ сяcтрѣ идти?

— «Баюсь. Такъ ты иди и ляжъ на печи брата. Ня смѣить тибе изъ хаты выгнуть».

Гаварить на маю дочирь:

— «Атвиди иво къ дяди—ана узяла и привила яго къ дяди».

Пажилъ двѣ нядѣли. Бранить яво ни бранили, дазирать ни дазирали; що дочъ дазрiть, то и есть.

Помиръ Ванькя. Дазирала дочъ: аткуль катéлыкъ разживетца, аткуль бараныкъ—усё яго кармила.

Запрасилъ онъ у нiе яблыкъ. Ана яму разжилась и принисла два яблыка.— Бáчка, я разжилась два яблыка—съѣшь.

— «Ну, дочичка, спасиба на етымъ»!,.

— Ты, батюшка, знать патруднѣлъ?..

— «Ты, дочичка, пирихади съ мужимъ къ матири у мой дворъ». (Я судъ узнáвливала и все получила, акроми лошади и каровы, што продали съ братамъ Самсонамъ при суда узнáвливала и три рàза у зéмскаго была и три рàза у Жиздри съ дéверимъ и съ мужимъ).

Дочири приказывала:—«Если братъ падсóбить харанить, то ни страмитися, ни узнавливайтя судъ; а если ни будить харанить, то узнавливайтя судъ: я всё яму отдала деньги за карову и за лошадь».

Девирь ни харанилъ: Ивó не была дома, а жина ни стала харанить. Дурака пахаранить пахаранила, а плакать ни плакала и слязы ни уранила. Дажа на мéртвыга пасирчала: дуракъ всё паатдалъ брату, а самъ мине ни минувалъ харанитца.

Младшая дочъ—ни хужи мине—ни плакала, а старшая плакать плакала, галасить галасила и причотымъ причитывала.

В. Н. Добровольскiй.

Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотьмы.

(Продолженіе).

7 августа мы были въ деревнѣ Вахнѣ или Вахневой, 18 вер. отъ Мякишевой. Деревня эта лежитъ при р. Шарженьгѣ; дорогой мы перешли по мосту черезъ р. Андангу, близъ ея устья. Рѣкъ этого имени въ Никольскомъ уѣздѣ три, если не болѣе; одна впадаетъ въ Югъ слѣва, выше Пермаса, другая справа, также выше Пермаса, третья течетъ въ Шарженьгу изъ сѣверной оконечности Никольскаго сузёма и впадаетъ близъ дер. Вахни. Возлѣ моста черезъ Андангу находится мельница. Мельницы пока единственныя общественныя имущества у здѣшнихъ крестьянъ; они могли бы имѣть воспитательное значеніе для крестьянскихъ общинъ, если бъ находились въ дѣйствительномъ распоряженіи ихъ; въ сущности онѣ только считаются de jure общественнымъ имуществомъ, но общины никакой власти надъ ними не имѣютъ и сдаются онѣ въ аренду волостнымъ начальствомъ. Мельница на Андангѣ была по обыкновенію построена крестьяниномъ, но съ тѣмъ, чтобъ черезъ 12 лѣтъ она поступила въ церковную казну; прежде она сдавалась въ аренду церковнымъ старостой. Мнѣ говорили, что она и теперь сдается имъ, но это едва ли такъ; сами крестьяне хорошо не знаютъ, какъ совершается сдача мельницъ въ аренду. За помолъ здѣсь берутъ по 1½ к. с. съ мѣшка и кромѣ того лопатку въ 10 ф. Въ другихъ мѣстахъ существуетъ другая плата. Въ Родюкинск. обществѣ считается 8 мельницъ; въ одной изъ нихъ мельникъ беретъ 3 к. и лопату муки фунтовъ въ 6 съ мѣшка, въ которомъ бываетъ до 10 пудовъ, а съ жителей города Никольска по 2 к. съ пуда; другой мельникъ беретъ по 5 коп. съ человѣка въ годъ и кромѣ того по лопаткѣ съ мѣшка. Въ Тотемскомъ у. мельники берутъ по лопаткѣ съ мѣшка; лопаты разной величины; съ большого мѣшка берутъ большую лопату, съ малаго малую; другіе берутъ по 1 к. с. съ мѣшка; болѣе опредѣляютъ цѣну на „самовзглядъ“.

Всѣхъ мельницъ въ Никольскомъ уѣздѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ уѣздн. земск. управой, 247; въ томъ числѣ водяныхъ мелницъ 208, водяныхъ толчей 11, вѣтряныхъ мельницъ 28. Въ свѣденіяхъ управы не вездѣ сдѣлано раздѣленіе ихъ на общественныя, частныя, церковныя и казенныя, и потому мы не можемъ привести полную цифру общественныхъ мельницъ; вотъ однакожъ тѣ свѣденія, въ которыхъ сдѣлано указаніе на принадлежность мельницъ обществамъ. Въ Шонго-Николаевской волости считается мірскихъ мельницъ и толчей 18, въ Бобровско-Захаровской 13, въ Плесовской 7, въ Шестаковской 10, Езекіевской 15, Родюкинской 9, Павинской 7, Лапшинской 23, Черновско-Николаевской 24, Байдаровской 18, Аргуновской 11. Общая стоимость ихъ 21547 р., дохода доставляютъ владѣльцамъ 3247 р. Кромѣ того безъ указанія, общественныя или нѣтъ, мельницъ показано въ Утмановской волости 5, Щеткинской 13, Волмангской 4, Лузянской 6, Березниковской 12, Вознесенской 16, Кемской 7 и Подболотной 19. Одна мельница Спринская въ Бобровской волости показана находящеюся въ распоряженіи довѣреннаго крестьянъ Трофимовскаго общества. Не знаемъ, составляетъ ли она единственное исключеніе въ уѣздѣ.

Кромѣ общественныхъ мельницъ въ Никольск. у. есть еще казенныя оброчныя мельницы, именно въ Никольск. лѣсничествѣ—Ветлугская, сдается въ аренду за 1 р., Большестрѣлковская за 41 р. 50 к., Ушаковская за 12 р. 10 к., Герасимовская за 75 р. 30 к,, Тимонковская за 58 р. 5 к., Степучевская за 5 р. 75 к., Кодочиговская за 5 р. 20 к., Степучевская (другая) за 5 р. 25 к., Лундонгская за 2 р., Кемская за 7 р. 25 к., въ Путемскомъ лѣсничествѣ Аксеновская за 41 р., Морозовская за 15 р. 35 к., Путемская за 33 р. и Лодейно-Раменская за 11 рублей

Въ деревнѣ, Вахнѣ въ избѣ нашего хозяина, я нашелъ очень вычурный п р и г о л о в а ш е к ъ у печи. Здѣшнія печи по большей части безъ трубъ; кожуха, т. е. той части трубы, которая находится внутри избы, здѣсь не дѣлаютъ вовсе, только для того, чтобъ дымъ не завивалъ надъ печью. дѣлается надъ цѣломъ стѣнка, кончающаяся вверху шлемообразно; это называется п а з у х о й; шестокъ т. е. выступъ печнаго пода передъ цѣломъ съ боку одѣвается доской, которая назыв. с т о л б у ш к о й; верхняя часть столбушки, п р и г о л о в а ш е к ъ, поднимается четверти на двѣ выше шестка и бываетъ украшена разнообразными вырѣзами; подлѣ приголовашка садятся обыкновенно на шестокъ маленькія дѣти въ то время, какъ печь топится. Приголовашекъ, срисованный мною въ Вахнѣ, имѣетъ сходство съ тѣми фигурами, которыя подъ названіемъ к а б ы л о к ъ украшаютъ въ здѣшнихъ избахъ с у д к и. Судками здѣсь назыв. передній уголъ вообще и божница въ особенности, божница здѣшняя имѣетъ видъ полки, состоящей изъ треуголь-

ника, вставленнаго въ передній уголь и двухъ крыльевъ вдоль правой и лѣвой стѣны. На концахъ крыльевъ находятся шлемовидныя украшенія, которыя называются кобылками; иногда форма конской головы очень не ясно представлена въ этихъ украшеніяхъ, иногда же видны даже два уха, как на рисункѣ, который я сдѣлалъ въ дер. Кумбисеръ (по системѣ р. Лохи). Вѣроятно кобылки въ судкахъ имѣютъ одно происхожденіе съ коньками на крышахъ, т. е. ведутъ свое начало отъ временъ приношеній въ жертву животныхъ. Можетъ быть и уголъ у печи былъ мѣстомъ, куда ставились священные предметы; въ Сибири, въ Алтаѣ, столбъ, который служитъ вмѣсто внѣшняго ребра печи, называется стамикомъ и приходится около того мѣста, гдѣ здѣсь устанавливается столбушка, считается мѣстомъ, находящимся въ связи съ сверхъ-сстественнымъ; во время свадебъ, человѣка, ставшаго у столика, подозрѣваютъ въ колдовствѣ и намѣреніи испортить свадьбу. Въ Никольск. у. на столбушкахъ встрѣчаются кромѣ конскихъ головокъ и другія формы, въ особенности же какой-то кругъ съ крестомъ внутри.

Знакомство съ моими спутниками-малороссіянами дало мнѣ возможность сдѣлать сравненіе между нашими сѣверянами и южанами, и замѣтить нѣсколько чертъ различія. Моихъ спутниковъ поражало трудолюбіе здѣшнихъ жителей; они смотрѣли не съ уваженіемъ на эту черту, а съ жалостью, считая здѣшнихъ жителей за несчастныхъ людей, которые живутъ въ такой бѣдной странѣ, гдѣ земледѣлецъ долженъ назмить свою землю, гдѣ каждую пядь новой земли нужно вычистить изъ-подъ лѣсу; сколько трудовъ, которыхъ не знаютъ южане, сколько навозной грязи и сажи, въ которыхъ крестьянинъ долженъ выпачкаться при возкѣ навоза или при катаніи валковъ. И при всемъ томъ страна вознаграждаетъ земледѣльца очень скудно: нѣтъ фруктовъ, пшеница черная, хлѣбъ пекутъ ячменный, сѣнокосъ безтравный. Моихъ спутниковъ удивляло неуваженіе здѣшнихъ жителей къ праздникамъ; они считали ихъ мало набожными за то, что тѣ работали иногда въ воскресенья, торопясь убрать овощь; здѣшній предразсудокъ, что рожь только тогда и родится хорошо, если посѣять ее хоть горсть, хоть подъ вечеръ въ праздникъ, казался имъ нечестіемъ.

Однажды, проходя черезъ деревню, мы увидѣли старушку, шедшую черезъ улицу; она пересѣкла намъ дорогу шагахъ въ 30 или 40 впереди перваго воза.

По мнѣнію моихъ спутниковъ она сдѣлала очень дурно; она должна была подождать, пока не проѣдутъ люди, хоть будь тутъ цѣлый обозъ. Такая трата времени на пустые обряды немыслима на сѣверѣ, гдѣ требуется усиленный и спѣшный трудъ, потому что лѣто коротко. Здѣшній народъ въ

сравненіи съ моими спутниками казался болѣе живымъ, болѣе трудолюбивымъ и гораздо бѣднѣе обрядами, увеселеніями и играми.

Въ отношеніи духовной культуры видно было, что мои спутники—уроженцы страны, которая находилась вблизи древней цивилизаціи, напротивъ, мѣстные жители казались недавно вышедшими изъ дикаго звѣроловнаго быта. Мои спутники были неграмотны и тѣмъ не менѣе отецъ передавалъ своимъ дѣтямъ много легендъ о дѣвѣ Маріи, о Ноѣ, о Іосифѣ и т. п., о чемъ здѣшніе жители не имѣютъ никакого понятія. Они не употребляли площадной брани въ присутствіи собственной дочери, тогда какъ у здѣшнихъ жителей подобную брань можно услышать отъ дѣтей, потому что отцы и взрослые братья употребляютъ ее не стѣсняясь ни присутствіемъ женщинъ, ни присутствіемъ дѣтей. Про. дѣвицъ они говорятъ: у дѣвицъ уши заткнуты серебромъ, т. е. серьгами. Отъ этаго я встрѣчалъ здѣсь семилѣтнихъ дѣтей, которые уже были въ въ состояніи расказывать скверные анекдоты и ругать отцевъ нескромной бранью. Дѣти малороссіянъ, шедшіе со мною, были напротивъ воспитаны нравственно и стыдливо.

Здѣшнія дѣти воспитываются иначе, или лучше сказать здѣсь нѣтъ никакого воспитанія. Они воспитываются жизнью въ обществѣ большихъ. Ничто отъ нихъ не скрывается, ни слова, ни дѣла, ни страсти. Поэтому скоро они все узнаютъ, рано становятся серьёзными. Со старшими они держатся на равной ногѣ, и старшіе относятся къ нимъ съ меньшей суровостью, чѣмъ на южной сторонѣ алауно-уральской гряды (можно сказать—даже съ нѣжностью).

Мнѣ одинъ очевидецъ разсказывалъ, что въ деревнѣ Полтинской (вотчинѣ графа Шереметьева) въ Ярославской губ. жило до 30 душъ взрослыхъ подъ деспотическимъ управленіемъ дѣда 120 лѣтъ. Однихъ дѣтей было до 30. Низшіе члены семьи уже имѣли право вѣнчаться между собою. Жили всѣ въ одномъ деревянномъ домѣ; сыновья занимались торговлей подъ строгимъ контролемъ семейнаго деспота; сынъ не смѣлъ купить своей женѣ пряникъ; онъ докладывалъ о своемъ желаніи отцу и тотъ покупалъ разомъ для всѣхъ снохъ ситцу или платковъ непремѣнно одинаковой цѣны. Обѣдали въ три стола; первый столъ—большіе мужики, второй—бабы, третій—дѣти. Старикъ обѣдалъ съ дѣтьми и садился въ концѣ стола всегда съ плетью въ рукѣ. Шалунъ и ослушникъ тутъ же получалъ воздаяніе. Конечно, при такомъ воспитаніи дѣти должны очень поздно развиваться; мужчина лѣтъ тридцати, женатый, имѣющій дѣтей, при такихъ порядкахъ умѣетъ отвезти проданный отцомъ хлѣбъ по назначенію и вообще исполнять только приказанія, не имѣя права ни располагать работы по своему усмотрѣнію, ни распорядиться имуществомъ. Такое деспотическое воспитаніе оставило по себѣ память въ народномъ названіи растенія „дѣдовникъ“, Cirsium, которое своими

колючками кровавить руки жнецовъ и которое также называется татарникомъ, мордовникомъ и царемъ.

Здѣсь я не замѣтилъ такого отцовскаго деспотизма; напротивъ, шедшіе со мной малороссіяне, кажется, съ большей суровостью относились къ своимъ дѣтямъ и я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ ударилъ своего трехлѣтняго ребенка розгой по головѣ. Вообще дѣти малороссіянъ были скромны и вмѣстѣ съ тѣмъ пугливы. Здѣшнія же дѣти очень рано пользуются самостоятельностью, теряются по цѣлымъ днямъ въ лѣсу, вмѣшиваются въ разговоръ большихъ и въ обращеніи ихъ со старшими совсѣмъ нѣтъ признаковъ подчиненности. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ мальчикъ лѣтъ 9 принесъ домой налима, вынутаго изъ чьей-то чужой ванды *), чьей—нельзя было узнать, потому что всѣ ванды снесло прибывшей отъ дождя водой и разбросало по берегу. Отецъ и мать ребенка порѣшили сварить налима, девятилѣтній сынъ протестовалъ, настаивая, что рыбу слѣдуетъ отнести къ сосѣду, которому по его догадкамъ принадлежитъ ванда, и взять рыбу себѣ только тогда, если сосѣдъ не признаетъ ее своей добычей. Отецъ и мать спорили съ ребенкомъ, стараясь доказать на основаніи деревенскихъ юридическихъ понятій, что рыба эта не должна принадлежать хозяину. Часто мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, какъ 10 лѣтнія дѣти издѣвались надъ взрослымъ, острили по поводу его уличнаго имени, и тотъ этимъ нисколько не обижался. Во время картёжныхъ игръ и на игрищахъ дѣти тутъ же присутствуютъ, пристраиваются къ играющимъ и иногда даже участвуютъ. Одинъ танецъ даже начинается не рѣдко мальчикомъ лѣтъ 10. Такъ какъ семья здѣсь смотритъ на ребенка, какъ на работника, и рано начинаетъ эксплуатировать его, то и ребенокъ начинаетъ рано цѣнить свой трудъ и предъявлять свое право на участіе въ распоряженіи имуществомъ. Здѣсь бываетъ скупка тряпья для писчебумажныхъ фабрикъ, которое отправляется въ Макарьевъ на Уньжѣ и прежде покупалось по 1 к. ф., а нынѣ по 2 к. Сдаютъ его чаще ребята; обычая, который бы признавалъ тряпье ихъ добычей, не существуетъ, но парень собираетъ его по своему дому не спрашиваясь никого, и бѣжитъ къ скупщику; родители видятъ, но не возражаютъ, говоря: что надо же ему на что-нибуть купить пряниковъ.

Игры дѣтскія здѣсь не представляютъ того разнообразія, какъ на югѣ или востокѣ Европейской Россіи. У десятилѣтнихъ дѣтей я нашелъ только игры въ лопту, въ шаръ, въ бабки и вычигиваніе чижика. **Лоптой** называется мячикъ, сплетеный изъ берестяной ленты въ два ряда, т. е. съ подковыркой. Внутрь заплетаются въ мохъ завернутые камешки, чтобъ усилить тяжесть и упругость лопты; они бываютъ продолговатыя и круглыя.

*) Ловушка для рыбы.

Называютъ этотъ мячъ различно: лóпта, лóбка, лóктя, лóптя *). При игрѣ въ лопту дѣти дѣлятся на двѣ равныя партіи и одна становится линіей, подаетъ лóпту, ловитъ её и „лѣпитъ" бѣгающую партію, другая же партія бѣгаетъ вдоль линіи и бьетъ лопту палкой. Для игры въ шаръ дѣлаютъ лунки и у каждой становится игрокъ съ палкой; одинъ игрокъ катаетъ шаръ по лункамъ; въ чьей лункѣ шаръ остановится, тотъ долженъ попадать въ шаръ палкой на воздухѣ; для этого тотъ, который каталъ шаръ, подбрасываетъ шаръ на воздухъ.

Въ играхъ въ лопту и шаръ принимаютъ участіе и взрослые парни; въ праздники, въ нѣторыхъ деревняхъ, на какой-нибудь опредѣленной площадкѣ, подлѣ деревни происходитъ игра, въ которой участвуетъ все молодое поколѣніе цѣлой деревни.

Дѣти ниже 10 лѣтняго возраста играютъ въ импровизированныя игры, которыя сами изобрѣтаютъ. Въ этихъ играхъ дѣти обыкновенно подражаютъ большимъ, такъ что на играхъ часто отражаются измѣненія въ образѣ жизни цѣлаго народа. Дѣвочки обыкновенно стряпаютъ пироги изъ глины и сушатъ на солнцѣ; эти маленькіе глиняные пирожки, копія по формѣ съ большихъ настоящихъ пироговъ, которые здѣсь дѣлаютъ изъ ячменной муки. Въ Тотьмѣ мѣщанскія дѣвочки строятъ „шалаши", каждая въ своемъ дворѣ, настряпываютъ пироговъ изъ глины, рѣпы и проч. и „гостятся", т. е. ходятъ другъ къ другу и угощаются этими пирогами. Я зналъ одну женщину въ Тотьмѣ, которая про себя разсказывала, что въ дѣтствѣ ѣсть глину у ней обратилось въ такую страсть, что мать ходила нарочно за глиной за городъ; иначе обѣ маленькія дочки ея принимались колупать печь. Впослѣдствіи онѣ носили глину съ собой въ прогимназію и тамъ ѣли её. Когда я познакомился въ Тотьмѣ съ одной изъ этихъ глиноѣдокъ, ей было болѣе 25 лѣтъ, и хотя она уже не имѣла прежней страсти, но при видѣ кучи свѣжей глины, все-таки не могла утерпѣть, чтобъ не съѣсть глиняный колобокъ.

Въ деревняхъ около Никольска маленькія дѣти меньше 10 лѣтняго возраста играютъ „быками"; все дѣло состоитъ только въ томъ, что они гоняются другъ за другомъ цѣлой ватагой съ наклоненными головами, догнавъ бодаются и кричатъ: бууу! Игра въ „медвѣдя" заключается въ томъ, что одинъ ребенокъ садится въ отдаленіи отъ другихъ, гдѣ растетъ трава. Это медвѣдь. Остальные приближаются къ нему въ разсыпную, щипаютъ траву и приговариваютъ: „дѣдушко медвѣдушко! Горошекъ воруемъ? Тятенькѣ

*) Въ другихъ мѣстахъ Россіи лоптой называется не мячъ, а лопаточка, которой бьютъ мячъ; отсюда мнѣніе, что лопта испорченная—лопата; но здѣшнее значеніе этого слова показываетъ, что корень этого слова другой и скорѣе общій съ словомъ «лапоть».

стаканчикъ! маменькѣ стаканчикъ! А тебѣ ничего!“ Въ другихъ мѣстахъ — это просто сборщицы ягодъ. Часть дѣтей остается сидящими гдѣ-нибудь у лежащаго бревна; это — деревня. Вдругъ медвѣдь равкаетъ, бросается на ягодособирательницъ и одну изъ нихъ ловитъ, теребитъ и валитъ на землю. Она лежитъ мертвая, растерзанная. Остальныя бѣгутъ въ деревню и расказываютъ объ ужасномъ событіи; здѣсь они получаютъ совѣтъ, возвращаются въ мнимый лѣсъ, подкрадываются къ трупу своей подруги, схватываютъ её и бѣгутъ въ деревню. Эта игра, характеризующая лѣсную жизнь здѣшнихъ жителей, въ послѣднее время, когда Никольскій уѣздъ обратили въ ссыльвую область, и когда изъ острога бѣжало два арестанта, вдругъ измѣнилась подъ впечатлѣніемъ этого происшествія; вмѣсто медвѣдя въ лѣсу сидитъ бродяга, который грабитъ и убиваетъ дѣвушекъ, собирающихъ ягоды. Это напоминаетъ Сибирь, гдѣ дѣти также играютъ „бродягами“. Играютъ здѣсь дѣти также и въ свадьбы. Въ Пензенской губерніи дѣти собираютъ подушную черепками отъ фаянсовой посуды; эти же черепки служатъ дѣтямъ для игры въ орлянку; вмѣсто орла служитъ золотая эмаль на черепкѣ. Одна изъ малороссіянокъ, шедшихъ со мной, расказала мнѣ, что дѣти прежде играли въ хлѣбъ: выпросятъ хлѣба ѣсть, а тамъ начнутъ его мять и стряпать; это хоть и было грѣшно, да былъ урожай. А нынѣ дѣти стали черепочки ломать да въ деньги играть — неурожая пошли.

Дѣтскими игрушками въ деревнѣ служатъ свѣжія сосновыя шишки или дудели, которые отцы приносятъ дѣтямъ изъ лѣсу, а также черепки отъ посуды; послѣдніе называются бабушками. Дѣвочки плетутъ изъ бересты зыбки и шьютъ куклы съ шамшурами на головахъ; деревенскія дѣвушки отвыкаютъ отъ куколъ на 9—11 году *), городскія иногда играютъ до 17. Мальчики устраиваютъ деревянныя пикушки изъ ивы и ёлшины, деревянныя толчеи, самострѣлы, и изъ мянды (т. е. сосны) — пищалки, которыя заряжаютъ мокрой куделей. Покупаютъ также и глиняныя пикушки въ видѣ уточекъ; въ настоящее время, заносятъ въ деревни и жастяныя пикушки. Весной мальчики строятъ мельницы на ручьяхъ, а зимой катаются на конькахъ; конькомъ называется скамеечка на трехъ ножкахъ, утвержденныхъ внизу въ широкую доску, которую снизу обмазываютъ коровьимъ пометомъ и потомъ обливаютъ водой. На этихъ конькахъ съ ледяной подошвой катаются съ возвышенностей. Дѣвочки въ Тотьмѣ играютъ въ „ляпки“. Это черепки, которые кладутся на спинку руки, подбрасываются вверхъ, и ловятся ладонью.

Крестьянскіе мальчики около Никольска дѣлаютъ фуркалки: мнутъ въ рукѣ глину, втыкаютъ въ неё палку и закидываютъ её посредствомъ размаха палки вверхъ или впередъ. Это же глинострѣльное орудіе въ Пензен-

*) Служащія въ пѣстуньяхъ дѣвочки все-таки продолжаютъ играть въ куклы

ской и Симбирской губ. называютъ буркало. У уральскихъ казаковъ дѣлается стрѣлка съ зарубкой, въ которую вставляется узелокъ бичевки; её кидаютъ какъ пращъ; такая стрѣла называется на Уралѣ мызга́лкой.

О экскурсіяхъ по полямъ, какія дѣлаютъ дѣти въ степныхъ областяхъ, совершаемыхъ цѣлой ватагой и сопровождаемыхъ исканьемъ гнѣздъ и яицъ, ловлей змѣй, вырѣзываніемъ дудокъ, здѣсь я неслыхалъ. Отъ одного изъ моихъ спутниковъ солдатъ, уроженца Костромской губ. Галицкаго у. я слышалъ, что на его родинѣ въ Гавеновой волости дѣти ходятъ ватагами сбирать ягоды и драть корье. При сборѣ ягодъ они избираютъ изъ своей среды барина, старосту и сборщика (податей); барину каждый отсыпаетъ 2 чашки. Драть корье съ бредника дѣтей заставляютъ отцы; дѣти обращаются къ одному постарше и упрашиваютъ быть ихъ вожакомъ; онъ не заблудится и знаетъ мѣста, надравъ корья, каждый по 2 штуки даетъ вожаку за вожачество, который и безъ того надеретъ больше всѣхъ, потому что всѣхъ возрастнѣе. Корье дѣти вручаютъ отцамъ; нѣкоторые ребята два воза надираютъ въ годъ. Отцы продаютъ корье въ Судиславль на кожевенные заводы, а на деньги покупаютъ дѣтямъ подарки, картузъ и проч.

Разбиваніе дождевика существуетъ, какъ въ степяхъ, такъ и здѣсь. Въ Самарской губ. двое дѣтей, встрѣтивъ поспѣвшій дождевикъ, берутъ палки и въ разъ бьютъ по нему; лопнувъ, онъ даетъ цѣлое глаза залѣпляющее облако пыли; дѣти бросаются на разорванные куски и продолжаютъ кидаться ими, стараясь перепачкать другъ друга, пока не уничтожатъ послѣднихъ остатковъ растенія. Въ Никольскомъ уѣздѣ просто тотъ, кто найдетъ дождевикъ, срываетъ его и или, нечаянно напавъ на товарища, вымазываетъ ему лицо споровой пылью, или сдѣлавъ на дождевикѣ отверстіе и зажавъ его въ кулакъ, фукаетъ пылью въ глаза. Если дождевикъ еще не высокъ и содержитъ внутри желтую слизь, тогда стараются влѣпить эту полужидкую массу въ лицо. Въ дер. Каменкѣ около Никольска дѣти придумали дождевики замѣнить болѣе близкимъ и чаще попадающимся подъ руку продуктомъ, именно лепешками коровьяго помёта, которыя сверху достаточно подсохли, чтобъ ихъ можно было взять на ладонь, на нижней же сторонѣ еще покрытыя жижей.

Дѣти здѣсь даютъ другъ другу насмѣшливыя имена, которыя иногда произносятся только въ сердцахъ, но иногда субъектъ такъ привыкаетъ къ своему имени, что оно почти вытѣсняетъ его христіанское имя; такія имена, данныя въ дѣтствѣ, сохраняются за крестьянами до самой старости; почти у всякаго здѣсь есть такое имя, какъ наприм. Шабарша, Хабаза, Тёма, Куркала и проч. Такія имена получаютъ и дѣвочки. Двѣ извѣстныя мнѣ дѣвочки Марія и Клаша получили отъ своихъ подругъ имена: Пія и Мака-

лаша: еще двѣ дѣвочки назывались Шарамага и Пономарица. Это обыкновеніе можетъ быть происходитъ у дѣтей отъ потребности въ полногласіи.

Дѣтей здѣсь зовутъ по отцамъ, прибавляя къ имени отца окончаніе **ёнокъ**, наприм. Корнилёнокъ, Демидёнокъ и пр. Такія названія образуются и изъ фамилій отцовъ; дѣти Ерахина—ерашёнки, Маслова—маслёнки, Оленева—оленёнки, Хабазы—хабазёнки.

Кромѣ прозвищъ, дѣти дразнятъ другъ друга присказками, которыя рифмуются съ христіанскими именами. Вотъ записанныя мною въ разное время.

Ѳедя, редя, съѣлъ медвѣдя, кошку драку, мышь погану (Тотьма).

Сашка, олашка, быкъ толстой, каравай густой (Тотьма).

Никита хлопота, всѣ яйца прокаталъ (дер. Каменка, близъ Никольска).

Андрей, воробей! не клюй песокъ, не тупи носокъ (Самарск. губ.).

Андрей, воробей! чужка, пичужка, въ ж..ѣ лягушка (Самарск. губ.).

Андрей не дурей—фартухъ подерешь! (Витебск. губ.).

Гришка разстрижка (Витебск. губ.).

Гришка ярыжка, голая (варіантъ: попова) лодыжка. (Самарск. губ.).

Гришка отъ м...ы покрышка (дер. Каменка, Никольск. у.).

Яшка, синяя голяшка (Симб. губ.).

Яшка, свиная голяшка (дер. Каменка, Никольск. у.).

Пѣтька, пѣтухъ, на курицѣ протухъ (Псковск. губ. Великолуцк. у.).

Пѣтька, пѣтухъ, на г...ѣ протухъ (Никольск. уѣздъ).

Алёшка, лепёшка. Васька—сочень (Псковск. губ. Великолуцк. у.).

Алешка ерошка, обкакався немножко (Витебск. губ.).

Алешка пусты колеса (дер. Каменка, Никольск. у.).

Иванька, болванька! кочерыжки ковавъ, жидамъ продававъ, жиды не купили, Иваньку облупили (Витебск. губ.).

Иванъ болванъ, молоко болталъ, да не выболталъ; тамъ тебя били въ четыре дубины пятымъ помеломъ (Нижній Новгородъ).

Ванька вонючій, кошку замучилъ, кошка ходитъ по двору, кричитъ, Ванькѣ нас...у (Псковск. губ. Великая у.).

Венька—бара́ (Каменка, Никольск. у.).

Сеня, безеня, везъ бабу на санкахъ, санки—скокъ и Сенькѣ—въ лобъ (Каменка, Ник. у.).

Васька, васюкъ, полезай на сукъ, тамъ кошку дерутъ, тебѣ лапку дадутъ (Псковск. губ., Великолуцк. у. и Самарск. губ.).

Егоръ, подай багоръ, точило плывецъ (Витебск. и Псковск. губ.).

Егоръ безъ оборъ (Никольск. у.).

Николинька, Николай, сиди дома да не гуляй! Твоя жена пышка на улицу вышла, три лягушки съѣла, еще захотѣла (Пензенск. губ.).

Николай бусарай, полѣзай на сарай, тамъ кошку дерутъ, тебѣ ножку дадутъ (дер. Каменка, Никольск. у.).

При нѣкоторыхъ дѣтскихъ играхъ требуется бросать жеребій, **коноваться**. Это дѣлается или посредствомъ палки, которую поочередно обхватываютъ кулаками или посредствомъ присказокъ; какъ наприм.

1) Перевеньчики,
Другеньчики,
Трынцы, волынцы,
Пятьсотъ лудья
Пономарь судья....
(Пензенск. и Самарск. губ.).

2) Ойцанъ, двойцанъ,
Черецанъ;
Паданъ, ладанъ,
Суконъ, дуконъ,
Шишелъ, вышелъ,
Радывонъ, выйди вонъ!
(Харьковск. губ. Изюмск. у.).

3) Одіянъ, другіянъ
На четыре городянъ,
На пять судья,
Поломалъ рубля;
Каторны кошки
На море упали,
Церквою стали.
(Харьков. губ. Изюмск. у.).

4) Перводанъ, другоданъ
На колодѣ угадалъ,
Пятьсотъ судья,
Пономарь удья,
Шишелъ, вышелъ
Девять вонъ,
На убогій домъ.
(дер. Кумбисеръ, Никольск. у.).

5) Первичики, другичики,
Убили голубичики,
На соловѣ, на ёловѣ,
На Божьей росѣ
На поповой полосѣ.
Дьяконъ пишетъ
Чернымъ углемъ
Желѣзнымъ пальцемъ.
Плѣло, горѣло
Осиново полѣно.
По кусту, по насту.
По лебедю крыласту,
Какъ, кокоряшки
Соколъ молодяшки.
(Кумбисеръ, Никольск. у.).

6) Первины, дружины,
Пятанъ, ладанъ,
Жухтанъ, бухтанъ,
Дятелъ десять!
(дер. Аксентьева, Никольск. у.).

7) Пёра, ёра,
Шуда, луда,
Пя̀та, са́та,
Си̂ва, и̂ва,
Дубъ, крёсъ.

(Аксентьева, Никольск. у.).

8) Первинчики, дружинчики
На соловѣ, на яловѣ,
На божьей росѣ,
На поповой полосѣ
Дьяконъ пишетъ
Чернымъ углемъ.
Колѣно горѣло,
Осиново полѣно.
Куда полетѣло?
По кустамъ, по настамъ,
По лебедямъ крыластымъ.
Кокъ, кокоряшки
Соколъ молодецъ
Обоср..ный конецъ.

(Аксентьева, Никольск. у.).

№№ 2 и 3-й записаны отъ дѣтей, шедшихъ со мной изъ Никольска въ Тотьму.

Во время Рождества Христова въ здѣшнихъ деревняхъ нѣтъ обычая славить и вообще нѣтъ чего-нибудь въ родѣ колядокъ. Только отъ одного солдата Костромск. губ. Галицк. уѣзда села Палкина записалъ я слѣдующую пѣсенку, съ которою ходятъ по домамъ дѣти въ Егорьевъ день:

Батюшка Егорей
Спаси нашу скотинку,
Всяку животинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсѣ и за лѣсомъ.
Волку да медвѣдю
Пень да колода,
Ворону, воронѣ
Камешекъ дресвяный!
Батюшкѣ Егорью во свѣчку,
А намъ молодцамъ по яичку.

8 августа мы вступили въ другую волость, которая въ народѣ носитъ названіе Березовецъ. Правленіе этой волости находится въ деревнѣ Аргуновой, по которой она и носитъ свое оффиціальное названіе; эту деревню мѣстные крестьяне зовутъ Ангурово. Народъ здѣсь больше употребляетъ дѣленіе на приходы, чѣмъ на волости, и названія приходамъ даетъ по преимуществу по рѣкамъ: такъ наприм. Лоха (сюда относится нѣсколько деревень, лежащихъ на лѣвомъ берегу Юга, противъ устья р. Лохи), Кипшеньга, Ляменга и т. д. Жители приходовъ называются лошана, лямень жана, кипшеньжана и т. п. Жители по Югу назыв. южана или южаки. Приходъ Березовецъ составляетъ исключеніе.

Дорогой мы миновали деревню Черицову. Здѣсь есть кабакъ и лавочка; въ лавочкѣ продаются крендели, которые идутъ сюда изъ Галича (здѣсь

продаются по 10 к. ф.), пряники и орѣхи. Чаю въ лавкѣ было всего ¼ фунта. Чай здѣсь люди, имѣющіе самоваръ, покупаютъ не въ деревенской лавочкѣ, а въ городѣ; пьютъ чай только по воскресеньямъ, разъ въ недѣлю или по другимъ большимъ праздникамъ. Въ деревнѣ Вахнѣ имѣется 4 самовара на 30 дворовъ (154 д. об. п.), въ дер. Ангуровой 3 на 19 дворовъ (138 д. об. п.). Холостые ребята въ праздники набираютъ пряниковъ и идутъ къ какому-нибудь самоваровладѣльцу пить чай, который и угощаетъ ихъ своимъ чаемъ, за что беретъ по 5 коп. съ человѣка.

Западнѣе Черноцовой дорога пересѣкаетъ двѣ рѣчки, текущія въ Шарженьгу съ с.: Вотьбу и Возюгъ. Здѣсь очень много рѣчекъ съ окончаніемъ на югъ, и Возюгъ—одна изъ самыхъ западныхъ въ числѣ рѣчекъ съ такимъ окончаніемъ. Такія имена рѣчекъ встрѣчаются не только на сѣв. сторонѣ сузёма, но и въ системахъ рѣкъ, текущихъ въ Волгу; вотъ перечень этихъ названій: на сѣв. сторонѣ сузёма: Возюгъ (притокъ Шарженьги), Пертюгъ (впад. въ Кипшеньгу), Рыстюгъ (въ Югъ); на южн. сторонѣ сузёма: Анюгъ (въ Тову, притокъ Кемы), Мичугъ и Канюгъ (въ р. Межу), Пертюгъ и Пыстюгъ (принадлежатъ, какъ и предъидущіе къ системѣ Волги), два Кертюга (впад. въ Вочъ), Пертюгъ и Парюгъ (въ Вохму), Рундюгъ, Калюгъ и Луптюгъ (въ Ветлугу). Кромѣ того неизвѣстно мнѣ куда впадающія Шертюгъ, Кузюгъ, Пичугъ. Вѣроятно югъ означаетъ какое нибудь родовое понятіе съ болѣе широкимъ смысломъ *), которое и обратилось въ названіе главной рѣки края; остальныя же рѣчки получили къ этому слову спеціальные придатки, можетъ быть въ родѣ такихъ прилагательныхъ, какъ сѣверный, южный и проч. Дѣйствительно, на сѣв. сторонѣ сузема около г. Никольска есть двѣ рѣчки Пертюгъ и Пермасъ, которымъ на югѣ соотвѣтствуютъ своими окончаніями Пыстюгъ и Пызмасъ. Замѣчательно, что окончаніе югъ имѣютъ маленькія рѣки, тѣже, которыя занимаютъ по величинѣ середину между ними и Югомъ, кончаются на га: Шарженьга, Кипшеньга.

Ночевать мы пришли въ дер. Зеленцову (18 вер. отъ Вахни). Было еще рано, и весь народъ, даже старухи и восьмилѣтніе дѣти, всѣ были въ полѣ на работѣ. Крестьяне жали хлѣбъ и складывали его въ копны. Это насъ заставило оставаться весь вечеръ голодными; сколько мы ни ходили по деревнѣ, мы ничего не могли найдти; въ большей части избъ оставались одни только маленькія дѣти; въ одной избѣ мы нашли старуху въ осадномъ положеніи; довольно высокое и дряхлое крыльцо развалилось въ самый пол-

---

*) ю по зырянски рѣка; гы волна. Здѣсь, видимо, два слова на разныхъ нарѣчіяхъ значитъ одно и тоже—рѣку; прежде жившіе называли га (Ва-га), потомъ пришедшіе назвали ю, т. е. рѣка—рѣка.

день и старуха очутилась заключенною въ своей избѣ съ маленькими дѣтьми; выйти ей не было возможности и она должна была дожидаться вечера, когда придутъ съ работы мужики. Другая старуха, которую мы нашли въ богатомъ и большомъ домѣ, объявила намъ, что можетъ быть въ ихъ домѣ и нашлось бы что-нибудь, но что она не большуха и не смѣетъ ничего дать. Мы подошли къ одному дому, возлѣ котораго стояли два мальчика.

— Кто хозяинъ этого дома? спросили мы ихъ.

— Я, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ въ шляпѣ изъ овечьей шерсти.

— Молоко есть? спросилъ его мой спутникъ, солдатъ.

— Есть, да большаковъ нѣтъ.

— А ты самъ парень ловкій, можетъ быть найдемъ?

— Нѣтъ, не берусь. Може вечорошную крынку дамъ.

— Вотъ и ловкій парень, а чего у рукъ не было, видно не знаешь!

— Мнѣ этого не поручаютъ!

— А что жъ тебѣ поручаютъ?

— А дадутъ хлѣбца—вотъ и всё.

— Только хлѣба?

— Только хлѣба и дадутъ: хочешь ѣшь, не хочешь—хоть брось.

— Ну рѣдьки, луку даютъ тебѣ?

— Это сколько хочу, въ огородѣ нарву. Этого, братъ, ужъ не спрячешь.

И послѣ этого онъ облокотился на изгороду, посмотрѣлъ въ сжатое поле и съ серьёзностью взрослаго земледѣльца воскликнулъ:

— Поле какъ огладили!

— Огладили, парень! подтвердилъ его товарищъ.

Старались мы уговорить крестьянокъ, работавшихъ въ полѣ, дать намъ хлѣба и молока, но никто не хотѣлъ идти въ деревню, всѣ торопились жать рожь. Даже забѣжавшая за чѣмъ-нибудь въ деревню баба снова убѣгала въ поле, отвѣчая намъ, что ей нѣкогда отвѣшивать хлѣбъ. Въ полѣ слышны были шумъ и говоръ, но въ деревнѣ было тихо; только иногда раздавался изъ-за толстыхъ стѣнъ избъ крикъ грудного ребенка; дѣтей на улицѣ было не видно, потому что дѣти постарше, коноводы игръ, были также въ полѣ. Такая горячка въ работѣ происходила не потому, чтобъ рожь переспѣла; виновникомъ этаго былъ общинный бытъ; никто не хотѣлъ отстать отъ уборки, потому что когда она кончится, изгорода съ согласія міра открывается и скотъ входитъ въ сжатое поле; для одного залѣнившагося срокъ открытія изгороды не будетъ продленъ, а потому всѣ и стараются работать дружно. Но если нѣтъ снисхожденія для лѣниваго, за то нѣтъ преимущества и для великоватажнаго крестьянина; кончивъ свои полосы раньше другихъ, онъ все таки не смѣетъ впустить свой скотъ за изгороду, пока весь міръ не отжнется.

Не такъ это бываетъ въ Малоросіи, какъ сообщили мнѣ мои спутники, харьковцы. Въ Изюмск. уѣздѣ, не смотря на общинное землевладѣніе, уборка происходитъ не одновременно; богатый мужикъ, имѣющій много воловъ, прежде всѣхъ вывозитъ снопы, потомъ пускаетъ своихъ возовъ, которые и стаптываютъ часто хлѣба бѣдныхъ. Здѣсь этого не можетъ случиться; потому что изгорода не разгораживается, пока міръ того не положитъ.

Только къ вечеру начали приходить ранѣе другихъ старухи; къ одной изъ нихъ мы обратились съ просьбой, и она собрала намъ крестьянскій ужинъ. Старуха имѣла нѣсколькихъ дочерей и женатаго сына; дочерей она выдала замужъ, а сынъ умеръ; она выдала сноху за крестьянина и приняла его въ домъ къ себѣ пріёмкомъ. Это здѣсь весьма распространенный обычай отъ Вохмы до города Тотьмы. Въ деревнѣ Зеленцовой 30 избъ и изъ нихъ въ 11 хозяйство ведется пріёмками; между ними есть солдаты и ссыльные, но большая часть крестьяне; въ пріемки идутъ или бобыли, которые жизнь провели ранѣе въ казакахъ, или лица и изъ богатыхъ домовъ, въ которыхъ много сыновей и которые прибѣгаютъ къ этому во избѣжаніе дѣлежа. Въ окрестностяхъ г. Никольска я зналъ даже одну крестьянку, которая, будучи дѣвицей, приняла къ себѣ пріемка, вышедши за него замужъ; ей достался въ наслѣдство домъ; жила она долго деревенской проституткой; пріёмокъ ея былъ бездомовный крестьянинъ, 30 лѣтъ служившій въ казакахъ. Теперь они имѣютъ порядочное хозяйство и большухой считается она; ей за 60 уже лѣтъ; она сдаетъ подати, хранитъ деньги, продаетъ излишки, участвуетъ въ мірскихъ сходкахъ, присутствуетъ при дѣлежѣ дѣлянокъ, а мужъ скромно ограничивается значеніемъ казака и пріёмка. Пріемковъ принимаютъ и къ дочерямъ и къ овдовѣвшимъ снохамъ; много есть такихъ вдовъ, которыя жили уже съ мужьями отдѣльными домами; овдовѣвъ, онѣ берутъ себѣ пріёмковъ; положеніе женщинъ въ этомъ состояніи вѣроятно несравненно лучше, чѣмъ обыкновенно.

Старухѣ, у которой мы ужинали, было около 70 лѣтъ, а она все-таки ходитъ жать до поздняго вечера. Я высказалъ свое удивленіе.

— Стыдно будетъ безъ работы, отвѣчала мнѣ старуха. Сидишь дома, ничего не дѣлаешь, скажутъ большаки. Дѣтей няньчить у насъ въ домѣ нѣтъ.

Дѣти, т. е. внучата, это счастье для здѣшней старухи. Гдѣ есть они, тамъ ей и жить сносно; безъ нея пришлось бы нанимать пѣстунью, и она своей услугой дѣлаетъ въ хозяйствѣ сбереженіе. Вообще здѣсь старость не пользуется уваженіемъ. Старикъ и дитя, всѣ возрасты здѣсь цѣнятся, какъ рабочая сила, какъ казакъ. Какъ только старикъ начинаетъ слабѣть силами, онъ ужъ не большакъ. Большакомъ становится его сынъ; онъ распоряжается домомъ, въ его рукахъ находятся деньги, онъ назначаетъ отцу дневную

работу. Мнѣ случалось заставать въ избѣ однаго старика безъ большаковъ и просить поставить самоваръ; и этаго старикъ не смѣлъ сдѣлать, боясь, чтобъ не осердились большаки.

— Какъ же такъ, дѣдъ, спрашиваешь такого домовника. Вѣдь ты хозяинъ дому.

— Не я большакъ—отъ, отвѣчаетъ онъ, растягивая конецъ.

— Да хоть и не большакъ, но вѣдь домъ—то ты строилъ?

— Изъ годовъ-то я вѣдь вышелъ. Не работникъ ужь я. Ужь меня не слушаются.

„Сядутъ пить чай, расказывалъ мнѣ одинъ такой развѣнчанный большакъ про свою нисходящую линію, пригласятъ, напьёшся, а нѣтъ, такъ и такъ просидишь, только посмотришь. Скажешь что-нибудь: тебя не опрашиваютъ, отвѣчаютъ. Досадно, да ужь молчишь“. Обращаются здѣсь со стариками безцеремонно, даже обидно: при мнѣ однажды отецъ старикъ и его сынъ большакъ стали куда-то одѣваться; сынъ подалъ отцу худую опояску, а себѣ оставилъ хорошую.

— Не надо мнѣ эту, сказалъ отецъ тихо, отодвигая опояску.

— Ну, на! все бы женихомъ одѣвался! сказалъ сынъ и бросилъ отцу другую опояску.

Положеніе стариковъ въ здѣшней общинѣ не завидное; въ д. Зеленцовой есть одинъ старикъ, который остался съ сыномъ и двумя дочерьми; сначала старикъ жилъ у сына: работать онъ не могъ, и потому въ страду сынъ и хлѣба не оставлялъ ему, когда уходилъ съ женой въ поле. Старикъ принужденъ былъ уйти отъ сына и бросить домъ, въ которомъ самъ родился или который можетъ быть самъ строилъ; одна дочь тоже ушла въ казачихи, а другая живетъ съ братомъ, работаетъ ему изъ-за хлѣба. Вообще домъ не даетъ здѣсь отцу ни какого вѣса—онъ не составляетъ его собственности, потому что строится помочью, сосѣдями, безплатно; поэтому дома въ деревнѣ скорѣе общинное имущество, чѣмъ частное, и во время, дѣлежа, достаются младшимъ сыновьямъ по обычаю, слѣдовательно помимо воли отца. Такія отношенія между возрастами составляютъ противуположность тѣмъ, какія существуютъ на югѣ, наприм. въ Уральскомъ и Донскомъ войскахъ, гдѣ міръ образуется изъ стариковъ, изъ нихъ составляется голосъ народа, они являются съ протестомъ за общество, нося передъ начальствомъ прошенія на своихъ головахъ—и идутъ иногда въ ссылку. Можно сказать, что на югѣ цензъ нервный, здѣсь мускульный. Однакожь здѣшніе порядки имѣютъ свою хорошую сторону, во первыхъ представительство на сходкѣ принадлежитъ самому труду, во вторыхъ община менѣе упорна въ старыхъ обычаяхъ и податливѣе на нововведенія.

Еще печальнѣе положеніе здѣсь старухъ. Старухи раньше отстаютъ отъ сѣнокоса, чѣмъ отъ жатвы; я видѣлъ старухъ, которые уже по 16 л. не ходятъ косить, но все еще жнутъ. Одѣваются старики и старухи при помощи своихъ дочерей; сыновья и ихъ жены ихъ не одѣваютъ. Старуха прядетъ; дочь ткетъ холстъ, а старикъ катитъ валки; слѣдовательно сколько снохъ въ домѣ, столько дербъ + 1. Если старуха овдовѣетъ, выдаетъ послѣднюю дочь и останется одна—она должна пробавляться старымъ льномъ и старымъ холстомъ и платьемъ. Ни выданная дочь, ни сноха, въ одномъ домѣ съ которой живетъ она, не одѣваютъ её; подъ старость старухи копятъ ленъ и холстъ, какъ невѣста къ свадьбѣ. Въ одной деревнѣ мы зашли къ старушкѣ, которая только что похоронила послѣднюю незамужнюю дочь: старуха расчитывала дожить, не нуждаясь въ платьѣ; у нихъ съ дочерью было 30 трубицъ холста, три сувитка, да кромѣ того на это лѣто онѣ съ дочерью насѣяли еще льна, а одинъ съёмъ льна хватаетъ на два года. Старуха не была печальна и разсыпалась въ похвалахъ покойницѣ; видно было, что старуха была въ барышахъ отъ смерти своей работящей дочери, потому что не умри дочь, её бы пришлось выдать замужъ, а съ ней вмѣстѣ и половину холстовъ.

Я спрашивалъ, всегда ли были такія отношенія между возрастами и мнѣ старики отвѣчали, что такъ стало только теперь, что сами они воспитывались въ страхѣ передъ стариками. Не знаю навѣрно, или они лгутъ, или въ самомъ дѣлѣ въ этихъ отношеніяхъ произошла перемѣна *).

Обычай вдовъ принимать пріёмковъ можетъ оказать въ будущемъ хорошее вліяніе на теченіе женскаго вопроса, когда онъ будетъ перенесенъ въ крестьянскую среду. Теперь же никольскій уѣздъ по положенію женщинъ принадлежитъ къ числу самыхъ отсталыхъ. Положеніе женщины въ крестьянствѣ отличается въ Россіи областными особенностями и жаль, что до сихъ поръ ничего не дѣлается для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Одна статистика проституціи показала бы значительную разницу между областями; безъ знанія даже точныхъ фактовъ можно уже догадываться, что и на картѣ Россіи самыя яркія краски проституціи лежатъ на Дону, на мануфактурной области Москвы, на прибрежьи Балтійскаго моря и на Сибири. Донъ и Яикъ представляютъ въ этомъ отношеніи контрастъ; въ то время какъ въ послѣднемъ господствуютъ строгіе нравы, проституціей въ г. Уральскѣ занимаются почти исключительно мѣщанки изъ Бузулука и другихъ самарскихъ городовъ.

*) Описанные случаи конечно не составляютъ общаго правила и въ большинствѣ семей разумѣется добрая природа человѣческаго сердца смягчаетъ отношенія между возрастами, но для этнографа исключенія представляютъ такой же благодарный матеріалъ для сравненія и очерка областныхъ характеристикъ, какъ и общія правила.

на Дону слабость семейныхъ узъ обыкновенное явленіе. Народный юморъ подмѣтилъ это печальное явленіе и передаетъ его въ формѣ забавныхъ анекдотовъ. Кто знаетъ разницу между этими войсками въ отправленіи военной повинности, для того это не будетъ удивительно; на Яикѣ на службу ходятъ почти все одни и тѣ же лица; большинство живетъ въ чистыхъ деревенскихъ нравахъ и общественное мнѣніе противъ свободы въ половыхъ отношеніяхъ; напротивъ на Дону каждый непремѣнно уходитъ на два, на три года съ родины, и чаще всего именно въ ту самую пору, когда онъ и жена его очень молоды и жизнь не поддается пуристскимъ требованіямъ. Вотъ какъ расказывается о возвращеніи донскаго казака изъ отряда. Подъѣзжаютъ они къ станицѣ: пахъ, пахъ! изъ ружей по полю. Въ станицу въѣхали: пахъ, пахъ! Въ избу войдетъ: пахъ! Жена на колѣнки передъ нимъ, а передъ собой дѣтей поставитъ. Это чьи балбашата? спрашиваетъ мужъ про дѣтей, которыхъ женѣ не оставлялъ. Такіе порядки на Дону вызываютъ спеціально областныя преступленія. Большинство убійствъ въ Донскомъ войскѣ совершается казачками; изъ трудовъ Донск. Статист. Комитета 1866 г. стр. 141 видно, что изъ 80 убійствъ 43 совершено казаками; причинами 22-хъ убійствъ были 1) нарушеніе супружеской вѣрности большею частью со стороны жены во время нахожденія мужа на службѣ, 2) несогласіе между супругами, какъ слѣдствіе недобровольнаго вступленія въ бракъ. Подобныя же черты нравовъ расказываются и о Сибири. Изъ этого видно, что статистика женскихъ преступленій по областямъ доставила бы интересные факты.

Женскій трудъ также разнообразится по областямъ; въ однихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Уральскомъ войскѣ, она знаетъ только уходъ за огородомъ и доенье коровъ, въ другихъ мѣстахъ она коситъ, но не жнетъ, въ третьихъ и коситъ и жнетъ, въ четвертыхъ даже пашетъ, какъ въ Калужской губерніи. Въ Никольскомъ уѣздѣ женщина коситъ и жнетъ, но не пашетъ, а только дѣвицы боронятъ. Какъ частое исключеніе однакожъ встрѣчаются вдовы, которыя пашутъ. Какъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ женщина обязана нести тяжелый физическій трудъ наравнѣ съ мужчиной, она и здѣсь не пользуется тѣмъ болѣе высокимъ положеніемъ въ семьѣ, которымъ отличается, напримѣръ, Уральское войско. Про Бѣломорское прибрежье давно ужъ говорятъ, что тамъ положеніе женщины лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи; и оно лучше, чѣмъ здѣсь, при сѣверной подошвѣ урало-алаунской гряды. Мнѣ кажется, что оно вездѣ лучше, гдѣ земледѣліе не составляетъ главнаго промысла, гдѣ женщина должна отъискать какое-нибудь спеціальное для себя занятіе. Тамъ, гдѣ она дѣлитъ тотъ же трудъ, которымъ занятъ и мужчина, гдѣ слѣдовательно она должна соперничать съ нимъ въ физическомъ трудѣ, тамъ она обращается въ рабу, потому что мускульныя силы ея

слабѣе, чѣмъ у мужчины, и послѣдній ясно сознаетъ, что накопленіе капитала производится больше имъ, чѣмъ его женой. Но гдѣ жена не дѣлитъ занятія мужа, когда у ней есть свой промыселъ, какъ наприм. ткачество, въ которомъ мужъ ей не соперничаетъ, какъ въ Бѣломорьѣ, тамъ вѣсъ ея въ семействѣ поднимается; она вводитъ въ домѣ чистоплотность, устраиваетъ горницу съ цвѣтами, обшиваетъ мужа пестрядинными рубашками и снабжаетъ носовыми платками *); она усложняетъ кухню, словомъ становится спеціалисткой, мастерицей. Мужчина исподволь привыкаетъ къ комфорту и начинаетъ въ женщинѣ цѣнить именно искусство его создавать. Тогда женщина пріобрѣтаетъ роль воспитательную, получаетъ культурное значеніе, въ ней возрастаетъ чувство собственнаго достоинства, и она вѣроятно съ большей смѣлостью и ловкостью отстаиваетъ себя. Но гдѣ она простой кашеваръ, умѣющій только сварить щи на кусочкахъ сала и гречневую кашу, какъ въ Калужской губерніи, или натереть рѣдьки да наболтать въ квасѣ толокна или сварить самую безхитростную уху изъ трески, какъ здѣсь, словомъ всё такія блюда, которыя сплошь и рядомъ варятъ сами мужики, когда соединяются въ рабочія артели на пристаняхъ и т. п., гдѣ платье ея состоитъ изъ однаго грязнаго сарафана, гдѣ она живетъ въ одной избѣ со свиньями, тамъ она просто только работница, а не совѣтница. Здѣсь трудъ ея не отличается отъ мужского, рядомъ съ мужчиной она коситъ, катаетъ валки и варитъ нисколько не искуснѣе мужа, платье ея отличается отъ мужского только въ головномъ уборѣ; словомъ здѣсь она полумужичье *) и не отличается особымъ домашнимъ обиходомъ, и мужчина легче порабощаетъ её. Напротивъ, онъ тамъ уважаетъ её, гдѣ она спеціализировала свой трудъ, умѣетъ сварить, соткать, вышить, такъ что мужчина не можетъ съ ней соперничать.

Здѣсь на женщину смотрятъ только, какъ на работницу, на казачиху. Когда женятъ сына, говорятъ „нажилъ казачиху". Здѣшняя женщина въ сельскихъ работахъ мало уступаетъ мужчинѣ; въ семействахъ, гдѣ большинство душъ женскаго пола, накашивается и нажинается столько же, какъ будто оно состояло изъ однихъ мужчинъ. Здѣсь женщина можетъ себя оплатить государственными податями, если она записана ревизской душой. Семейства, въ которыхъ большинство рабочихъ рукъ женщины, берутъ землю по числу

---

*) Въ Архангельской губ. по приморью всѣ бабы отличныя ткачихи, ткутъ льняные платки, которые называютъ полотняными и продаютъ ихъ по 30—50 коп. платокъ; здѣсь у каждаго крестьянина есть по нѣскольку такихъ платковъ, сотканныхъ женой и употребляемыхъ имъ въ качествѣ носовыхъ. Женщины ткутъ здѣсь также пестрядь, т. е. клѣтчатую льняную ткань; изъ мелко-клѣтчатой крестьяне шьютъ рубашки, а съ крупными клѣтками идетъ на женскія юбки.

*) Полумужичьемъ здѣсь называются гермафродиты или и нормальныя женщины, но одѣвающіяся по мужски, и усвоивающія себѣ мужскія занятія, мужской голосъ и мужскую брань.

ревизскихъ душъ, а не менѣе. Я зналъ крестьянина, у котораго было 3 души; самъ, баба и взрослый племянникъ, и онъ имѣлъ земли на 3 души и высѣвалъ также, какъ и другіе, по 3 мѣры или еще болѣе. Въ деревнѣ Носковой живутъ въ одной избѣ баба и дѣвка; баба солдатка. На нихъ ревизскихъ душъ не числится, но міръ даетъ имъ землю на двѣ ревизскія души, а онѣ платятъ подати и сами пашутъ.

Рабочая плата однакожъ повсемѣстно для женщинъ менѣе. Казакъ въ Никольскѣ получаетъ за лѣто отъ 30 до 15 рублей и хозяйскую одежду, казачиха только 10 рублей безъ одежды. Точно также и женская поденьщина меньше; мужчинамъ даютъ по 40 к. въ день, женщинамъ по 30.

Приданое здѣсь состоитъ только въ бѣльѣ и платьѣ, какое невѣста въ состояніи будетъ накопить до своей свадьбы; обыкновенное приданое состоитъ изъ двухъ шубъ: „носящей“ и новой, двухъ, камзоловъ: „носящаго“ и новаго и до 6 сарафановъ. Посуды не дается никакой, а равно и денегъ не бываетъ въ числѣ приданаго. Одна знакомая мнѣ дѣвушка вынесла три сарафана: одинъ англійскаго ситца, другой шерстяной и третій пестрый, кромѣ синихъ крашенныхъ—она уже считалась состоятельной невѣстой.

Въ Тотьмѣ у мѣщанъ даютъ въ приданое до 40—45 рублей; всѣ эти деньги обыкновенно издерживаются на свадебные обряды. У Никольскихъ мѣщанъ никакихъ денегъ не дается, какъ это въ обычаѣ у всѣхъ окрестныхъ крестьянъ. Давать деньги въ приданое въ обычаѣ только у ремесленниковъ.

Заработокъ у дѣвицъ здѣсь бываетъ самый большой отъ тканья, потомъ отъ найма въ концы на сторону и при грузкѣ барокъ. На свои заработки дѣвушка сама одѣвается, строитъ свою „приправу“ какъ здѣсь говорятъ, т. е. ситцевый сарафанъ, башмаки, поясъ и проч. Она должна также изъ своего холста нашить бѣлья на отца и братьевъ. Все приданое, какое она выноситъ, состоитъ только въ ея платьѣ и въ трубицахъ холста. Если дѣвушка имѣла много братьевъ, она почти ничего не вынесетъ въ приданое если не имѣла ихъ вовсе, изъ нея выйдетъ богатая невѣста. Есть впрочемъ и такія, которыя не одѣваютъ не только братьевъ, но и отца, если послѣдній богатъ. Вообще дѣвушка должна напасти холстовъ какъ можно болѣе; въ первые годы замужней жизни, пока дѣти маленькіе—происходитъ только убыль въ холстахъ. Только когда ватага подростетъ, въ особенности если въ числѣ дѣтей будетъ дѣвица—запасъ льна и холстовъ начинаетъ увеличиваться.

Домашнія работы въ деревняхъ около Никольска распредѣляются между снохами такимъ образомъ: если въ домѣ нѣтъ свекрови или очень стара, большухой, т. е. стряпкой, дѣлается старшая сноха; двѣ другихъ чередуются въ уборкѣ за скотомъ; въ то время какъ одна ходитъ за скотомъ, другая мететъ сѣни, носитъ воду и пр. Гульной недѣли, когда свободная отъ се-

мейныхъ работъ сноха прядетъ ленъ на себя, какъ въ Сибири (въ Алтаѣ), нѣтъ; лёнъ прядетъ каждая, когда найдетъ къ тому свободное между дѣлъ время. Если три снохи лишнихъ, то заводятъ скота больше, наприм. свиней, и тогда бываетъ двѣ снохи скотницы, одна коровница и одна свинарница. Не далеко отсюда, внизъ по Югу, около д. Ворониной уже разница: тамъ всѣ снохи чередуются между собою у печи, т. е. старшая сноха не имѣетъ привиллегіи быть стряпкой.

Случаи дѣлимости семей, кажется, въ послѣднее время умножились, особенно вѣроятно послѣ того, какъ новые суды подняли въ женщинахъ чувство собственнаго достоинства. И здѣсь, гдѣ еще нѣтъ гласнаго суда, однакожъ женщины въ крестьянствѣ заговорили о новыхъ женскихъ правахъ. По мнѣнію крестьянъ, дѣленіе семей происходитъ отъ ссоръ между снохами, что онѣ виной всѣхъ раздоровъ, какіе бываютъ въ семействѣ, что братья никогда не вздорили бы между собой, если-бъ не ихъ жены. Это мнѣніе закрѣпляется поговоркой: „три топора лежатъ подъ лавкой, не дерутся, а три копыла раздорятъ". Поводомъ къ раздорамъ женщинъ служатъ споры о работѣ и о дѣтяхъ; бездѣтная или малодѣтная сноха не хочетъ, чтобъ ея трудъ шелъ на содержаніе чужихъ дѣтей. Объяснить, почему женщины больше вздорятъ, чѣмъ мужчины, мнѣ кажется легко—женщины приходятъ изъ разныхъ домовъ, разнаго воспитанія и поступаютъ подъ власть свекрови, чужой женщины, которой повиноваться съ дѣтства не пріучились; напротивъ, мужчины остаются и женатые въ домѣ отца, къ деспотизму управленія котораго съ дѣтскаго возраста привыкли. При томъ и конституція женской паловины совсѣмъ другая—у мужчинъ не можетъ быть спора о работѣ: все дѣлается по распоряженію отца; въ юрисдикціи свекрови существуетъ напротивъ очередной трудъ, здѣсь существуетъ самоопредѣленіе мѣры труда; правильность этого опредѣленія установляется не внѣшнею властью деспота, а общимъ контролемъ снохъ *).

Въ Зеленцовой деревнѣ я встрѣтилъ подъ вечеръ крестьянина, который гналъ скотъ на продажу въ Боярщину; такъ здѣсь называютъ населенную мѣстность въ низовьяхъ р. Кемы, гдѣ были прежде крѣпостные; крестьянинъ этотъ гоняетъ туда скотъ уже около 25 лѣтъ; прежде, когда кемскіе крестьяне были богаче, онъ гонялъ по 150 головъ въ лѣто; нынѣ менѣе. Черезъ Зеленцову онъ гналъ теперь только 15 головъ; гоняетъ онъ ихъ обыкновенно черезъ Юзу и дер. Княжеву на Васильево; въ 3 дня онъ при-

*) Птица въ деревняхъ около Никольска составляетъ общее достояніе всей семьи; но тамъ, гдѣ каждая сноха содержитъ свою птицу отдѣльно, какъ напримѣръ гусей въ Алтаѣ, драчливый характеръ птицы вѣроятно не мало отражается и на отношеніяхъ хозяекъ.

гоняетъ ихъ на мѣсто, а черезъ недѣлю разсчитываетъ уже быть дома. Нѣкоторыя головы онъ покупаетъ на деньги, другія беретъ въ домъ—въ передній путь онъ рядится о цѣнѣ съ хозяиномъ, а деньги платитъ по возвращеніи.

Около Зеленцовой на р. Шарженьгѣ растетъ не высокая липа въ видѣ насажденія; она идетъ только на оборы къ лаптямъ; сюда пріѣзжаютъ рубить липу и изъ другихъ мѣстъ; липу можно найдти и во всемъ никольскомъ лѣсничествѣ, но въ видѣ насажденія на сѣверной сторонѣ урало-алаунской гряды она кажется встрѣчается рѣдко. Урало-алаунская гряда служитъ границей для нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ; кленъ растетъ въ никольскомъ лѣсничествѣ только по рѣчкамъ, текущимъ въ Волгу, по Ирдому, Луптюгу, Пыстюгу и Кемѣ, но и здѣсь онъ не толще граблища. На сѣверной сторонѣ сузёма кленъ не встрѣчается; точно также здѣсь не слышно и ильмы; говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, будто низкорослая ильма растетъ близь дер. Кумбисеръ вмѣстѣ съ липой на р. Кузовницѣ, но это извѣстіе требуетъ повѣрки. Дубъ встрѣчается только въ Ветлужскомъ уѣздѣ; въ Никольскомъ у. его нѣтъ. Попытка садить дубъ въ Никольскомъ у. по р. Пызмасу, въ $1^1/_2$ в. отъ границы Ветлужскаго уѣзда, не увѣнчалась успѣхомъ, но не вслѣдствіе климатическихъ условій, а по небрежности лѣсной стражи, такъ какъ всходы были или вытравливаемы скотомъ или скашиваемы. Липа на южной сторонѣ сузёма гораздо выше ростомъ, чѣмъ на сѣверной; по Пыштюгу, Пызмасу и ихъ притокамъ липа достигаетъ до толщины оглобли, толще же дѣлается дупловатою. По Кемѣ липы выше устья Юзы встрѣчаются въ обхватъ толщиною; отсюда въ Никольскъ доставляютъ липовую древесину для иконостасной рѣзьбы. По Камѣ кажется южныя породы дальше проникаютъ на Сѣверъ, чѣмъ по притокамъ Ветлуги. По сѣвернымъ притокамъ этой рѣки по Вохмѣ и друг., липа растетъ только въ видѣ кустарника; въ вершинахъ Ирдомы она встрѣчается только въ $1^1/_2$ арш. высоты; по р. Калюгу ея во все нѣтъ. На сѣверной сторонѣ сузёма она вездѣ не выше $1^1/_2$ арш. высоты, и извѣстна въ народѣ подъ названіемъ лутошки; она идетъ только на оборы къ лаптямъ; для плетенія же самихъ лаптей здѣшніе крестьяне покупаютъ лыко, которое привозятъ крестьяне съ Вохмы на никольскій рынокъ, и продаютъ здѣсь вязанце (на 3 лапти) по 8 к. с. Къ Западу же отъ Никольска крестьяне носятъ болѣе берестяные лапти. Изрѣдка встрѣчаются въ деревняхъ и городахъ липы потолще; такъ въ деревнѣ Дьячковой, къ Западу отъ Вахни, я видѣлъ въ огородѣ одного крестьянина липу до $1^1/_2$ вершка въ отрубѣ; липы встрѣчаются въ садахъ въ г. Никольскѣ и въ Леденгскомъ заводѣ; съ г. Никольскѣ, какъ мнѣ говорили, липа цвѣтетъ

ежегодно *). Въ Тотемскомъ у. липовое насажденіе находится по р. Вохмѣ, въ такъ называемой пустоши Глазунихѣ, на Южной сторонѣ р. Сухоны. Но она встрѣчается въ видѣ низкорослой лутошки и сѣвернѣе Сухоны, наприм. на р. Уфтюгѣ, близь дер. Маурниковой, въ Верховскомъ обществѣ.

Какимъ образомъ здѣсь размножается липа? Трудно предположить, чтобы иногда вѣтромъ заносило сюда липовыя сѣмена; скорѣе можно думать, что нѣкогда на сѣверной сторонѣ Сузёма были другія климатическія условія, что липа здѣсь росла цѣлыми лѣсами, что впослѣдствіе климатъ измѣнился, съ тѣмъ вмѣстѣ липа недоростаетъ до надлежащей высоты, чтобъ приносить зрѣлыя сѣмена, и разсѣянные потомки этихъ лѣсовъ поддерживаютъ свое существованіе размноженіемъ отъ пней и можетъ быть отъ корней. Въ Зеленцовой мнѣ разсказывали, что здѣсь вырывали изъ земли толстые корни липы, которые по длинѣ своей пустили тонкія лутошки. Можетъ быть здѣсь нѣкогда росли и дубъ и вязъ и кленъ и потому исчезли безслѣдно, что не могли распложаться отъ пня и корня, какъ липа. Будущія изслѣдованія здѣшнихъ торфяниковъ можетъ быть откроютъ другую генерацію древесныхъ породъ въ здѣшнихъ мѣстностяхъ; я слышалъ, что гдѣ-то въ Грязовецкомъ уѣздѣ изъ одного озера около какого-то помѣстья, названія котораго мнѣ не могли сказать, былъ вынутъ обломокъ дуба. Какъ любопытное мѣсто для будущихъ изслѣдователей, я долженъ здѣсь упомянуть объ одномъ омутѣ но р. Шарженьгѣ, о которомъ я знаю впрочемъ только по слухамъ. Шарженьга какъ говорятъ здѣсь „нутристая" рѣка, т. е. течетъ тихо, въ глубокомъ корытѣ и имѣетъ много ямъ, которыя называются здѣсь к о ч а н (не ручаюсь, что пишу правильно это слово); самое начало свое она беретъ въ ямѣ, со дна которой бьётъ ключъ аршина въ 3 высоты; выше дер. Зеленцовой на р. Шарженьгѣ есть деревни Сѣнина и Плѣшкина: между этими деревнями есть въ рѣкѣ яма, уходящая подъ берегъ, изъ подъ котораго въ воду высовываются концы древесныхъ стволовъ; мужики артелью старались отломать ихъ, зацѣпивъ веревками, но добыли только небольшой кусокъ. Вѣроятно эти стволы и служатъ скрѣпой для берега, который лежитъ на нихъ и не валится въ воду; можетъ быть эти стволы остатки заломка какой-нибудь крайне отдалённой эпохи и заключаютъ въ себѣ стволы древесныхъ породъ, которыя теперь уже не растутъ на сѣверной сторонѣ здѣшняго сузёма.

Урало-алаунская гряда оказываетъ вліяніе и на распредѣленіе животнаго царства. Такъ наприм. щеглы вовсе не водятся въ Никольскомъ уѣздѣ;

---

*) Здѣшніе крестьяне съ удивленіемъ узнаютъ, что ихъ «лутошка» можетъ цвѣсти при другихъ условіяхъ, они также не знаютъ слова липа, и на вопросъ, растетъ ли у нихъ липа, отвѣчаютъ, что такого дерева они не знаютъ; свои же маленькія деревца они называютъ л у т о ш к о й.

ихъ ловятъ на южной сторонѣ сузёма въ Кологривѣ и на сѣверной въ гор. Тотьмѣ. Въ г. Никольскѣ, несмотря на то, что здѣсь хлѣбная пристань, и на берегу построены большіе амбары для хлѣба, нѣтъ однакожъ крысъ. Пчеловодство существуетъ только въ одной системѣ р. Вохмы и по ея притокамъ углубляется почти до ихъ вершинъ; такъ наприм. по р. Бѣлой пчелиные кряжи есть въ деревнѣ Палкичевой, по р. Вочу ихъ разводятъ около с. Павина. Въ дер. Вани у одного крестьянина было до 70 кряжей, но нынѣ погибли; въ дер. Мочуевомъ Раменьѣ у вятчанина было 30 кряжей. Старались развести пчелъ на сѣверной сторонѣ сузёма, но безуспѣшно; именно перенесли однажды два кряжа черезъ волокъ въ дер. Хайрюзовку (на р. Енталу), но они погибли. Пчелы вѣроятно могли бы жить на р. Кемѣ.

Липнякъ, который растетъ по Шарженьгѣ около дер. Зеленцовой, замѣчателенъ еще въ демонологическомъ отношеніи. Крестьяне говорятъ, что изъ него только тотъ находитъ дорогу, кто не срубилъ лутошку; напротивъ, кто срубитъ, тотъ непремѣнно заблудится. Крестьяне думаютъ, что это балуютъ мѣстный лѣшій; поэтому они сбираются писать прошеніе „ихнему главному" чтобъ запретилъ младшему лѣшему продолжать свои баловства. Подавать прошенія лѣшимъ здѣсь въ обыкновеніи, мнѣ расказывали очевидцы, что они встрѣчали въ лѣсу подобныя прошенія, написанныя углемъ особымъ почеркомъ на огромныхъ листахъ бересты, приколоченныхъ къ деревьямъ; набожные люди не только не смѣютъ ихъ потрогать, не смѣютъ даже смотрѣть на нихъ. Такія прошенія пишутся, если у кого потеряется лошадь и если подозрѣваютъ въ конокрадствѣ самаго лѣшаго; при этомъ нужно замѣтить, что не всякій грамотный человѣкъ можетъ писать подобныя прошенія; нужно, чтобъ лѣшему было тонко замѣчено, что онъ виновникъ пропажи, чтобъ въ прошеніи не было откровенно высказано, что лѣшій подозрѣвается въ воровствѣ-иначе онъ можетъ обидѣться. Лѣшій здѣсь называется „лѣснымъ хозяиномъ". „Лѣсные ходаки" т. е. звѣроловы знаютъ въ лѣсу отлично всѣ мѣста и не боятся лѣсного хозяина. Опасно становиться на „дорогѣ" лѣсного хозяина. Одинъ лѣсной промышленникъ заночевалъ въ лѣсу; вдругъ раздался крикъ: „убирайся домой! расклался на самой дорогѣ! покойника понесутъ!" Человѣкъ отошелъ въ сторону саженъ съ 20 и прислонился къ дереву. Только онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ дѣйствительно цѣлая толпа „негодныхъ" прошла мимо его съ покойникомъ на рукахъ. Деревня Ковыгина (въ 3½ вер. отъ г. Никольска) стояла прежде на „дорогѣ" лѣсного хозяина, на хорошемъ угорьѣ, какъ вообще здѣсь любятъ располагаться крестьяне; лѣсной хозяинъ вѣтромъ сшибалъ дома, но мужики долго упрямились; наконецъ, когда лѣсной хозяинъ во время страды засунулъ одного ребенка въ подворотню, что видѣли пѣстуньи и послѣ разсказали другимъ, мужики порѣшили бросить угорье

и переселиться къ его подошвѣ, на прилегающую низменность. Такъ народъ объясняетъ, почему дер. Коныгина вопреки общему обычаю построена не на угорьѣ, а въ ямѣ.

Вообще здѣсь легко встрѣтиться съ человѣкомъ, видѣвшимъ „негодныхъ" или съ колдуномъ или даже съ потомкомъ негоднаго, потому что послѣдніе живутъ съ женщинами. Бываютъ крестьяне—друзья лѣшихъ; къ одному крестьянину лѣсной ходилъ въ гости; когда варитъ пиво, онъ никогда не споитъ его всё своимъ гостямъ, а котелъ ведеръ съ 15 оставитъ. Въ полночь является лѣсной, садятся вмѣстѣ съ старикомъ за столъ и пьютъ. Лѣсной бралъ котелъ въ обѣ руки и выпивалъ черезъ край за два раза. Колдуны, по здѣшнему о п а с н ы е, здѣсь есть чуть не въ каждой деревнѣ; они не скрываются и пользуются большимъ почетомъ; во время свадебъ ихъ садятъ на самое почетное мѣсто—въ передній уголъ, такъ что женихъ и невѣста занимаютъ уже второе. У этихъ колдуновъ можно находить кремневыя стрѣлы каменнаго періода. Есть и колдуньи. Кажется, роды колдовства мужчинъ и женщинъ нѣсколько различны, хотя есть и такіе прядметы, надъ которыми они одинаково упражняются. Мужчины портятъ людей, овощи (рѣдьку, яблоки), свадьбы, исцѣляютъ больныхъ, привораживаютъ любовницъ (присушиваютъ). Женщины болѣе колдуютъ по хозяйству: умѣютъ устроить, чтобъ свой пѣтухъ билъ чужого, или чужое молоко перешло на свой дворъ, лечатъ женскія и дѣтскія болѣзни и проч.

Помѣщаю здѣсь матеріалы для миѳологіи и демонологіи, собранные въ Никольскомъ уѣздѣ:

Вѣдьмы есть природныя и ученыя; послѣднія безъ хвостика, первыя съ хвостикомъ; другія и природныя вѣдьмы, да незнаютъ ничего или не хотятъ пользоваться врожденнымъ дарованіемъ. Гдѣ вѣдьма живетъ, дымъ изъ трубы идетъ противъ вѣтра.

Собаки и кошки—„первыши" (первенцы отъ несукотки) отличаются хорошими качествами, одно изъ которыхъ: видятъ нечистаго. Отъ нихъ вѣдьма не скроется и подъ видомъ сороки. Но трудно воспитать такихъ щенятъ или котятъ—колдуны убьютъ ихъ. Нужно или протаскивать ихъ сквозь ѣзженую колесную трубицу или на ночь прятать подъ борону.

При переходѣ въ новый домъ несутъ съ собой хлѣба, соли, соломы, которую стелятъ, прежде чѣмъ ступить ногами на полъ (чтобъ не ступить на голый полъ), пускаютъ пѣтуха съ курами и замѣчаютъ: если пошелъ въ сýдки, то будетъ хорошо жить.

Овинъ весь не вымолачиваютъ до послѣдняго снопа, всегда оставляютъ въ немъ 9 или 13 сноповъ, такъ назыв. ж и т е л е й. Это дѣлается для того, чтобъ въ овинѣ всегда были жители. Оставляя жителей, кланяются овину

безъ креста и говорятъ: „благодарю тебя овинъ, что сохранилъ нашъ хлѣбъ“. Число „жителей“ должно быть нечетное: „не въ-чету, а на-лижу“.

Чтобъ нашъ пѣтухъ билъ чужаго, нужно въ великій четвергъ въ великій постъ кормить своего пѣтуха на заслонкѣ на зарѣ. А если вырвать у чужого пѣтуха косички т. е. два длинныхъ хвостовыхъ пера, онъ станетъ слабѣе курицъ, и станетъ отъ нихъ бѣгать, не только отъ пѣтуха. При продажѣ выдергиваютъ у курицъ перо, чтобъ „плодъ“ ея въ дому продавца остался.

Рѣка только тогда можетъ пройти (весной) или стать (осенью), когда приметъ утопленника.

Всякій покойникъ что-нибудь возьметъ съ собой изъ своего дома—иногда все свое имущество (домъ сгоритъ). Если сгоритъ одна баня вскорѣ послѣ покойника, говорятъ: ой—да, немного хоть взялъ!

Свиньи съ сережками на горлѣ въ Устюгѣ считаются урочливыми; а въ Тотьмѣ и вообще свинью считаютъ урочливой и потому колятъ её тайкомъ ночью.

Квашня тоже вещь очень урочливая. Если квашня испортилась, нужно, замѣсивъ хлѣбы и посадивъ въ печь, изъ оскребковъ скатать небольшой хлѣбецъ, сильно посолить и оставить на столѣ, пока сильно не тронется и до тѣхъ поръ не мыть стола; когда хлѣбецъ тронется, нужно налить въ квашню воды, перекрестить хлѣбецъ и опустить на середину квашни; квашня исправится.

Если молоко „помѣшается“ нужно положить подойникъ на порогѣ и хлестать березовой вицей, пока не прочитаешь 3 раза богородицу или положить кусокъ хлѣба въ подойникъ и, увидѣвъ быка, выйдти къ нему и дать, чтобъ онъ съѣлъ кусокъ, лежащій въ подойникѣ.

Стрига ходитъ и стрижетъ шерсть у овецъ на темени; есть однакожъ въ деревняхъ мужики скептики, которые приписываютъ оголенье череповъ у овецъ чесанью ихъ головой объ что-нибудь.

Сорока стрекочетъ на бурундукѣ—пространствѣ передъ ступенями крыльца—гости будутъ.

Отъ клоповъ средствомъ служитъ нечаянно найденная телѣжная чека, или слѣдуетъ бросить клопа вслѣдъ уходящаго попа со словами: куда попъ, туда клопъ.

Траву чертогонъ кладутъ надъ дверями, гдѣ часто ходятъ: наприм., при входѣ въ избу, подобно тому, какъ кладутъ тутъ косу или деготь въ бутылкѣ или просто мажутъ двери дегтемъ—будто это предохраняетъ отъ повѣтрій.

Кошки хороши удаются, которыя родятся, когда лѣсъ голый.

Встрѣтить въ дорогѣ попа—будетъ неудача. Нужно въ это время черезъ карманъ взяться за свои testiculi и ничего не будетъ.

Громовая стрѣла предохраняетъ домъ отъ грома, если она въ немъ находится. Она урчитъ, положенная во время грома въ воду. Кладутъ её также на полосу, когда сѣютъ хлѣбъ, чтобъ кто-нибудь не „посѣялъ“; подсѣять—значитъ подбросить на чужое поле горсть зерна: у него родится, а у тебя нѣтъ.

Въ Духовъ день земля именинница—нельзя колъ въ землю втыкать.

До Троицы грѣхъ березу ломать и до Троицы избѣгаютъ погонять скотъ березовой вицей.—Березку, принесенную изъ церкви въ Троицу, грѣхъ бросать; её нужно подоткнуть подъ крышу избы, подъ князекъ—вершинкой на востокъ, комлемъ на западъ—не будетъ крышу сносить вѣтромъ.

Кто любитъ смотрѣть въ топящуюся печь, скоро умретъ.

Собачья титька—такъ назыв. здѣсь пѣшій ячмень—происходитъ оттого, что взглянешь на собаку. Слѣдуетъ приложить къ больному мѣсту хлѣба и потомъ скормить собакѣ.

Глазятъ косозубые, съ двумя рядами зубовъ, двугубые и сросшіяся брови.

Отъ глаза, т. е. отъ любопытнаго взгляда или взгляда, соединеннаго съ удивленіемъ, бываетъ болѣзнь урокй; симптомы ея: потягота, ознобъ, жаръ и потъ. Лечатъ уроки спрыскиваніемъ воды, въ которой вымыта между прочимъ заслонка. Какъ предупредительное средство, носятъ поясъ, сплетенный изъ узловъ, какими плетется рыболовная сѣть, на томъ основаніи, что эти узлы вязаны отъ себя. Застарѣлые уроки называются тишины; боль бросается изъ одной части организма въ другой; уроки и тишины лечатъ сбрызгиваніемъ воды съ 3 чистыхъ (непоганыхъ, не банныхъ) каменьевъ, въ которой вымыты ложки, поварешки, скобки и заслонка и брошена соль съ словами: „лихому да злому человѣку соль въ глазъ“. А также поятъ настоемъ травы уразной, которую зовутъ также урочной и которая растетъ по берегамъ рѣчекъ. Этой же травой примачиваютъ вывихи—безъ правки вправляетъ. Уроки могутъ быть и отъ чужой думы спроста; достаточно одному подумать: „вотъ какъ онъ спотѣлъ! что жъ онъ не скинетъ шубу“? и достаточно. Съ другой стороны, не очень искусное нашептыванье, но совершаемое съ чистымъ, простымъ т. е. добрымъ сердцемъ дѣйствительнѣе, чѣмъ сложное и вѣрное преданію нашептываніе злой женщины. Отъ урока лечатъ и такъ: берутъ соль большимъ и безъимяннымъ пальцемъ и дѣлаютъ на лбу крестъ; или берутъ три солинки и проводятъ ими по лбу.

Отъ грыжи дѣтей поятъ молокомъ, сваренымъ съ выложенными яицами кота.

Вередъ лечатъ такъ: безъимяннымъ пальцемъ тычутъ по очередно въ три сука, найденные на какой нибудь доскѣ (наприм. на столѣ), тычутъ,

пока не прочитають слѣдующаго приговора: „тебѣ сучьевъ не водить, мнѣ дерева не ростить, какъ сукъ сохнетъ, такъ бы и ты сохъ! во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь“! Послѣ того плюютъ на вередъ.

Грѣхъ жалѣть скотину, когда её ведутъ на убой. Богъ запретилъ жалѣть. „А я, грѣшница, не могу удержаться“, говорила одна изъ моихъ знакомыхъ женщинъ. Если у мясника корова, назначенная на убой, стоитъ голодомъ, реветъ и плачетъ, она бѣгала къ мяснику и упрашивала его бросить коровѣ сѣнца, а потомъ каялась Богу въ своемъ грѣхѣ. Такое искаженіе требованій религіи имѣетъ законное основаніе; крестьяне живутъ такъ близко къ быту своихъ домашнихъ животныхъ, что каждое изъ этихъ послѣднихъ становится въ глазахъ народа живою личностью съ опредѣленнымъ темпераментомъ; мы едва замѣчаемъ, какъ велика въ этомъ отношеніи разница между нами и простымъ народомъ; въ то время какъ ревъ какой-нибудь коровы проходитъ для насъ безслѣдно, или даже увеличиваетъ въ насъ пріятное чувство сознанія, что мы находимся въ средѣ живой природы, крестьянка, понимающая значеніе этаго звука, переживаетъ драму. Поэтому, колоть скотину для крестьянина равносильно человѣкоубійству, а потребленіе мясной пищи—людоѣдству. Одинъ крестьянинъ, занимавшійся продажей мяса и потому не мало убившій скота, говорилъ мнѣ, что ему всегда было жалко убивать теленка: „вѣдь онъ невинный ребенокъ“, говорилъ онъ.

— Намъ бы слѣдовало разъ въ годъ, какъ это дѣлаютъ звѣри, а мы стали чаще; Богородица и прокляла насъ: „тритесь же вы, какъ дверь на пятѣ“, сказала.

Въ 9 верст. отъ г. Никольска по дорогѣ на р. Вохму находится озеро Кожаево близъ деревни того же имени среди пахотнаго поля. Берега этого озера состоятъ изъ кочей, т. е. изъ трясины, покрытой кочками и къ берегу озера трудно подойти. Окружность его менѣе версты; глубина, по словамъ однихъ, до 12 саж., другіе считаютъ её неизвѣстной и говорятъ, что крестьяне связывали двое возжей и не могли достать дна. Удная лѣса въ $2^1/_2$ сажени, опущенная у самаго берега въ воду, стоитъ отвѣсно; въ озерѣ водятся щуки и сороги; ихъ ловятъ мордами; для этого доходятъ до окраины кочей, опускаютъ морду въ воду озера и подсовываютъ её подъ кочи. Въ озерѣ этомъ есть странствующій кочь; онъ отстаетъ отъ берега, двигается до половины озера или и далѣе, и снова пристаетъ къ своему мѣсту. Коровы ходятъ по кочу, грузнутъ по морду, но не тонутъ. Нѣкогда изъ этого озера выходили пестрыя коровы; *) однажды священникъ обошелъ ихъ съ крестомъ

*) Это же преданіе относятъ и къ другому озеру близъ самаго гор. Никольска. Подобное преданіе существуетъ и у Киргизъ около Семипалатинска, такихъ коровъ называютъ с у-с і и р ъ.

подобное всеобщее бученье бываетъ съ нитками или мотами. Тѣмъ же способомъ грѣется вода въ банѣ и другаго способа въ деревняхъ не употребляется. Кисель овсяный или изъ пшеничныхъ высѣвковъ во время поминокъ и въ дни, когда поминаютъ покойниковъ, кипятятъ также посредствомъ камней; кадку ставятъ на столъ съ заквашеннымъ растворомъ овсяной муки; заквашиваютъ, втыкая пукъ горящихъ лучинъ, слѣд. углекислотой; кладутъ еще въ растворъ кремень, чтобъ кисель былъ клейнѣе, крѣпче, а чтобъ усилить кислоту—дрожжей *). Каленые камни опускаютъ прямо въ жидкость, которая и начинаетъ кипѣть; её мѣшаютъ мутовкой, потомъ разливаютъ по чашкамъ и студятъ, часть же съѣдаютъ горячею съ масломъ или заболтавъ смѣтаной. Пиво также варится посредствомъ калёныхъ камней, хотя и не вездѣ; въ деревнѣ Зеленцовой, какъ мнѣ говорили жители, нѣтъ обычая варить пива камнями; варятъ его въ котлахъ; напротивъ, въ деревнѣ Меньковой только у двухъ крестьянъ есть котлы, остальные кипятятъ воду пожегомъ. Пиво варятъ здѣсь изъ ржи въ особыхъ поварняхъ; для этого соединяются въ одинъ чанъ по 2, по 3 семейства, потомъ вышедшее пиво дѣлятъ смотря по тому, кто сколько положилъ солоду, расчитывая на каждую маленку солода (пудъ съ 1/4) по 5 или 6 ведеръ пива, а густого по 4.

Дорога отъ Зеленцовой до Подболотья или Кулиги (22 вер.) идетъ по волоку между р.р. Шарженьгой и Шепшеньгой, текущей съ З. въ первую. Р. Шепшеньга течетъ въ лѣсу; на ней только два починка. Здѣсь находится правленіе Подболотиной волости, которую народъ зоветъ Ляменьгой. Шарженьга отъ Кулиги въ 4-хъ верстахъ; она такъ здѣсь уже узка, что черезъ неё можно шагать. Отсюда также недалеко и р. Талица, самый сѣверный притокъ Кемы; кулиганы имѣютъ на Талицѣ сѣнокосы; здѣсь должна быть одна изъ сѣдловинъ урало-алаунской гряды; здѣсь берутъ начало р.р. Шарженьга, Кема и Юза; на нашей дорогѣ вѣроятно это было самое высокое мѣсто. Вершины Шарженьги находятся отъ Кулиги въ 15 вер., около оз. Шипунова, которое лежитъ по серединѣ зыбучаго болота; глубина его по словамъ крестьянъ до 20 сажень; оно рыбное, но въ настоящее время рыбы стало меньше. Я хорошенько не разспросилъ крестьянъ, но вѣроятно оно принадлежитъ къ числу такихъ же озеръ съ плавающими берегами, какъ и описанное выше озеро Кожаево.

Здѣсь кстати описать и другія озера, находящіяся въ Никольск. у., о которыхъ мнѣ удалось слышать: ниже устья р. Шарженьги въ Югъ впадаетъ р. Устьямженецъ, который течетъ изъ Святого озера; кругомъ этого озера

*) Подобный кисель варятъ въ Вознесенье; говорятъ, что съ опарой вмѣстѣ и Іисусъ поднимается на небо. Этотъ вознесенскій кисель непремѣнно нужно варить на камняхъ, потому что Іисусъ ходилъ по камнямъ.

и нѣкоторыхъ изъ нихъ удалось захватить. Приплодъ отъ этихъ озерныхъ коровъ и теперь есть.

Былъ какой то царь, который понималъ языкъ птицъ.

Ворона, сидя на коровьемъ пометѣ, кричитъ: „тваррлогъ! тваррлогъ"! т. е. творогъ *). Птица травникъ кричитъ: „пйти, пйти! травы! травы"! „Мужики за неё Бога молятъ". Кошка, когда мурлычетъ, говоритъ: „вилы да грабли, бугры да ямы".

Мужъ одной сварливой жены не зналъ, куда отъ нея дѣваться и рѣшилъ уже бѣжать; сидитъ на лавкѣ и задумался, какъ это лучше сдѣлать, въ это время хозяйка впустила куръ въ избу; Богъ открылъ мужику понимать птичій языкъ. Вотъ онъ и слышитъ, какъ пѣтухъ учитъ куръ, а которая его не слушается, ту бьётъ. Тогда мужикъ подумалъ: пѣтухъ вонъ со сколькими женами, а я, человѣкъ, съ одной не могъ справиться. Послѣ этого онъ взялъ свою жену за волосы, потеребилъ её и, она стала съ тѣхъ поръ послушною.

Утромъ въ Зеленцовой мы были свидѣтелями варенія картофеля камнями. Два параллельныхъ ряда горшковъ, поставленныхъ на полу подлѣ печи, рано обратили на себя наше вниманіе; одинъ рядъ былъ наполненъ картофелью и водой, другой пустой. Въ печь былъ посаженъ пожегъ, т. е. камни; когда они накалились, хозяйка стала опускать ихъ въ горшки съ водой и картофелью, тотчасъ же прикрывая пустыми горшками. Употребленіе камней для кипяченія воды здѣсь въ большомъ употребленіи. Оно употребляется при бученьи бѣлья и нитокъ; бученье бѣлья производится часто въ домахъ; передъ сѣнокосомъ же, когда требуется сразу большое количество чистаго бѣлья на все время сѣнокоса, время же это бываетъ сухое, въ избахъ бучить опасно—бученье производится на берегу рѣки; въ половинѣ іюня въ одинъ прекрасный день все женское населеніе тѣхъ семей въ Никольскѣ, которыя занимаются земледѣліемъ—высыпаетъ на берегъ, раскладываетъ огни, калитъ камни; въ буки (кадки) съ дырой на днѣ заткнутой деревяннымъ гвоздемъ, кладется бѣлье; сверхъ кадки накидывается пепельникъ, т. е. холщевый лоскутъ; на него кладется зола, которая угнетаетъ середину пепельника внизъ и образуетъ фильтръ; сверхъ золы наливается вода и кладутся каленые камни, пока не закипитъ вода. Потомъ букъ еще закрываютъ холстиной и досками. Когда камни остынутъ, ихъ вынимаютъ и снова кладутъ въ огонь, а другіе накалившіеся камни кладутъ въ пепельникъ на ихъ мѣсто. Въ этой работѣ проходятъ цѣлыя сутки; женщины проводятъ на берегу цѣлую ночь; на другой день бучатъ не болѣе 5 или 10 семей отсталыхъ. Весной

*) Зимой ворона кричитъ: «по рублю г..но»! Лѣтомъ: «по денежкѣ киласы (суслоны)» (Записано отъ женщины уроженки Ямбургск. у. С.-Петерб. губ.).

лежитъ зыбунъ; скотъ ходитъ по зыбуну, грузнетъ въ водѣ до подчеревокъ, но никогда небыло съ нимъ несчастья утонуть, почему озеро и прозвано Святымъ *); для измѣренія глубины озера крестьяне связывали жерди, но оказалось, что на глубинѣ 8 сажень они не могли достать дна; на середину озера выплываютъ на плотикахъ; на днѣ видно какую-то грязь, въ которой исчезаетъ камень. Въ этомъ озерѣ ловятъ карасей. Съ одной стороны озера вытекаетъ р. Устьямженецъ.

Близъ р. Бѣлой, впадающей въ Луптюгъ, есть озеро Дикое; въ немъ водится рыба; изъ озера бѣжитъ ключъ, не стынущій зимой; прежде, когда озеро было въ лѣсу, и оно не стыло; нынѣ лѣсъ, по словамъ ближайшихъ жителей, свалился въ озеро (?), берега оголились, и оно стало стыть. Дно это завалено „хламомъ" т. е. древеснымъ ломомъ.

Въ 2-хъ верстахъ отъ Подболотья мы пересѣкли рѣку Ляменьгу; видъ, который здѣсь представляется, лучше всего показываетъ, какъ здѣсь сжато населеніе около рѣкъ; и въ ту и другую сторону по рѣкѣ было видно множество деревень, расположенныхъ по угорьямъ. Здѣсь мы увидѣли съ дороги на лугу Ляменьги до 10 качелей почти вмѣстѣ; здѣсь собирается почти вся Ляменьга въ Троицу. Въ Пасху здѣсь не качаются или по крайней мѣрѣ мало качаются, и вообще Пасха здѣсь проходитъ менѣе весело, чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи.

Качели, по здѣшнему качули, по деревнямъ здѣсь очень распространены; часто въ маленькихъ деревняхъ я видалъ по 2 качели; очень много устроено качелей съ висячими корзинами, которыя вращаются въ вертикальной плоскости; другія качели веревочныя; высота этихъ послѣднихъ бываетъ до 3 сажень и удивительно, какъ не бываетъ несчастій при огромныхъ размахахъ, какіе дѣлаютъ качающіеся. Качели эти устраиваются артелями молодыхъ деревенскихъ парней. Зимой парни устраиваютъ катушки изъ жердей; для этого кладутся наклонно двѣ параллельныя жерди, гладко осоченныя; на одну становится парень, на другую дѣвица, берутся другъ за друга и катятся бокомъ, стоя на ногахъ.

Увеселенія здѣшней крестьянской молодежи рѣдки и неразнообразны. Лѣтомъ въ праздники по срединѣ деревни устраиваются хороводы, на которыхъ я видѣлъ только: 1) змѣевидно движущуюся плѣницу, концы которой сомкнуты въ кругъ, 2) хожденіе одной стѣны на другую, 3) игру въ горѣлки и 4) осьмерку. Первое движеніе совершается подъ какую-нибудь пѣсню, второе и послѣднее подъ гармонію или балалайку.

---

*) Въ здѣшнемъ краѣ есть и еще святыя озера и рѣчки Святцы, вѣроятно имена всѣхъ ихъ одинаковаго происхожденія съ описываемымъ.

Зимой дѣвицы въ деревняхъ собираются на бесѣдки и игрища; бесѣдки бываютъ ежедневно, по вечерамъ, въ періодъ съ послѣднихъ чиселъ сентября съ шитьемъ, съ третьей недѣли Филиппова поста съ пряжей до второй недѣли Великаго поста. Это самое обыкновенное сборище, такъ что здѣшнія женщины, уходя изъ чужого дома, прощаются обыкновенно словами: „къ намъ на бесѣдки"! Для бесѣдки всѣ дѣвицы деревни собираются въ одну избу; для этой цѣли избы чередуются между собою понедѣльно; въ очереди участвуютъ только тѣ избы, въ которыхъ есть дѣвицы. Здѣсь существуетъ обычай привозить во время мясоѣда къ себѣ гостью; всякій хозяинъ дома привозитъ дѣвицу, конечно родственницу изъ чужой деревни, иногда изъ-за 10 верстъ, даже и изъ-за 30; это дѣлаютъ только тѣ, которые имѣютъ у себя въ домѣ дѣвицу. Дѣвицы эти гостятъ по недѣлѣ и по двѣ; обѣдаетъ и ужинаетъ она въ домѣ пригласившихъ её, а все свободное время она прядетъ на себя; вечеръ она вмѣстѣ съ хозяйской дочерью уходитъ на бесѣдку. Для дѣвицы это родъ отдыха отъ домашнихъ работъ и это бываетъ время, когда дѣвица дѣлаетъ самый большой заработокъ для себя. Приглашеніе въ гости дѣвицы родныя ея считаютъ за почетъ, оказанный цѣлой семьѣ, и въ слѣдующій мясоѣдъ отплачиваютъ его, приглашая сами дѣвицу изъ того дома, въ которомъ гостила ихъ дочь.

На бесѣдкахъ дѣвицы занимаются пряденьемъ; сидятъ далеко за полночь, такъ что расходятся по домамъ, когда семейства ихъ въ деревнѣ уже давно спятъ. Освѣщается бесѣдка лучиной того хозяина, въ избѣ котораго она собралась. На бесѣдки приходятъ и парни, угощаютъ дѣвицъ орѣхами, шутятъ съ дѣвицами, но плясокъ на бесѣдкахъ не бываетъ. Дѣвицы поютъ однакожъ пѣсни.

Кромѣ бесѣдокъ бываютъ игрища, но только разъ въ годъ, на Рождествѣ и святкахъ. Для этого дѣвицы съѣзжаются верстъ за 40 въ одну деревню; при этомъ деревни чередуются, нынѣ съѣздъ дѣвицъ бываетъ въ одну деревню, на другой годъ въ другую. На игрищѣ не работаютъ, а только пляшутъ съ молодцами. Въ г. Тотьмѣ игрищъ не бываетъ, а вмѣсто ихъ бываютъ вечорки; въ какой-нибудь праздникъ мать мѣщанка, желая потѣшить дочь, пуститъ къ себѣ вечорку; входъ доступенъ для всякаго, кто бы ни захотѣлъ войдти; хозяйка жжетъ свою свѣчу; дѣвицы и парни пляшутъ; самые обыкновенные танцы въ Тотьмѣ: французская кадриль, „заинька" и хожденіе плѣницей, которое назыв. „большой пѣтухъ". Послѣднее начинается тѣмъ, что одинъ парень, часто мальчуганъ лѣтъ 10, беретъ дѣвушку за руку и начинаетъ водить по комнатѣ; дѣвушка беретъ за руку другого парня и теперь ходятъ втроемъ, одинъ сзади другого; парень беретъ опять дѣвушку, та опять парня и т. д. Когда цѣпь увеличится, она начинаетъ двигаться

змѣевидно и въ это время дѣвицы начинаютъ пѣть какую-нибудь пѣсню. „Заинька“—это полька—трамбланъ, которая однакожъ танцуется съ примѣсью русскаго. Парень и дѣвица пляшутъ её то рядомъ, взявшись за руки, то обнявшись. Въ остальное время ежедневно, гдѣ есть дѣвица въ домѣ, собираются по три, по четыре дѣвушки на бесѣдки, гдѣ онѣ прядутъ или вяжутъ чулки и поютъ пѣсни; парни и здѣсь приходятъ на бесѣдки съ лакомствами и иногда покупаютъ на свой счетъ свѣтъ; но бесѣдки здѣсь не бываютъ многолюдны. Въ г. Никольскѣ бесѣдки также немноголюдны, какъ и въ Тотьмѣ; но такъ какъ здѣсь часть мѣщанъ ведетъ жизнь по крестьянски и занимается земледѣліемъ, то дѣвицы этихъ городскихъ земледѣльцевъ устраиваютъ на рождественской недѣлѣ игрища; въ каждомъ концѣ города бываетъ свое игрище; нынѣшней зимой (1872—1873) ихъ было два въ городѣ. Они устраиваются дѣвицами на свой счетъ; дѣвицы складываются на свѣтъ и квартиру; одно игрище, состоявшее изъ 16 дѣвушекъ, за одну квартиру заплатило 3 р. 20 к., слѣдов. съ каждой дѣвушки сошло по 20 коп. Въ Никольскѣ нѣтъ уже ни заиньки, ни хожденія плѣницей, которыя я видѣлъ во Тотьмѣ, но французская кадриль и здѣсь самый обыкновенный танецъ не только у мѣщанокъ въ городѣ, но и въ деревняхъ близъ города, на разстояніи покрайней мѣрѣ 3, 5 верстъ. Лѣтомъ французская кадриль танцуется здѣсь подъ открытымъ небомъ. Кромѣ ея, здѣсь пляшутъ „чижика“, „ивушку“ и „грушу“. Всѣ эти танцы называются такъ потому, что пляшутся подъ пѣсни такого названія. Ивушка назыв. иначе осьмеркой, которая вѣроятно отсюда распространилась по всей Сибири до Алтая и Камчатки.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Тотьмѣ, поля все болѣе и болѣе голѣли, и посреди ихъ возникали ржаныя и яровыя копны. Хлѣбъ свозится здѣсь въ копнища, которыя устраиваются на полѣ же; нѣкоторые крестьяне свозятъ его на свои гумна въ деревнѣ. Копнище заключаетъ въ себѣ хлѣбъ съ цѣлаго поля (ржанаго); въ немъ помѣщается до 50 копенъ. У богатыхъ мужиковъ бываетъ и по двѣ копны. Копнище огораживается городьбой; всякій хозяинъ, который кладетъ копны въ копнищѣ, за каждую копну долженъ загородить 2 сажени копнища. Хлѣбъ складывается здѣсь или въ копны или въ обзуроды; первыя яйцевидной формы, вторые въ видѣ отвѣсной стѣнки; въ первыхъ снопы кладутся лучисто, во вторыхъ въ два параллельныхъ ряда, колосьями внутрь обзурода, жнивомъ прочь. Копны ржаныя бываютъ высотой 3 сажени; обзуроды ниже; яровыя копны по формѣ отличаются отъ ржаныхъ; онѣ не выше сажени, почти цилиндрическія и съ тупой вершиной.

Сѣно здѣсь складываютъ не въ стога, а въ промёжки; промёжки я видѣлъ отъ Никольска до Тотьмы; ближе къ послѣднему городу они

назыв. проймами. Промежки кладутся такъ: вколачиваютъ рядомъ 3 кола, средній гораздо короче; колья эти назыв. стожары; на средній колъ начинаютъ накладывать сѣно почти въ уровень съ высотой крайнихъ кольевъ, такъ что масса сѣна кажется ущемленною между двумя кольями; въ одинъ промежекъ уходитъ одинъ или два воза. Если сѣна много, отъ крайняго кола рядомъ вколачиваютъ еще колья для слѣдующаго промежка, такъ что иногда три промежка представляютъ одну общую массу, раздѣленную только кольями. Въ Вятской губ. мечутъ не промежки, но стога, но все-таки въ центрѣ стога предварительно вколачиваютъ колъ. Причина въ этой особенности здѣшняго метанія сѣна можетъ быть заключается въ недостаткѣ вяжущихъ травъ, въ родѣ вязиля; здѣшнее сѣно преимущественно состоитъ изъ болотныхъ злаковъ. Было бы въ здѣшнемъ краѣ, отличающемся недостаткомъ ясныхъ жаркихъ дней, не дурно ввести шведскій способъ сушенія сѣна въ овинахъ.

Копенъ хлѣбныхъ больше встрѣчается, чѣмъ обзуродовъ; впрочемъ число послѣднихъ, говорятъ, въ послѣднее время стало умножаться, потому что въ обзуродахъ хлѣбъ скорѣе сохнетъ, скорѣе его прохватываетъ вѣтромъ.

Какъ вообще въ областяхъ чисто земледѣльческихъ, земледѣліе здѣсь находится на самой низшей степени совершенства; между сѣверной и южной стороной сузёма замѣчается разница въ плодородіи земли; именно южная покатость урало-алаунской гряды несравненно лучше развиваетъ свою растительность, чѣмъ сѣверная; лучшій лѣсъ растетъ на южной сторонѣ; по Кемѣ по словамъ крестьянъ на повинахъ навозъ по 10 лѣтъ не кладутъ, напротивъ на здѣшнихъ требуется на другой годъ послѣ сженія. Вохма, лежащая на южной сторонѣ сузёма, считается самымъ хлѣброднымъ краемъ во всей Вологодской губ., и только здѣсь основываются починки. Поэтому хлѣбопашество на сѣверной сторонѣ сузёма еще болѣе находится въ зависимости отъ скотоводства, чѣмъ на южной; скотъ на грядѣ мелокъ и его кажется мало въ уѣздѣ; вслѣдствіе чего мало навозу, а потому плохъ и урожай хлѣбовъ. Лучшее сѣно съ мышьякомъ и кашникомъ родится на дѣлянкахъ, потому что на нихъ течетъ и просачивается навозная жижа съ полей, подлѣ которыхъ часто онѣ лежатъ, но и здѣсь урожай травы не великъ. Такъ, наприм., въ дер. Аксентьевой одинъ извѣстный мнѣ хозяинъ съ трехъ дѣляницъ накашиваетъ 6 возовъ; въ каждой дѣляницѣ онъ имѣетъ по двѣ поженки *); съ каждой дѣляницы онъ получаетъ по 2 воза; у этого хозяина три души, слѣдовательно каждая поженка въ три косья длиной т. е. 3 сажени (на душу здѣсь отмѣриваютъ по одному косью); во всѣхъ поженкахъ будетъ 9 сажень. Длина поженокъ (= ширинѣ дѣляницы) около 10 саженъ. Такимъ образомъ со 100 □ саженъ получается 6 возовъ сѣна, съ десятины 144 воза.

*) Поженкой назыв. недѣлимый болѣе участокъ дѣлянки доставшійся семьѣ.

Для улучшенія земледѣлія необходимо способствовать улучшенію скота, а послѣднее невозможно безъ введенія травосѣянія, къ которому здѣсь и самъ народъ пришелъ. На повинахъ здѣсь сѣютъ палочникъ или сѣянецъ (Phleum pratense, L.) вмѣстѣ съ рожью; потомъ рожь жнутъ, вымолачиваютъ и отдѣляютъ сѣмя палочника посредствомъ просѣванія и снова его сѣютъ на новыхъ повинахъ. На старой же новинѣ, на которой на другой годъ рожь уже не сѣютъ, палочникъ родится одинъ въ такомъ изобиліи, что получается чистое палочниковое сѣно; только уже на 4 или 5 лѣто палочникъ заглушается посторонними травами. Въ Тотемскомъ уѣздѣ также сѣютъ сѣянецъ, но не вездѣ; такъ, наприм., на р. Уфтюгѣ, т. е. въ долинѣ значительной рѣки, его не сѣютъ, напротивъ сѣютъ его по глухой лѣсной рѣчкѣ Едингѣ, внутри сузёма, гдѣ вѣроятно чаще жгутъ новины.

Въ числѣ задачъ здѣшняго земства употребить свое вліяніе на то, чтобъ крестьяне стали пахать и унавоживать дѣлянки и сѣять на нихъ мышьякъ и кашникъ; начало этому дѣлу можно бы положить посредствомъ артелей травосѣянія, выпросивъ у правительства участки подъ новины съ тѣмъ условіемъ, чтобъ артель исключительно обработывала ихъ подъ травосѣяніе.

Навозъ здѣсь скопляется, какъ и вездѣ въ Россіи, въ хлѣвахъ, которые устраиваются въ восточной части Тотемск. уѣзда и западной Никольскаго подъ повѣтями и даже подъ избами, въ которыхъ живутъ сами хозяева; только ближе къ Никольску нѣтъ уже хлѣвовъ подъ избами, а въ городѣ Никольскѣ повѣти даже строятся отдѣльно отъ домовъ. Вслѣдствіе такого способа скопленія навоза на Никольскихъ улицахъ можно къ концу зимы видѣть коровъ въ такомъ убранствѣ, которое напоминаетъ эпическій терминъ финской калевалы для коровы—навозное бедро; бедра и брюхо коровы за зиму покрывается навозной броней, лежащей чешуями какъ у броненосца, и обваливающейся только весной, когда коровы начнутъ линять и купаться въ водѣ. Считаютъ это не вреднымъ; въ Устюжск. уѣздѣ даже нарочно выкармливаемымъ быкамъ не стелятъ соломы, чтобъ онъ не ложился, стоялъ на ногахъ—лучше выкармливается. Постилкой служитъ одинъ навозъ.

Жернова здѣсь двухъ сортовъ: сопласъ т. е. камень, выломанный изъ горнаго мѣсторожденія, привозятъ сюда изъ Вятской губерніи; мѣстный дресвяникъ (гранитъ), встрѣчающійся въ видѣ эрратическихъ камней, нужно черезъ день и ужъ непремѣнно черезъ три дня ковать, сопласъ не требуетъ ковки. За соплась платятъ здѣсь по 50 руб. за жерновъ, мѣстный жерновъ изъ эрратической глыбы 20 рублей. Въ Устюгъ привозятъ съ Двины какой-то кукарскій камень.

Бороны суковатки въ настоящее время стали вытѣсняться желѣзными кольчеватками; суковатка нынѣ употребляется только на новинахъ и

льнищахъ. Суковатки состоятъ изъ нѣсколькихъ стволовъ ели, сплоченныхъ вмѣстѣ въ одну плоскость съ оставленными на одной сторонѣ длинными въ 1 арш. сучьями; зубья эти не ломаются объ невыкорчеванные пни на льнищахъ, а гнутся, почему здѣсь суковатка и предпочитается кольчеваткѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ земля отличается мягкостью, какъ наприм. около Никольска въ дер. Кузнечикѣ, суковатки и въ хлѣбныхъ поляхъ еще не вытѣснены.

У здѣшнихъ молотилъ шарнеръ дѣлается изъ сыромятнаго ремня; на Кемѣ даже лычный; изъ моржевой кожи, какъ въ Казанск. и Пермской губ. не встрѣчаются.

Въ ржаной суслонъ здѣсь кладутъ 13 сноповъ. Въ овинъ кладутъ 25 суслоновъ; изъ овина выходитъ $3^1/_2$ мѣры, т. е. 17 пудовъ.

Лѣто 1872 г. было замѣчательно по высотѣ ржи; 80 лѣтніе старики говорили мнѣ, что они не помнятъ такой ржи; но когда рожь смолотили, оказалось, что былъ только урожай соломы, зерна же получили меньше противъ обыкновенной нормы.

Сѣмена для овощей здѣсь выращиваютъ сами; растенія, посаженныя для сѣмянъ, называются с а д ы; картофель для садки привозятъ сюда крестьяне изъ Межи (волость Кологривск. уѣзда Костромск. губ.). Изъ овощей сѣютъ: капусту, г а л а н к у (брюкву), рѣпу, рѣдьку и лукъ, и только.

Рожь сѣютъ мужчины (развѣ мужа нѣтъ, то сѣетъ и баба). Овесъ и горохъ, вообще яровое, чуть ли не большею частью сѣютъ бабы. Кто началъ сѣять, тотъ и долженъ кончить,—а если началъ сѣять одинъ братъ, да потомъ передалъ другому—рожь не родится. Не слѣдуетъ ѣсть во время посѣва на пашнѣ, нужно сходить домой, если проголодался. Не нужно пропускать праздниковъ, хоть подъ вечеръ праздника, хоть горсть, да нужно посѣять.

Навозъ вывозятъ на пашню помочью, безъ угощенья; богатый подводъ до 20 наберетъ, бѣдный втрое менѣе.

Горохъ молотятъ, соединяясь по двѣ ватаги (по крайней мѣрѣ въ дер. Аксентьевой); остальной хлѣбъ каждое семейство отдѣльно.

Ленъ мять мужъ помогаетъ женѣ, но треплетъ она одна. Женщины въ семействѣ помогаютъ мужчинамъ катать валки. Льнище обработывается такъ: вырубаютъ небольшой участокъ лѣса; это назыв. „рубить валй или валкй". Сваливаютъ лѣсъ равно по всему пространству—это называется „выпрятать валы". Въ такомъ положеніи лѣсъ сохнетъ. На другой годъ весной зажигаютъ его съ разныхъ сторонъ и слѣдятъ, чтобъ хорошо горѣлъ; гдѣ „прохолонуло", засыпалось пепломъ—разгребаютъ метлой. Это мѣсто потомъ еще прожигаютъ, сваливъ головни въ кучу и перегоняя длинными деревянными

вилами эту горящую кучу вдоль десятины. Люди при этомъ закоптѣютъ, сарафаны и рубахи въ сажѣ, руки обожжены; бываютъ случаи, что люди сгорали при этомъ. Боронятъ суковаткой и сѣютъ ленъ только одинъ разъ, потомъ покидаютъ; черезъ нѣсколько лѣтъ эта кулижка заростетъ травой и это назыв. д е р б а́.

Изъ обычаевъ при хлѣбопашествѣ самый замѣчательный здѣсь д о ж и н к и, совершаемые на овсяномъ полѣ, и заканчивающіе собою страду. Дожинки каждый хозяинъ справляетъ отдѣльно; они состоятъ въ заплетаніи „бороды Ильѣ“. Мнѣ самому не удалось видѣть этотъ обрядъ, и я принужденъ описать его по разсказамъ другихъ. Въ Никольск. у. это дѣлается такъ. Одинъ колосъ оставляется не сжатымъ, кругомъ его кладутъ колосья клѣткой (въ видѣ городка), т. е. четыре стебля кладутся такъ, какъ бревна въ избѣ, на этотъ вѣнецъ кладется другой и т. д., при чемъ соблюдаютъ, чтобъ колосъ одного стебля приходился сверхъ жнивы другого; оставшійся въ серединѣ не сжатый пучекъ колосьевъ загибаютъ внизъ и нахлобучиваютъ ему х л о б у ч е к ъ. Когда одна женщина плететъ эту бороду, всѣ молчатъ. Окончивъ, она кланяется бородѣ въ землю и говоритъ: „вотъ тебѣ Илья борода! Рости овесъ на прокъ, корми добраго коня“! Потомъ она поднимаетъ снопъ на голову и говоритъ: „вотъ эдакій высокій рости овесъ на прокъ“! Затѣмъ всѣ дожинальщики идутъ въ избу; тамъ снопъ ставятъ въ судки и говорятъ: „клопы, блохи, цыганы *) вонъ изъ избы; скотъ на дворъ“. Потомъ снопъ этотъ относится на повѣть и лежитъ тамъ до Покрова, когда скотъ поступаетъ на кормъ; тогда этотъ снопъ раздѣляется между всей домашней скотиной и этимъ начинается его зимняя кормёжка въ хлѣвахъ. Дожинки устраиваются на всемъ пространствѣ отъ Никольска до Тотьмы и до Устюга; кромѣ собственнаго семейства на дожинки приглашаются чужіе и угощаются виномъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ, связавъ бороду Ильѣ, приговариваютъ: „къ этому хозяину приходили бы купить и займовать! Кто зёрнышко съѣстъ, если дѣвушка—замужъ идти, парень—жениться, если женщина—дитя родить, если корова—телушку родить, если овечка—двойничковъ принести“. За тѣмъ несутъ снопъ на головѣ въ судкѣ и оставляютъ тамъ стоять въ теченіи 3 недѣль; принесши снопъ въ судкѣ, молятся и угощаютъ гостей саламатой и виномъ. Собраніе варіантовъ дожинокъ могло бы помочь разъясненію исторіи здѣшней колонизаціи.

Рогатый скотъ около Никольска, т. е. ближе къ гребню урало-алаунской гряды, гдѣ луговъ нѣтъ, а пожни малотравны, мелокъ; онъ крупнѣе на Сухонѣ и Двинѣ около Тотьмы и Устюга. На Никольскомъ рынкѣ главный свозъ мяса бываетъ на Рождествѣ; тогда привезенное мясо различается

*) Тараканы.

по качеству на три сорта: устюжское (лучшее) продается по 2 р. 20 к., словинское по 1 р. 50 к. и мѣстное, изъ окрестностей Никольска (худшее изъ всѣхъ), по 1 р. 25 к. пудъ.

Свиньи здѣсь двухъ породъ: крупныя съ висячими ушами, назыв. **вятскими** и мелкая мѣстная порода съ стоячими ушами. Подъ Устюгомъ свиньи крупнѣе и вѣсятъ по 5 пудовъ. Здѣсь нѣкоторые хозяева держатъ свиней, разсчитывая, что онѣ откормятся сами посредствомъ потравы и потому плохо ихъ кормятъ; въ теченіе зимы и весны, здѣшнія свиньи по этому представляютъ жалкій видъ: онѣ худы и косматы; но къ осени онѣ откармливаются отчасти созрѣвшими травами въ лѣтовищахъ, отчасти ржей, пробравшись черезъ изгороду въ поле. Замѣчательно, что свинья не пользуется равнымъ уваженіемъ съ другими культурными животными, какъ будто она позже вступила въ ряды ихъ; про неё можно сказать, что она поставлена внѣ закона. Потравы куръ въ огородахъ не взыскиваются; предполагается, что каждый хозяинъ караулитъ свой огородъ отъ нашествія чужихъ и своихъ куръ; всякую другую скотину онъ долженъ поймать и возвратить хозяину и имѣетъ право требовать уплаты за потраву деньгами. Но если хозяинъ поймаетъ свинью и узнаетъ, что она пробралась въ огородъ черезъ изгороду, которую долженъ городить сосѣдъ—онъ имѣетъ право убить её. Около Устюга (мнѣ расказывали) поступаютъ со свиньями даже звѣрски; поймавъ свинью на потравѣ, распяливаютъ двѣ колины, загоняютъ свинью между ними, потомъ верхушки колинъ сдвигаютъ снова и бьютъ свинью палками до того, что рвется кожа на брюхѣ и кишки выходятъ, животное кричитъ, но бить его продолжаютъ. Или отрѣзываютъ ему уши и хвостъ—будто безъ этихъ органовъ свинья перестаетъ жирѣть. Вообще свинья не пользуется уваженіемъ наравнѣ съ другими культурными животными; поговорки объ ней показываютъ, что мнѣніе о пользѣ свиньи въ хозяйствѣ очень различно; одна поговорка говоритъ напримѣръ: „если имѣешь много денегъ—заведи мельницу, если имѣешь много хлѣба—заведи свинью, ничего не останется“, за то другая: „посади свинью въ рожь, достанешь грошъ“.—По здѣшнему повѣрью свинья не несетъ жертву Богу; собака, медвѣдь, всякій звѣрь, что съѣлъ: ногу, лодыжку, все на томъ свѣтѣ во рту несетъ Богу, а свинья нѣтъ. Это повѣрье показываетъ, кажется, что нерасположеніе народа къ свиньѣ имѣетъ доисторическое основаніе.

Въ Подболотьѣ или Кулигѣ было любопытное общественное дѣло, но крестьяне не охотно объ немъ расказываютъ, почему я и не могъ собрать объ немъ подробностей.—Извѣстная черта русскаго человѣка смѣяться надъ несчастьемъ ближняго заставляетъ людей, дѣло которыхъ не выгорѣло, избѣгать разсказовъ объ немъ. Народъ былъ недоволенъ своимъ волостнымъ голо-

вой, котораго онъ подозрѣвалъ въ растратѣ общественныхъ денегъ; не зная, что они дѣйствуютъ противузаконно, они отобрали отъ него ключи, отворили ящикъ и пересчитали деньги; едва ли причиной ихъ недовольства была растрата денегъ; вѣроятно они злились на голову за что-нибудь другое и только разсчитывали упечь его, открывъ недостатки въ суммахъ; когда наѣхало начальство, большинство участвовавшихъ въ движеніи деревень отстали, и только четыре деревни остались вѣрными общему дѣлу, именно: Бучиха, Изгачиха Кокшарка и Сосновка, которыя и должны были однѣ выплатить всѣ прогоны и порціоны чиновникамъ пріѣзжавшимъ на слѣдствіе, такъ какъ они были признаны виновными въ самовольномъ распоряженіи ключами отъ общественнаго денежнаго ящика.

10 августа мы пришли въ село Андреевское; оно лежитъ въ системѣ Волги, а не Сухоны, также какъ и слѣдующая деревня Княжева; здѣсь уже нѣтъ такихъ угорій вдоль рѣкъ, какъ въ Никольскомъ уѣздѣ; здѣсь толстые наносы, изъ которыхъ состоятъ угорья притоковъ Юга, смыты въ геологическую эпоху, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается уже обнаженія известняковъ, составляющихъ подножіе наносовъ, и рѣки, протекая по твердому грунту, не вырываютъ такихъ широкихъ долинъ, какъ въ Никольскомъ уѣздѣ, напротивъ текутъ въ крутыхъ невысокихъ берегахъ; иногда впрочемъ они поднимаются до значительной высоты, имѣя однакожъ отвѣсную осыпающуюся въ рѣку поверхность; такіе обрывы назыв. здѣсь слудками. Здѣсь ломается и обжигается известь, которая доставляется отсюда и въ г. Никольскъ. Ломка известняка по моимъ разспросами производится въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) близъ села Андреевскаго, въ 2 вер. отъ него, 2) по р. Іенгишу, у дер. Зубриной, 3) по р. Шарженьгѣ, выше д. Зеленцовой, 4) въ д. Сараевомъ по р. Килченгѣ и 5) по р. Шонгѣ. Послѣднія два мѣста находятся къ с. отъ Никольска; къ в. отъ этого города, т. е. на южной сторонѣ сузёма, въ предѣлахъ уѣзда нѣтъ известняковыхъ ломокъ; известнякъ доставляется изъ Вятской губ. Самая ближняя къ уѣздной границѣ ломка известняка кажется находится близъ дер. Доровой, лежащей на р. Дороваткѣ, текущей въ Кобру, а та въ Молому, притокъ Вятки.

Около деревни Зубриной известковый пластъ лежитъ подъ слоемъ глины въ 20 саж. толщиной; пластъ известняка имѣетъ 1 саж. высоты, лежитъ у самаго уровня воды, на глинѣ; вдоль по берегу протяженіе пласта 40 саж. Цвѣтъ известняка бѣлый; въ немъ есть кремень и можетъ быть другія примѣси, которыя послѣ выжиганія сгораются въ разноцвѣтные и фигурчатые комки, которые собираютъ для дѣтей вмѣсто бабушекъ (игрушекъ). Я самъ не видалъ слоевъ и говорю все это со словъ крестьянъ. Работы производятся цѣлой деревней; всей деревней снимаютъ наносъ и жгутъ известь; печи также

общія. Словомъ, здѣсь образуется такая же каменоломная община, какъ въ Плитняковой деревнѣ, близь Ладожскаго озера или при Брусяной горѣ на р. Печорѣ. Подрядчикъ такой же крестьянинъ, какъ и работники, и вмѣстѣ съ ними работаетъ за пай, но получаетъ побольше за хлопоты при продажѣ. Продаютъ известь бочками, дѣлёжъ производится въ деньгахъ, разсчитываютъ по числу „топоровъ" т. е. участвовавшихъ работниковъ. Выраженіе „топоры" перенесено на каменоломный промыселъ отъ гоньбы лѣса, который сплавляется въ числѣ 2500 деревъ внизъ по Уньжѣ. Лѣсъ этотъ рубятъ и гонятъ артелями по 5, 10 человѣкъ, а деньги по „топорамъ".

При добываніи известняка, сначала снимаютъ наносъ и отвозятъ его людьми подъ гору на назёмныхъ однокружкахъ (телѣжкахъ, въ которыхъ возятъ назёмъ на пашни). Обнаживъ известь на нѣсколько саженъ, подламываютъ её ломами снизу, пользуясь „щельями"; известь лежитъ такимъ исщелявшимся пластомъ, что стоитъ только немного вынуть снизу, какъ цѣлый „столбъ" известняка и скатывается самъ внизъ, разсыпаясь на куски; крупныя глыбы разбиваютъ „желнами". Печи есть двуустныя и четырехъустныя. Въ печь складывается по 10 и 20 топоровъ; бочка продается по 60 коп. Мѣсяцъ работы доставляетъ одному работнику до 20 рублей. За провозъ извести до Никольска брали въ 1872 г. по 27 коп. съ пуда.

Подобныя же общественныя ломки известняка существуютъ, кажется, и въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ дер. Демьяновой, на р. Вочѣ, текущей въ Сухону.

Къ с. отъ г. Тотьмы известнякъ ломается, между прочимъ въ деревнѣ Маурниковой (Верховскаго общества), на р. Уфтюгѣ, за Ляпинымъ волокомъ, 60 вер. отъ Тотьмы; известка ломается подлѣ самой деревни; пластъ толщиною въ $^1/_2$ арш., а высота всей слуды 20 саж. Выше известняка лежатъ 5 слоевъ—надъ самымъ известнякомъ лежитъ красный слой, состоящій изъ комьевъ или каменьевъ, который ломаютъ ломомъ; еще выше бѣлый слой, состоящій также изъ твердыхъ комьевъ (мергель?); въ немъ содержится известь, но въ маломъ количествѣ. Вдоль рѣки этотъ пластъ известняка тянется на 300 саженъ; точно такой же длины находятся обнаженія известняка и на другомъ берегу р. Уфтюги, а ниже слуда кончается и пойдутъ низкіе берега. Рѣка здѣсь течетъ по перебору, по красному слою, не больше четверти глубиной; подобные слудки съ переборами и выше и ниже Маурниковой, но безъ извести; весь уфтюжскій край пользуется известью изъ Маурниковой деревни. Есть, впрочемъ, еще известь на Уфртюгѣ близь погоста Поцскаго, но хуже достоинствомъ. Сѣвернѣе на р. Кокшеньгѣ, известь ломаютъ около села Новгородовскаго, въ 40 вер. отъ дер. Маурниковой; близь него же гдѣ-то ломаютъ и точильный камень.

Объ окаменѣлостяхъ я не могъ собрать свѣденій, потому что въ про-

винціи мало распространены свѣденія о существованіи мелкихъ окаменѣлостей. Около г. Тотьмы, по р. Виселкѣ, впадающей въ Песью-Деньгу, мѣщане находятъ белемниты, вѣроятно принадлежащіе пермской формаціи; коническій конецъ одного такого белемнита находится у меня. Здѣсь же находятъ часто кости крупныхъ многокопытныхъ. Хорошій экземпляръ черепа носорога хранился у г. Кокорева, тотемскаго купца; онъ поднесенъ имъ въ подарокъ Великому Князю Алексѣю Александровичу. Другой такой же экземпляръ черепа носорога Rhinoceros trichorhinus) былъ найденъ на р. Виселкѣ и въ настоящее время хранится у офицера мѣстной команды г. Величковскаго У тотемскаго купца В. Т. Попова, отличающагося любознательностью, хранится собраніе костей, найденныхъ въ обрывахъ р. Кокшеньги. Многіе изъ этихъ остатковъ теряются для науки, въ особенности если они не составляютъ большой рѣдкости, чтобъ быть купленными какимъ-нибудь музеемъ, между тѣмъ, сохраняясь въ какомъ-нибудь общественномъ учрежденіи уѣзднаго города, они служили бы поучительной демонстраціей при посѣщенія края какими-нибудь путешественниками.

На в. отъ г. Никольска окаменѣлости встрѣчаются не ближе р. Вохмы. Здѣсь была найдена кость большого животнаго около с. Лапшина, которая мѣстнымъ кондукторомъ была представлена въ Вологодскій Статистическій комитетъ.

Село Андреевское лежитъ въ самой лѣсистой мѣстности на Тотемско-Никольской дорогѣ. Со всѣхъ сторонъ село облегаютъ лѣса; до дер. Княжевой считается 20 верстъ лѣсу, до Леменьги 30 в., до Городищнаго 40 в. и наконецъ до Кемы 70 верстъ. Здѣсь жители занимаются сгономъ лѣса внизъ по Уньжѣ. Въ этой же мѣстности находится нѣсколько дегтярныхъ заводовъ: въ 1 в. отъ села въ деревнѣ Селищѣ заводъ крестьянина Черепанова, выработывающій до 80 бочекъ дегтя. Въ 2-хъ верстахъ отъ Андреевскаго села другой заводъ поменьше; онъ также принадлежитъ крестьянину. Около д. Княжевой рязанскіе купцы купили землю и выстроили дегтярный заводъ, въ которомъ вырабатывается до 100 бочекъ.

Прежде, по преданіямъ, сохранившимся у крестьянъ, село Андреевское и еще деревня Чернѣдь были крѣпостныя; но барина убили разбойники, барыня сдала крестьянъ въ казну; съ тѣхъ поръ будто бы сборщикъ податей сталъ носить оброкъ въ Москву. Погостъ, т. е. церковь со своей духовной колоніей, находится отъ села въ разстояніи ста саженъ; здѣсь живутъ священникъ и причтъ. Дома священниковъ лучшіе по уѣзду; они по большей части двухъ-этажные, иногда даже сверхъ двухъ этажей есть еще мезонинъ. Жалобы на бѣдственное положеніе духовенства справедливы здѣсь только въ отношеніи низшихъ членовъ клира; напротивъ, священники живутъ здѣсь бо-

гато. Только въ г. Тотьмѣ слишкомъ много церквей, такъ что приходы немноголюдные и вслѣдствіе этого положеніе даже самихъ священниковъ не завидное. Въ Никольскомъ же уѣздѣ погосты напоминаютъ финскія кирки; также они стоятъ въ отдаленіи отъ селеній; также подлѣ церкви красуется лучшій въ окрестности домъ священника; также въ домѣ священника проѣзжающіе и проходящіе могутъ найдти продажу болѣе изысканныхъ сельскихъ произведеній, чѣмъ галанка или рѣдька, единственныя овощи крестьянъ. Даже картина, какую здѣсь представляютъ праздники, напоминаетъ Финляндію, когда встрѣчаешь крестьянъ, ѣдущихъ отъ обѣдни въ раскрашенныхъ саняхъ или телѣгахъ съ наряженными въ цвѣтные платки женщинами.

Вотъ краткія собранныя мною свѣдѣнія о сборахъ духовенства съ крестьянъ: хлѣбъ (рожь и овесъ) собираютъ разъ въ годъ, насбирываютъ болѣе, чѣмъ на сто рублей; масла и яйца собираютъ въ Петровкѣ, кто сколько дастъ. Кромѣ зерна съ каждаго дома по двѣ челпашки (печеныхъ хлѣбныхъ ковригъ) въ годъ, и по кучѣ льна (въ кучѣ 21 повѣсмо) съ бабы, такъ что если въ домѣ 3 бабы—то съ дому сходитъ 63 повѣсма. Во время пасхи попы ходятъ съ „Воскресеньемъ на ручкѣ" *), которое, войдя въ избу, ставятъ въ жито, насыпанное на столѣ въ сундукахъ. Этотъ обычай сохраняется и въ г. Никольскѣ тѣми мѣщанами, которые занимаются земледѣліемъ. Когда-то давно начальство, чтобъ увеличить количество городской земли, уничтожило ближайшіе къ городу деревни: Вахрамѣеву и Мелентьеву и жителей этихъ деревень заставило переселиться въ городъ; они и до сихъ поръ сохраняютъ свои деревенскіе обычаи и деревенскіе промыслы и подати свои въ отношеніи къ клиру несутъ по деревенски. Другіе мѣщане платятъ за посѣщеніе священника въ пасху деньгами, и къ нимъ священники ходятъ съ крестомъ, а не съ Воскресеньемъ на ручкѣ; съ послѣднимъ ходятъ только къ мѣщанамъ земледѣльцамъ, которые въ это время даютъ попамъ: 3 каравая, 2 пирога и 10 яицъ и тогда же платятъ исповѣдныя по 2 коп. съ души, между тѣмъ какъ другіе мѣщане свои исповѣдныя платятъ во время говѣнья. Платежъ исповѣдныхъ въ пасху по мнѣнію крестьянъ установленъ за тѣмъ, чтобъ деньги не пропадали за мірянами, потому что многіе изъ нихъ не говѣютъ. Передъ петровками попы съ мѣщанъ земледѣльцевъ берутъ яйца, масло и крупу; съ дома дается три яйца и чашка крупы; въ великій постъ, когда у купцовъ закупъ хлѣба на пристань, они сбираютъ ругу хлѣбомъ, именно съ дома двѣ ружницы (такая кадь, которую попъ самъ таскаетъ); въ обѣ ружницы уходитъ 5 пудовъ овса и ржи. Этотъ хлѣбъ

*) Икона Воскресенія Христа съ придѣланной къ низу рукояткой, которую вставляютъ въ жито.

попъ продаетъ купцу, а на деньги покупаетъ муку на рынкѣ или самъ везетъ на мельницу.

Около Андреевскаго села есть въ лѣсу въ трехъ верстахъ отъ села пять „провалищъ", расположенныхъ рядомъ; на днѣ ихъ растутъ высокія березы, вершины которыхъ приходятся вровень съ краями ямъ. Ямы эти сухія; въ окружности будутъ съ избу. Это единственное извѣстіе, какое я услышалъ объ ямахъ по тотемской дорогѣ. Около города Никольска есть также ямы, которыхъ я однако не видѣлъ. Они находятся около того мѣста, гдѣ была деревня Мелентьева, близъ города Никольска, на лѣв. бер. Юга, въ 1 верстѣ отъ него; онѣ называются просто ямами на бору; лежатъ онѣ на ровномъ мѣстѣ, бугровъ вокругъ нихъ нѣтъ. Въ памятн. кн. Вологод. губ., 1861 г., ст. „Колонизація русскими Вологодской губерніи" упоминаются ямы, находящіяся на кладбищѣ—я не видалъ ихъ. Вообще ямъ или чужихъ могилъ въ Никольскомъ уѣздѣ кажется мало, напротивъ, каменные ножи и лезвія здѣсь встрѣчаются очень часто; ихъ можно найти почти въ каждой деревнѣ; по большей части, ихъ выпахиваютъ въ поляхъ, почему можетъ быть и приписываютъ имъ мистическое вліяніе на урожай.

Въ селѣ, какъ и въ другихъ деревняхъ, народа не было; хозяиномъ нашимъ былъ старикъ, который уже 6 лѣтъ какъ не бывалъ на полевыхъ работахъ; старухи у него не было, и потому онъ замѣнялъ няньку для дѣтей. А у кого здѣсь нѣтъ ни старухи, ни старика, тѣ нанимаютъ пѣстунью, или дѣвочку или мальчика. Нашъ хозяинъ былъ еще бойкій, хотя и сухощавый мужикъ. По его собственному признанію въ молодости онъ былъ даже очень силенъ. „Я богатырь былъ, говорилъ онъ мнѣ. На меня 10 человѣкъ было надо. Изувѣченъ вѣдь я, съ сарая 5 саженъ летѣлъ. А то бы я былъ бы въ Сибири".

Ремесломъ онъ былъ катальщикъ. Катанье шляпъ изъ овечьей шерсти, катаниковъ, стелекъ въ сапоги, кажется, мѣстный промыселъ на р. Юзѣ. Нашъ хозяинъ бралъ за шляпу 10, 11 и 12 к.; въ день онъ успѣвалъ 4 и 5 шляпъ скатать; онъ ходитъ катать шляпы на в. до г. Никольска; въ нынѣшнемъ году онъ накаталъ въ одной деревнѣ Талицѣ до 120 шляпъ; онъ уже 45 л. занимается этимъ дѣломъ, прежде заработывалъ по 10 р. въ недѣлю, нынѣ въ зиму только по 25 рублей. Шерсть поставляется хозяиномъ шляпы со своихъ овецъ, нынѣшняя шляпа стоитъ только 25 коп.; старыя туесообразныя стоили 5 рублей.—Мода на высокую форму шляпы измѣнилась десять лѣтъ назадъ; хозяинъ нашъ говорилъ, что мода на нынѣшнія шляпы пришла сюда изъ Сибири; но потомъ оказалось, что подъ Сибирью у здѣшнихъ жителей смѣшиваются всѣ страны, которыя лежатъ по

направленію дороги въ Нижній, и что моду на эти шляпы занесли сибирскіе богомольцы.

Измѣненія въ платьѣ хотя медленно, но совершаются и здѣсь. Прежде въ селѣ Андреевскомъ бабы носили суконники т. е. красныя шерстяныя юбки; нынѣ онѣ носятъ синіе холщевые сарафаны, печатные или простые. На головахъ онѣ носили прежде какія-то высокія бору́шки, потомъ шамшуры, потомъ пошли повойники *). Мужики прежде носили два камзола: одинъ печатный, другой сѣрый. А нынѣ у сына нашего хозяина было платья: сибирка въ 15 рубл., другая въ 10, кошуля суконная въ 12 рубл., и 6 полушубковъ.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ представляетъ разительный контрастъ, если её наблюдать въ воскресенье въ церкви и въ будни въ деревенской избѣ. Въ праздникъ къ обѣднѣ здѣшніе жители одѣваются довольно нарядно; масса народа въ церкви бросается въ глаза отсутствіемъ гунишекъ; мало франтовски одѣтыхъ, но всѣ одѣты равно прилично; дома же въ избахъ тѣ же люди ходятъ въ грязномъ и бѣдномъ платьѣ.

У каждаго парня есть здѣсь для зимы суконная шуба и для лѣта суконная сибирка, которыя онъ надѣваетъ въ праздникъ. Черныя суконныя штаны носятъ по праздникамъ лѣтомъ и зимой. На головѣ зимой шапка въ 3 рубля, на шеѣ галстухъ шелковый въ 80 к., а зимой гарусный шарфъ. Рубахи опоясываются гарусными поясами, которые вяжутъ дѣвицы себѣ и своимъ любимымъ парнямъ даромъ съ длинными, больше четверти, кистями, парень долженъ доставить дѣвушкѣ свой гарусъ. У каждаго парня есть сапоги; кожу для нихъ покупаютъ въ рынкѣ **). Дѣвицы покрываютъ голову платкомъ въ 5 рублей; такими же платками замужнія женщины покрываютъ свои шамшуры. На ногахъ крестьянки прежде носили въ праздники коты, отличающіеся отъ нынѣшнихъ арестантскихъ только красной оборкой; нынѣ стали носить башмаки, покупаемые на городскомъ рынкѣ. Изъ украшеній дѣвицы носятъ бусы, нашейники, связанные изъ бисера и серьги. Послѣднія цѣною въ 3 к., въ 5 к. и въ 10 к., есть и серебряныя въ 2 рубля. Въ серьги вставляютъ жировыя железы, вырѣзанныя у дикихъ утокъ; высохнувъ, онѣ сильно распушаются; это украшеніе называется пушками; „пушки золотые ушки“—здѣшняя поговорка. Пушки носятъ и въ Костромской губерніи.

---

*) Въ деревняхъ около Никольска (дер. Кумбисеръ) бабы носили прежде сороки, какія и теперь еще носятъ на Кемѣ. Сороки здѣсь смѣнены шамшурами, а шамшуры въ настоящее время смѣняются дерищками.

**) Здѣшніе крестьяне сами не умѣютъ дѣлать ни кожи, ни мыла, какъ въ Сибири; даже для шитья одежды къ нимъ приходятъ костромскіе швецы, которыя шьютъ и мужскіе и женскіе камзолы.

Но совсѣмъ другое представляется, когда видишь здѣшній народъ въ его обыденномъ платьѣ. Женщины ходятъ въ полинялыхъ синёныхъ холщевыхъ сарафанахъ, висящихъ на тѣлѣ отвѣсно, какъ рубаха; на ногахъ или ничего нѣтъ, или лапти рѣже лыковые, чаще берестяные; бѣлье моется въ годъ не болѣе 5 разъ, въ томъ числѣ два раза бучатъ. Въ баняхъ моются безъ мыла, да и воды въ банѣ грѣютъ очень мало—въ одномъ деревяномъ корытѣ, вмѣстимость котораго еще уменьшается калёными камнями, посредствомъ которыхъ вода нагрѣвается. Въ деревняхъ нѣтъ ни зеркалъ, ни полотенцевъ; утираются какой нибудь тряпицей, старой рубахой и пр. Существуетъ анекдотъ: проходящій человѣкъ спрашиваетъ у крестьянскаго мальчика, умывши лицо: чѣмъ у васъ тутъ утираются? Отецъ рукавомъ, мама подоломъ, а я такъ сохну, отвѣчалъ мальчикъ.—Полы здѣсь моютъ только разъ въ годъ, въ пасху.

Мужики въ избѣ сидятъ въ рубахахъ, а въ лѣсъ надѣваютъ кошули—кафтаны, сшитыя изъ сукманины и покрытыя крашениной. Лапти берестяные, иногда лычные или самодѣланные изъ купленнаго лыка или готовые, или веревочные; послѣдніе теплѣе, менѣе продуваетъ вѣтеръ. Онучи шерстяныя ткутъ сами бабы или суконныя или съ ниткой; первыя прочнѣе, у послѣднихъ нитка мокнетъ и скоро прогниваетъ.

Зимой носятъ войлочные катаники, прекрасная теплая обувь, которую можно назвать истиннымъ благодѣяніемъ сѣвера; лѣтомъ не только въ избахъ сидятъ босые, но я видалъ дѣвицъ, которыя косили на мокрой пожнѣ безъ всякой обуви.

На головахъ крестьяне лѣтомъ носятъ низенькія войлочныя шляпы; соломенныя плетутъ крестьяне въ дер. Каменкѣ (5 к. штука), но онѣ очень рѣдко встрѣчаются даже въ окружностяхъ этой деревни.

На шею, идя въ лѣсъ, надѣваютъ шарфы, вязанные самими мужчинами изъ домашней шерсти; эти шарфы имѣютъ 2½ арш. длины, около ¼ ширины.

Постелью служитъ или просто беремя соломы, или соломенная мата, но грубо связанная; рѣдко встрѣчаются подушки и постели, набитыя оленьей шерстью; однакожъ, замѣчаютъ, что число постелей умножается. Въ г. Никольскѣ у мѣщанъ подобныхъ постелей на половину.

Вообще купцы замѣчаютъ, что народъ стремится увеличить свой комфортъ, масса привозныхъ товаровъ увеличивается, число лавокъ въ городѣ Никольскѣ растетъ, но всё это едва ли означаетъ, что жизнь большинства улучшается. Необходимо равномѣрное богатѣніе, между тѣмъ усиленное потребленіе фабрикатовъ кажется производится отдѣльными разбогатѣвшими личностями изъ крестьянства. По крайней мѣрѣ, я встрѣчалъ много крестьянъ,

обставленныхъ въ хозяйствѣ хорошо, т. е. не нуждающихся въ хлѣбѣ, продуктахъ отъ скота и проч., но очень мало покупающихъ на рынкѣ.

Кромѣ катанья шляпъ жители Юзы ходятъ на сельскіе заработки въ Галицкій уѣздъ Костромск. губ. Юзяне нанимаются тамъ на цѣлое лѣто въ работники; за лѣто берутъ по 50 рубл. Ходятъ и парни и дѣвицы и стараются наняться двуполой парой къ одному хозяину.

Здѣсь мнѣ сказали, что съ Юзы ушли два семейства въ Сибирь на переселеніе; про нихъ здѣсь извѣстно, что они живутъ тамъ хорошо и имѣютъ деньги. Легенда объ этихъ переселенцахъ распространена очень далеко, такъ что я её слышалъ уже въ Зеленцевой. Кромѣ какъ съ Юзы, здѣсь расказываютъ, что въ Сибирь переселялись еще кокшары, т. е. жители съ р. Кокшеньги Тотемск. уѣзда. Вообще здѣсь Сибирь считаютъ за богатую сторону, но смѣшиваютъ съ Самарской губ. Для здѣшнихъ крестьянъ всё, что идетъ изъ-за Нижняго, все изъ Сибири. Здѣсь даже спрашиваютъ, сѣютъ ли тамъ рожь, бываетъ ли тамъ снѣгъ, т. е. думаютъ, что тамъ тропическій климатъ. И это въ такой области Россіи, которая нѣкогда лежала на главномъ сибирскомъ трактѣ, имѣла большія торговыя сношенія съ Сибирью, о чемъ преданія сохранились даже и въ мѣстныхъ пѣсняхъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи свѣдѣнія крестьянъ о Сибири еще сбивчивѣе и кажется, какъ напримѣръ въ Калужской, Смоленской, Витебской, Псковской и друг., представленія о Сибири скорѣе дурное, чѣмъ хорошее; тамъ говорятъ „сибирный“ вм. отвратительный, несносный и случается даже, что крестьяне даютъ имя Сибири такимъ мѣстамъ, которыя по своимъ дурнымъ качествамъ ни къ чему не пригодны. Напротивъ, въ русскихъ тюрьмахъ, даже на крайнемъ западѣ, наприм. въ Финляндіи, между заключенными встрѣчаются самыя обширныя географическія свѣдѣнія, какія когда-либо простолюдинъ вмѣщаетъ въ своей головѣ. Здѣсь можно услышать названія сибирскихъ рѣкъ и городовъ, расказы о мѣстныхъ особенностяхъ въ образѣ жизни, даже фразы на бурятскомъ языкѣ, повторяемыя человѣкомъ, который въ Сибири никогда не бывалъ.

Крестьяне всегда бываютъ въ затруднительномъ положеніи, когда задумаютъ переселеніе куда-нибудь, и на какихъ бѣдныхъ данныхъ бываютъ иногда основаны ихъ надежды на счастье въ новой странѣ, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи. Мои спутники хохлы были сосланы въ Вологодск. губ. за то, что были коноводами движенія къ выселенію съ мѣста родины въ числѣ 60 семей на Амуръ. Виновникомъ этого движенія было письмо ихъ однодеревенца, кавказскаго солдата, написанное имъ на свою родину дер. Студенокъ. Вотъ это письмо:

„Драгоцѣнные мои братцы и вся родня! Вы просите меня, чтобъ я

разыскалъ вамъ хорошее мѣсто для жительства, но увѣдомляю васъ, что я исходилъ весь Кавказъ вдоль и впоперегъ и не видѣлъ и не находилъ ни гдѣ не то, чтобы хорошаго и порядочнаго мѣста, гдѣ бы можно поселиться, а все хуже противъ нашего мѣста въ десять разъ, а именно чѣмъ: воздухъ тяжелъ и дурной, люди постоянно бѣдные и всегда болѣютъ лихорадкою, хлѣбъ каждый годъ не родится, потому что земля дурная и все пески, лѣсовъ нѣту, страшная жара, приволья нѣту ни на что, ни на скотину, ни на овецъ, ни на хлѣбъ, ни на пчелы, ни на гусей, ни на утятъ, ни на сѣнокосы, ни на что, просто хоть брось, а люди только и живутъ виноградными садами: они садами и кормятся и одѣваются, а если бы не сады, то они бы давно подохли съ голоду; то они и такъ съ Рождества сидятъ голодные, пока новаго хлѣба дождутся, нѣтъ здѣсь ни соловьевъ, ни цвѣтовъ, ни пролѣсковъ, никакой веселости и никакого приволья; всё покрыто вѣчной тьмой и все повяло, какъ зимой, однимъ словомъ гибельный, бездонный, беззаконный, распутный и развратный Кавказъ.

„Любезнѣйшіе мои братцы и вся премилая моя родня! Преубѣдительно и всепокорнѣйше васъ прошу и отъ всего сердца даю вамъ совѣтъ: переселяйтесь вы какъ можно поскорѣй въ Сибирскій край въ Приморскую область на рѣку Усурь; и Амуръ мѣсто хотя очень хорошее и на все привольное въ Амурской области по рѣкѣ Амурѣ, но еще лучше и превосходнѣй и прекраснѣй мѣсто и приволье на всё въ Приморской области на рѣкѣ Усурь. Тамъ непроходимые и необозримые лѣса съ разною дичью и звѣрями, тамъ земли видимо, невидимо и весьма хлѣбородная и на все привольная и воздухъ хорошій и здоровый, тамъ земли очень много и хороша, но не кому её возработывать, потому что людей мало, а отчего мало? оттого, что далеко: туда 8000 верстъ и потому людей туда заходитъ мало. Тамъ по лѣсамъ разной фрукты видимо, невидимо; а что сады съ разной овощью, такъ и описать нельзя; тамъ заводи скота разнаго табуны,—есть гдѣ пастися: степи безконечныя и трава растетъ въ человѣка, тамъ подъ бокомъ лѣсъ и все строевой—руби и дѣлай хату; тамъ же подъ бокомъ ори и сѣй, сколько душѣ твоей угодно; тамъ заводи пчелъ, сколько тебѣ хочется. Однимъ словомъ на все хорошее приволье, на скотоводство, на хлѣбопашество, на пчеловодство, на садоводство, на сѣнокосъ, на здоровье и на все, чего тебѣ только хочется—на все приволье; тамъ растетъ чай, тамъ разныхъ орѣховъ, тамъ разныхъ дорогихъ звѣрей видимо, невидимо; тамъ не жизнь, а царствованіе и просто рай; тамъ будете вы не жить, а блаженствовать и будете вѣчно меня благодарить, если переселитесь въ Приморскую область на рѣку Усурь. Да не думайте, что тамъ Сибирь какое нибудь мученіе, а это такъ прозывается тотъ край и мѣсто тамъ теплое; да не опасайтесь, что туда далеко.

а подите туда: много пошло людей отсюду съ казаковъ, съ мужиковъ и съ отставныхъ солдатъ, и вамъ будетъ отъ казны пособіе денежное, и вы скоро дойдете туда, потому вы и не берите больше ничего, только платье и рабочую скотину; и когда вы туда прійдете и гдѣ населитесь, то увѣдомьте меня, чтобы я зналъ, куда до васъ идти и пойдите къ Вощанымъ съ симъ письмомъ, прочтите имъ; они тоже хотятъ идти вмѣстѣ съ вами на переселеніе, но только не записывайтесь въ казаки, а такъ будьте мужиками и переселяйтесь въ мужичье сословіе и непремѣнно поскорѣй туда идите. Отчего та страна не заселена? оттого что туда далеко, и потому всякій человѣкъ боится. Мы спрашивали командира (онъ тамъ былъ) и всѣхъ офицеровъ, которые тамъ были, и солдатъ, которые у насъ служатъ съ того краю, и всѣ говорятъ тоже, что мы пишемъ вамъ въ этомъ письмѣ. Къ тому же Вощаный постоянно и читаетъ книги про этотъ край и въ книгахъ описываютъ все то же; за недѣлю прежде сего и Вощанымъ было послано письмо съ такимъ совѣтомъ. Да не слушайте никого, а прямо переселяйтесь поскорѣй.

Прелюбезнѣйшіе мои братцы и вся вообще дорогая моя родня! Свидѣтельствую вамъ изъ глубины своего сердца почтеніе и съ любовью отъ души пренизко и пренизко вамъ кланяюсь и желаю вамъ отъ Бога всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, дай Богъ вамъ быть здравыми и благополучными. И еще скажу, что никого не слушайте и не опасайтесь, а поскорѣй переселяйтесь въ Приморскую Область на рѣку Усурь и Амуръ. 1866 года апрѣля 5 дня.

Григорій Пазушка.

Подобныя письма замѣняютъ для нашихъ крестьянъ Auswandererbuch'и и производятъ, какъ видно, электрическія дѣйствія въ тѣхъ населеніяхъ, которыя особенно доведены крайностью положенія до рѣшимости идти за счастьемъ хоть на край свѣта.

11 августа мы были въ деревнѣ Княжевой уже Тотемск. у., въ 27 в. отъ села Андреевскаго. Между этими деревнями находится длинный волокъ 20 вер. длиной; по срединѣ волока дорога пересѣкала небольшое моховое болото подъ назв. Гусиное, гдѣ растетъ клюква, по здѣшнему журавиха. Въ этомъ волоку лѣтомъ водится много медвѣдей и волковъ; зимой медвѣди по словамъ крестьянъ уходятъ отсюда въ сузёмъ; въ зиму здѣсь убивается до 5 медвѣдей; въ нынѣшнее лѣто (1872 г.) медвѣдь задралъ уже двухъ лошадей. Въ прошл. году медвѣди много погубили рогатаго скота и лошадей; одной дѣвушкѣ, собиравшей ягоды, медвѣдь оборвалъ груди и она умерла черезъ недѣлю. Скотъ здѣсь ходитъ въ лѣсу; поля здѣсь лежатъ тотчасъ за деревней: лѣтовище, которое къ З. отъ Ляменьги называютъ пастьвой,

находится за полями *), а такъ какъ лѣсъ начинается также тотчасъ за полями, то пастьва и находится въ лѣсу. Однакожъ, скотъ здѣсь не пускаютъ до середины волока, иначе онъ погибъ бы; поэтому пастьва огорожена не только со стороны полей, но и со стороны волока; внутри пастьвы у дороги мы встрѣтили двѣ деревянныя доски, качающіяся между стойками. Въ нихъ бьютъ палкой, чтобъ этимъ громомъ отгонять звѣря отъ скота. Въ Тотемск. уѣздѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ уѣздной управой, ежегодно погибаетъ отъ звѣрей скота на 50 т. рубл. Въ видахъ истребленія звѣрей, управа назначила преміи за убитыхъ волковъ и медвѣдей, но не болѣе, какъ черезъ годъ принуждена была уменьшить размѣры преміи.

Въ этой лѣсной мѣстности бьютъ также изъ ружей „вѣкошъ“, охотясь за ними съ собаками; кромѣ того ловятъ зайцевъ нитями на огородахъ (изгородахъ), а поляшей (Tetrac tetrix, L.) волосяными сильями.

На волоку мы много собирали разныхъ грибовъ. Здѣсь попадались: рыжики, пушники, синюшки, красныя и бѣлыя краснухи, волнухи, обабки, коровяки, козеляки, сыроѣжки и заячьи грузди. Сыроѣжки здѣсь зовутъ сухарями, а въ Костромск. губ. свинарьё; коровякомъ здѣсь называютъ тотъ грибъ, который въ Костромск. губ. зовутъ заячьимъ козельцомъ, а костромской козелецъ здѣсь называютъ козелякомъ. Скважники (Boletus) съ грязно-желтой верхней шкурой зовутъ здѣсь краснымъ грибомъ, съ сѣрой шкурой обабкомъ; молодой обабокъ назыв. чилякъ **); лучшій обабокъ, чистый, нечервивый, крѣпкій, здѣсь назыв. дорогой грибъ; ихъ собираютъ, сушатъ и продаютъ скупщикамъ по 10—12 коп. фунтъ. Въ солку здѣсь идутъ: рыжики, путники, синюшки, грузди, краснухи и волнухи; въ сушку—масленики (растущіе на поляхъ) и обабки. Заячій груздь (мѣстное названіе) въ дер. Княжевой не употребляется въ пищу, а подъ Тотьмой идетъ въ солку наравнѣ съ простымъ груздемъ. Въ деревняхъ около Тотьмы его называютъ осиновикомъ, а въ Костромской губ. молоковникомъ, потому что при изломѣ изъ него течетъ горькое молоко, какъ и изъ груздя, только не бѣлое, а желтое.

Пища здѣшнихъ крестьянъ отличается перевѣсомъ растительныхъ элементовъ. Больше половины года, какъ вездѣ въ Россіи, проходитъ въ постахъ. Въ это время обѣдъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: рѣдька съ квасомъ, соленые грузди и волнухи, разведенныя водой или вареныя (такъ

*) Это совершенно обратно сибирскому обыкновенію (наприм. въ Томской губ.), гдѣ вокругъ селенія лежитъ выгонъ, огороженный поскотиной, а за поскотиной разбросаны тамъ и сямъ поля.

**) Въ другихъ мѣстностяхъ Вологодской губ. такой грибъ назыв. цыликъ (т. е. цѣликъ).

назыв. грибница), брусника и толокно, подмѣшиваемое въ видѣ приправы къ первому и послѣднему блюду. Если нѣтъ толокна, подмѣшиваютъ просто овсяную муку, которая очень горька на вкусъ. Соленые рыжики вм. груздей и волнухъ уже составляютъ изысканность и встрѣчаются какъ постоянная пища у людей выше общаго уровня благосостоянія. У этихъ послѣднихъ къ предъидущему присоединяется соленая рыба: уха изъ трески или сайды и сельди. Рыба эта привозится изъ Архангельска; вся она приготовляется нечисто и отличается отвратительнымъ запахомъ; сельди лѣтомъ даже загниваютъ и червивѣютъ. Однакожъ, привозы рыбы лучшаго приготовленія были неудачны; въ Тотьму былъ привезенъ лабарданъ, т. е. та же треска, но приготовленная безъ вони, и её мѣстные жители вовсе не раскупали. Въ Никольскъ иногда привозили волжскую сельдь, которую здѣсь за крупность ея прозвали кобылой, однакожъ она не понравилась—„съ ржавчиной", говорятъ.

Чтобъ охарактеризовать областную особенность здѣшней пищи, можно сказать, что въ неё сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, входитъ овса и ячменя, мало пшеницы, мало жировъ и много грибовъ и бруснику; нужно прибавить еще, что здѣшній край служитъ южной окраиной потребленія бѣломорскихъ рыбъ: трески, сайды и сельдей. Грузди составляютъ значительный процентъ въ здѣшней крестьянской пищѣ; нѣкоторыя семейства насаливаютъ ихъ на одну зиму до 20 ведеръ. Брусника составляетъ непремѣнное заключеніе каждаго постнаго обѣда; ея на двухъ чаловѣкъ уходитъ обыкновенно $1^1/_2$ ведра.

Въ скоромные дни употребляютъ мясо и кислое молоко (т. е. кислый творогъ). Послѣднее приготовляется такъ—творогъ, свернутый изъ молока посредствомъ нагрѣванія, сваливаютъ ежедневно въ одну кадь, гдѣ онъ накопляется и закисаетъ. Мясо потребляется сравнительно мало; одно мнѣ знакомое семейство, состоявшее изъ 4 взрослыхъ работниковъ и 1 четырехлѣтняго мальчика, съѣло съ осени до половины февраля только одну ляшку коровы и 10 ведеръ волнухъ. Оно же заготовляетъ ежегодно 9 мѣшковъ ржаной муки (45 пудовъ), 1 мѣшокъ гороховой муки, 1 мѣшокъ ясной (ячменной) и 2 ступы овсяной муки.

Капусту здѣсь садятъ, но не квасятъ, а потому и щей капустныхъ не варятъ, а ѣдятъ её пареной. Щами здѣсь называютъ жидкую овсяную кашицу, одно изъ обыкновеннѣйшихъ блюдъ, въ особенности въ скоромные дни; часто любятъ ѣсть ее простуженною.

Изъ другихъ овощей еще нужно упомянуть галанку, которая составляетъ также порядочный процентъ въ здѣшней пищѣ. Ее ѣдятъ сырой и пареной; пареную рѣжутъ на узкіе ломтики и сушатъ; это уже составляетъ лакомство для дѣвицъ; эти черные сахаристые на вкусъ ломтики зовутъ кислушками.

Приправы, кромѣ перца и лука, а также и уксусъ, неизвѣстны. Чай пьютъ только богатые по воскресеньямъ и ближе къ Никольску менѣе, чѣмъ

въ Тотьмѣ. Вмѣсто чая около Никольска сушатъ звѣробой (Hypericum) и пьютъ его съ сахаромъ или съ молокомъ.

За выть *) по дорогѣ изъ Никольска до Тотьмы съ возчиковъ хлѣба крестьяне берутъ по 3, а иногда и по 2 к. съ человѣка.

Я уже говорилъ, что здѣшній край отличается большимъ употребленіемъ пива, чѣмъ смежная Костромская губ. Пиво варятъ на свадьбахъ и въ извѣстные праздники. Каждый приходъ имѣетъ два храмовыхъ праздника, зимой и лѣтомъ; въ оба весь приходъ одновременно варитъ пиво; исключеніе составляютъ тѣ лѣтніе праздники, которые приходятся во время полевыхъ работъ; тогда пиво не варятъ. Кромѣ приходскихъ праздниковъ, у каждой деревни есть еще свой праздникъ, когда пиво варитъ эта одна деревня. Такимъ образомъ Лоха варитъ общее пиво зимой въ Введенье, лѣтомъ въ Покровъ; Кипшеньга лѣтнее пиво въ Троицу, зимнее въ Рождество; Ляменьга зимнее въ Николу. Деревня Каменка варитъ свое пиво въ Спасъ, Аксентьева на Илью и т. д.

Изъ дикихъ травъ и другихъ растительныхъ продуктовъ только дѣти ѣдятъ пѣстики (Equisedum), земляные орѣхи (кажется клубни того же растенія), какую-то рѣпку, молодыя еловыя шишечки (мужскія ?), собираютъ какое-то просо съ сосны и, наконецъ, сочатъ сосновый сокъ; впрочемъ, сокъ сочатъ и взрослые, и партіи сочильщиковъ и сочильщицъ выходятъ изъ г. Никольска весной также, какъ осенью партіи за грибами.

Подходя къ Княжевой, мы увидѣли въ лѣсу расчищенное поле; оно было вычищено цѣлой деревней разомъ; для этого лѣсъ, какъ видно, былъ раздѣленъ на полосы, и потомъ каждый хозяинъ чистилъ свою полосу отдѣльно; два какихъ-то хозяина оставили свою часть не вычищенною, и поэтому двѣ прямыя узкія полосы лѣса пересѣкаютъ поле параллельно бороздамъ. Поле это оставлено отдыхать въ теченіи 15 лѣтъ; послѣ отдыха княжевцы снимутъ съ него 4, 5 хлѣбовъ и опять оставятъ подъ отдыхъ; потому что, безъ навозу земля не дастъ здѣсь болѣе урожаевъ, а навозъ возить далеко.

Почва около Княжевой стала песчаной, и пески отсюда пойдутъ, по словамъ жителей, до самаго Галича. Песчаная почва простирается и къ Тотьмѣ. Изъ Княжева идетъ дорога на югъ на Васильево, Березники и село Никольское на Кемѣ. Эта дорога огибаетъ сѣверо-западный конецъ сузема никольскаго лѣсничества; западнѣе, между Тотемскимъ и Галицкимъ уѣздами, опять тянется суземъ, но между этимъ и Никольскимъ лежитъ населенная полоса, которая ихъ разрываетъ. Вѣроятно, это мѣсто около Княжевой, т. е. вообще въ вершинахъ рр. Шарженьги, Кемы и Юзы, гдѣ такъ близко сходятся вершины рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейнамъ двухъ отдѣленныхъ морей, есть въ урало-алаунской грядѣ родъ сѣдловины, какими бываютъ въ горныхъ хребтахъ горные проходы.

12 августа. Менькова. 29 верстъ.

---

*) Выть называется такое количество пищи, которое нужно чтобы насытиться.

По дорогѣ отъ Княжевой къ Меньковой дорога пересѣкаетъ рѣку Киньжу, около дер. Великій Дворъ, и Юрманьгу въ 3 вер. отъ деревни Горки. Въ дер. Меньковой крестьяне живутъ чище, чѣмъ въ предъидущихъ деревняхъ; вообще отсюда къ Тотьмѣ чистота въ домахъ и платьѣ начинаетъ увеличиваться; въ Меньковой много самоваровъ и у многихъ лѣтнія избы построены по бѣлому, а не такія же курныя, какъ и зимнія, какъ это существуетъ повсемѣстно въ Никольскомъ уѣздѣ. Есть у нѣкоторыхъ и горницы, только безъ печей—въ нихъ спятъ только лѣтомъ.

13 августа мы пришли въ Леденгское Усолье, 22 вер. отъ Меньковой, на р. Леденьгѣ, которая составляется изъ двухъ рѣчекъ: Войманьги и Лёдьжи. Между Меньковой и Леденгскимъ Усольемъ находится большой волокъ, внутри котораго лежитъ только одна деревня Аксенова. Недоходя этой деревни, дорога пересѣкаетъ р. Сёмжу. На этомъ волоку попадаются грибы, называемые въ Костромской губ. волуи, а около Никольска быки, а также лишай, который здѣсь зовутъ копытникъ, а въ городѣ Тотьмѣ сухой рыжикъ.

Разсолъ въ Леденгскомъ Усольѣ бѣжитъ изъ 4 колодцевъ, изъ которыхъ самый глубокій имѣетъ до 319 саженъ глубины. Леденгское усолье передъ тотемскимъ (въ 1/2 вер. отъ гор. Тотьмы) имѣетъ то преимущество, что разсолъ поднимается по трубѣ колодца безъ подъемной машины. Леденгскій заводъ принадлежитъ казнѣ, которая прежде сама производила здѣсь варку соли, нынѣ же сдаетъ заводъ на аренду; теперь заводъ находится на арендѣ у ростовскаго купца Первушина, срокъ которой недавно продолженъ. Прежде во время завѣдыванія завода казенной администраціей въ дѣйствіи было 20 варницъ, теперь только 9; большая часть разсола бѣжитъ мимо и пропадаетъ даромъ.

Перемѣна въ управленіи заводомъ сильно отразилась на мѣстныхъ жителяхъ, которые значительно побѣднѣли. Селеніе завода, по величинѣ не уступающее городу Никольску, повсюду представляетъ слѣды упадка; большіе двухъэтажные дома стоятъ съ выбитыми стеклами, повсюду развалины, гнилые тротуары, запущенные садики. Въ народѣ слышны жалобы на бѣдность; у хозяина, у котораго мы стояли, въ отдѣльной маленькой избѣ жилъ одинъ рабочій съ женой и матерью и маленькимъ ребенкомъ; онъ занималъ свою квартиру за 7 дней хорошей работы во время уборки хлѣбовъ; у нихъ было всего двѣ деревянныхъ ложки, слѣдовательно одинъ членъ семьи долженъ былъ сидѣть, въ то время какъ другіе ѣдятъ. Они были пущены хозяиномъ въ эту квартиру съ тѣмъ, чтобъ тутъ же помѣщался и этапъ; рабочій говорилъ, что онъ много видитъ проходящихъ ссыльныхъ, приглядѣлся къ нимъ и находитъ, что всѣ они гораздо лучше живутъ, чѣмъ онъ.

Съ уменьшеніемъ эксплуатаціи разсола, народу требуется гораздо менѣе противу прежняго; между тѣмъ леденгское населеніе свыклось съ своимъ промысломъ, и никто не хочетъ перейти къ другой промышленности, для чего можетъ быть нужно еще и переселеніе. Здѣсь можно отлично видѣть живучесть общины, если обстоятельства сложатся для нея разрушительно; вмѣсто того, чтобъ

возникнуть перебиванію работы другъ у друга, леденгское общество само разверстало между собою работу, такъ что въ результатѣ вышло всеобщее равномѣрное пониженіе благосостоянія. Каждый членъ общины имѣетъ право на 2 дня работы въ варницѣ, остальные четыре въ недѣлю у него гульные; конечно, два дня рабочихъ въ недѣлю, 104 дня въ годъ, не могутъ обезпечить содержаніе рабочаго, особенно семейнаго; прежде именно потому и было больше благосостоянія, что каждый рабочій имѣлъ болѣе рабочихъ дней при той же поденной платѣ. Въ гульное время леденгцы заняты поставкой дровъ; конные занимаются возкой ихъ. Рубка дровъ также раздѣлена между всѣмъ обществомъ; вообще, говорятъ рабочіе, гдѣ бы нужно 2 рабочихъ, тамъ мы поставили 6. По ихъ расчету, 18 рублей рабочей платы за варничныя работы раздѣлены между тремя человѣками, а 30 рублей платы за рубку дровъ между шестью. Такимъ образомъ, человѣкъ съ семьей въ 10 челов. получаетъ въ мѣсяцъ 5 рублей, а ему нужно 10 пудовъ муки, слѣдовательно 10 руб. сер. Можно сказать, что леденгская община тонетъ, но тонетъ разомъ—всѣ члены ея цѣпко держатся другъ за друга. Не устройся они такъ, можно ручаться, что нѣсколько ловкихъ лицъ создали бы себѣ карьеру изъ общенароднаго бѣдствія, какъ это случалось на Кемѣ, гдѣ во время взысканія недоимокъ за нѣсколько лѣтъ нагрѣли руки и обратились въ богачей лица изъ тѣхъ же кемцевъ, которые ссужали своихъ несчастныхъ товарищей деньгами за скотъ, который послѣдніе вели къ нимъ.

Другой примѣръ того, какъ народъ не легко разстается съ старыми формами быта, напримѣръ съ общиной, служитъ мѣщанское общество города Никольска. Общество это составлено изъ крестьянъ деревень Мелентьевой, Вахрашеевой, Борисовой, Варламцевой и др., которые были переселены въ городъ. Не смотря на то, что это переселеніе совершено давно, переселенцы и до сихъ поръ не составили одного городского общества, а каждая деревня живетъ отдѣльно. Они дѣлятъ городъ на нѣсколько концовъ, Мелентьевскій конецъ, Вахрамѣевскій конецъ, и т. д., изъ которыхъ каждый сохраняетъ въ своемъ владѣніи тѣ поля и пожни, какія принадлежали имъ на старинѣ; хотя de jure всѣ прежнія крестьянскія земли объявлены городской общественной собственностью, но переселенцы до сей поры умѣли de facto сохранить старый порядокъ до настоящаго времени. Это дѣлаютъ вотъ какъ: когда городъ сдаетъ земли, Мелентьевскій конецъ избираетъ изъ своей среды депутата, уполномочивъ ему оспаривать на торгахъ всю прежнюю землю на свое лицо до извѣстной суммы, и когда земля останется за депутатомъ, всѣ выплачиваютъ поторженную сумму съ разсчетомъ по числу душъ, а землей владѣютъ по полосно, какъ владѣли еще прежде, во время существованія деревень. Эти примѣры могутъ служить предостереженіемъ для тѣхъ, которые настаиваютъ на уничтоженіи общины. Вы видите, какъ крестьянинъ привыкшій къ общинѣ, не смотря на всѣ невзгоды, старается удержать её, какъ послѣднее средство спасенія. И дѣствительно, отнимите её у него, и онъ растеряется, всякое равновѣсіе экономическихъ силъ будетъ нарушено, и онъ не съумѣетъ посреди экономическаго хаоса устроиться

однимъ своими собственными силами. Мнѣ кажется, если государство Монтезумы представляетъ рѣдкій примѣръ необыкновенно быстраго упадка, которому подобныхъ мало примѣровъ представляетъ исторія, и въ короткій срокъ потеряло свою разнообразную культуру, то это именно нужно объяснить тѣмъ, что испанцы разрушили мехиканскую общину, калпулли.

Передача Леденгскаго завода въ частныя руки имѣла и здѣсь тѣ же послѣдствія, какъ и въ другихъ случаяхъ. Между капиталистомъ, взявшимъ заводъ на нѣсколько лѣтъ, и рабочимъ народомъ нѣтъ той солидарности, какая можетъ существовать между послѣднимъ и правительствомъ; капиталъ спѣшитъ извлечь всю пользу изъ представленнаго ему въ распоряженіе богатства, какую только можно во время краткаго срока владѣнія этимъ богатствомъ; онъ не гнушается извлекать свои выгоды и изъ стѣсненнаго положенія рабочихъ, продавая имъ муку по 1 руб. 5 коп. или 1 руб. 10 коп., которая заводскимъ управленіемъ была куплена по 80 коп. Бѣднѣйшіе рабочіе берутъ муку у заводоуправленія по 90 коп., но это такая мука, изъ которой 10 фн. на пудъ выходитъ высѣвокъ. Совершенный контрастъ съ леденгскими порядками представляла администрація тотемской варницы, составляющей собственность тотемскаго купца г. Кокорева. На тотемской варницѣ муку, покупаемую на рынкѣ по 1 руб. 20 коп., администрація г. Кокорева выдавала по 80 коп.; семейства умершихъ рабочихъ нерѣдко находили въ домахъ заводоуправленія даровую квартиру. Казенная администрація въ Леденгскомъ заводѣ имѣла за собой всѣ хорошія стороны собственника завода, а не арендатора. Но судьба кокоревской варницы извѣстна: хозяинъ ея обанкротился; аналогична судьба и казенныхъ заводовъ—правительство нашло себя вынужденнымъ сдать свои заводы въ аренду. Причина паденія и казенныхъ заводовъ и управленія г. Кокорева, мнѣ кажется, одна и та же: желаніе не оставлять безъ вниманія нужды самихъ рабочихъ и въ то же время управленія заводомъ посредствомъ бюрократіи съ лишеніемъ народа участія въ заводоуправленіи. Собственникъ, желающій оказать добро рабочему народу, не долженъ думать, что сдѣлалъ всё, если оказалъ народу нѣсколько благотвореній, онъ долженъ предвидѣть, что, пользуясь его добродушіемъ, между нимъ и рабочимъ народомъ вскорѣ вотрутся эксплуататоры, которымъ собственно и достанется главная часть благодѣяній собственника.

Рабочій народъ въ Леденгскомъ усольѣ гораздо развитѣе окрестныхъ; деревенская община почти повсемѣстно остановилась на организаціи землепользованія, нигдѣ мы не находимъ организація труда; въ Леденгскомъ заводѣ народъ въ состояніи былъ устроить справедливую разверстку работъ; ему даже не чужды такія идеи, какъ напримѣръ, снятія усолья въ аренду самимъ рабочимъ народомъ; онъ едва ли сомнѣвается и въ томъ, что правительство согласится сдать имъ заводъ съ платежемъ аренды не до, а послѣ періода эксплуатаціи; я встрѣтилъ у нихъ такія выраженія, что «заводы устраиваются для народа», т. е. для рабочаго народа, «что купецъ въ этомъ дѣлѣ лишній» и

«что безъ него можно бы обойтись». И дѣйствительно, правительство, которое устраиваетъ на артельныхъ началахъ заводъ древесной перегонки въ Шенкурскомъ уѣздѣ, нашло бы очень подготовленную почву для устройства артельной эксплуатаціи въ своихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ. Рабочій народъ въ Леденгскомъ усольѣ одно видитъ препятствіе къ снятію артелью своей варницы—отсутствіе въ собственной средѣ честныхъ людей, которые бы были проникнуты настолько любовью къ своей общинѣ, что занявъ выборное мѣсто, не погнались бы за личными интересами. Виноваты въ этомъ наши прежніе порядки, которые въ Леденгскомъ усольѣ оставили по себѣ память въ развалинахъ какой-то мызы съ садомъ, гдѣ нѣкогда устроивались гулянья леденгской аристократіи, но не оставили никакой школы. На предложеніе снять варницу на артельныхъ началахъ, Леденгцы говорятъ: «у насъ ужь есть такія головы, которыя думали объ этомъ; только вздору будетъ много; намъ не справиться; всякому захочется поживиться». Самое печальное обстоятельство въ нашей общинѣ—низкое состояніе нравственности въ общественныхъ дѣлахъ, вслѣдствіе невѣжества крестьянъ. Въ нашей общинѣ, если ближе въ нее всмотрѣться, нѣтъ братства; разныя выраженія и обычаи *), напоминающіе его и дающіе поводъ отечестволюбцамъ признавать русскій народъ за особую расу, одаренную врожденнымъ инстинктомъ братства, есть только слѣды когда-то существовавшихъ другихъ соціальныхъ связей; равенство въ нашей общинѣ держится не на идеѣ, а временнымъ отношеніемъ силъ въ общинѣ; община держится не нравственнымъ цементомъ, а экономическимъ тяготѣніемъ, какъ камни въ циклопической стѣнѣ. Наша община состоитъ изъ людей, которые смотрятъ другъ на друга завистливымъ глазомъ; крестьянинъ мало обижается тѣмъ, что при настоящихъ порядкахъ наживается чиновничество, лишь бы не наживался сосѣдъ; пусть возрастаетъ капиталъ г. Первушина, лишь бы не нарушилось равенство достатковъ у самихъ леденгцовъ. Въ общинѣ нѣтъ людей одаренныхъ, если можно такъ выразиться, патріотизмомъ къ своей общинѣ. Выборные смотрятъ на свою должность, камъ на промыселъ; это лучше всего выказалось въ тюремной общинѣ, какъ видно изъ наблюденій г. Ядринцева. Въ тюрьмахъ у насъ существовала община, непризнанная закономъ и только допускаемая практикой; въ ней законныхъ сроковъ для выборной службы не было, и бродяжеская община смѣняла то и дѣло своихъ старостъ на томъ основаніи, что одинъ наживался, надо же и другому. Вотъ этого самаго и боятся леденгцы.

Вслѣдствіе большаго предложенія рабочихъ рукъ, въ Леденгскомъ заводѣ самая низкая рабочая плата, какая мнѣ встрѣтилась на дорогѣ; именно въ нынѣшнюю страду косили здѣсь за 30 к. въ день, жали ржаное поля по 3 к., овсяное $1^{1}/_{2}$ и 1 к. Впрочемъ, низкая рабочая плата существуетъ здѣсь повсемѣстно; въ слѣдующей деревнѣ къ гор. Тотьмѣ, въ Нижней, жали нынѣ рожь по $4^{1}/_{2}$ к., овесъ 2 к. за суслонъ. Около Никольска плата за полевыя работы

*) Въ Шенкурскомъ уѣздѣ существуетъ обычай: по окончаніи страдной помочи, всѣ участники кланяются другъ другу въ ноги со словами «добре пострадали».

немного выше; за жатье ржи брали 40 к., а за овесъ 20; въ дер. Селивановой съ трудомъ можно было найдти поденьщика за 50 к. Въ дер. Мякишевой поденьщина 50—60 к. за сѣнокосъ, 30 к. жатье овса, а за суслонъ ржи 5 к., овса 3 к. Посуслонно, здѣсь зарабатывали по 50 к. въ день, слѣдовательно больше, чѣмъ поденьщина. Около с. Павина поденьщина—сѣнокосъ 30 к., жатье ржи 20, овса 15 к. Въ Вознесенской волости поденьщина—сѣнокосъ 30 к. Поденьщина на мельницѣ г. Казакова въ Вознесенской волости, состоящая въ тасканьи земли на плотину,—40 к. мужчинамъ, 30 к. женщинамъ. Во время грузки судовъ на Никольской пристани въ 1872 г., мужчинамъ выдавали по 45 к., женщинамъ по 30 к.

Казакъ отъ Пасхи до осенняго заговѣнья получаетъ около Никольска 30—15 р., хозяйскую одежду всегдашнюю и праздничную, которая по отслуженіи остается у хозяина; зимой отъ осенняго Заговѣнья до Пасхи 10—5 р. Казачиха за лѣто отъ 10 до 15 р. безъ одежды.

Въ пѣстуньи нанимаются дѣти до 15 лѣтняго возраста; около Никольска плата имъ отъ Пасхи до Покрова 6 р.; впрочемъ, съ возрастомъ пѣстуньи плата повышается. Въ старину, за первый годъ только кормили хлѣбомъ и вытыкали одинъ поясъ. Въ Вознесенской вол. плата пѣстуньямъ также 6 р.; въ той же волости плата казаченку, боронильщику на 2-хъ лошадяхъ—10 р., а тому, который можетъ боронить только на одной—6 р.

Нѣкоторые крестьяне, продавъ весь хлѣбъ для уплаты податей, и оставшись сами безъ хлѣба, чтобъ добыть его, отдаютъ своего сына въ казаки или пѣстуньи.

Общая выручка поденьщиковъ не велика; въ 1872 г. поденьщики заработали около Никольска на сѣнокосѣ до 12—15 р.; сѣнокосъ начался за 5 дней до Петровокъ и продолжался до 29 іюля. Одна казачиха изъ Селивановой ушла на заработокъ на время косьбы и жатвы за 16 р.; другая пришла въ д. Селиванову за 16½ р. Во время грузки судовъ хлѣбомъ на Никольской пристани въ три дня одинъ крестьянинъ заработалъ 1 р. *).

Низкая рабочая плата есть одно изъ самыхъ главныхъ бѣдствій здѣшняго края, на которое бы слѣдовало прежде всего обратить вниманіе здѣшнему земству; причина этого неразвитость промысловъ, отсутствіе въ нихъ разнообразія, исключительно земледѣльческій характеръ промышленности, особенно въ Никольскомъ уѣздѣ, промышленная физіономія котораго напоминаетъ Сибирь; вся заводская промышленность этого уѣзда заключается въ 2-хъ винокуренныхъ заводахъ, не смотря на то, что рядомъ находятся губерніи съ самымъ развитымъ въ Россіи промышленнымъ движеніемъ. Можно сказать, что урало-алаунская гряда также отдѣляетъ здѣшній край отъ московскаго мануфактурнаго округа, какъ Уралъ отдѣляетъ Сибирь, и что онъ больше разграничиваетъ

*) Въ Шенкурск. у. Арханг. губ., какъ мнѣ писали, платятъ работнику въ лѣто 15 р., работницѣ 8, пѣстуньѣ—дѣвочкѣ 3 р. За жатву по суслонамъ за 100 суслоновъ (каждый состоитъ изъ 10 сноповъ) платится 3 руб. 50 коп. сер.

въ индустріальномъ отношеніи, чѣмъ въ ботанико-зоологическомъ. Въ отношеніи ремеслъ, между г. Никольскомъ и Тотьмой разница; въ Никольскѣ недостатокъ ремесленниковъ; въ Тотьмѣ, напротивъ, сосѣдство соляной варницы постоянно поддерживало ремесленность, а съ закрытіемъ ея ремесленники жалуются на недостатокъ работы. Между тѣмъ, крестьянскія семьи постоянно выдѣляютъ изъ себя казаковъ и казачихъ, которые должны искать заработковъ внѣ земледѣлія; если прежде при меньшей дѣлимости семей они выдѣлялись, то тѣмъ больше становится число ихъ, когда дѣлимость усилилась вслѣдствіе того, что новыя идеи стали давать себя чувствовать и въ крестьянствѣ, и женщины, главныя виновницы дѣлежей, стали болѣе предъявлять свои права на независимость.

Работы, однакожъ, этимъ выдѣлившимся казакамъ и казачихамъ не находится. Не только ремесленники и казаки жалуются на недостатокъ работъ, даже и сами крестьяне жалуются на недостатокъ ихъ, вслѣдствіе чего много лишняго времени у нихъ пропадаетъ даромъ, и лошади остаются безъ работы; извоза въ краѣ большаго нѣтъ, и потому въ зимнее время крестьянамъ нечего дѣлать; не мудрено поэтому, что они готовы работать при постройкѣ барокъ въ теченіи 60 дней за какія-нибудь 10 р.

Земледѣліе, которымъ леденгскіе жители прежде не занимались, стоитъ у нихъ ниже, чѣмъ у крестьянъ; леденгцы жалуются, что и земля у нихъ къ тому не удобна, болотиста. Около завода два большихъ болота: Жупановское (5 вер. длиною) и Барандыково. Можетъ быть и дѣйствительно, что основаніе селенія вызвано было однимъ только солянымъ промысломъ. Скотъ, однакожъ, леденгскій въ славѣ по всему краю: коровы здѣшнія гораздо крупнѣе и красивѣе крестьянскихъ и даже покупаются для приплода тотемскими мѣщанами. Здѣсь мы услышали единственный по всей дорогѣ пастушій рожокъ, потому что скотъ здѣсь пасется пастухомъ, который получаетъ по 30 к. за корову и харчуется на счетъ жителей—по дню за корову. Это превосходство рогатаго скота можетъ быть происходитъ отъ возможности кормить скотъ солью, такъ какъ она подъ рукой, а можетъ быть также, что и здѣшнія травы больше пропитаны солью, и сѣно здѣсь лучшаго качества, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ югу отъ Леденгскаго Завода лежитъ суземъ, который простирается съ востока на западъ отъ Кемы до Толшмы. Въ немъ водится сѣверный олень (Cervus tarandus, L.). Животное это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ этого края; къ сѣверу отъ Тотьмы въ долинѣ р. Кокшеньги его нѣтъ; однако, есть они около деревни Куловой; здѣсь ихъ ловятъ кряжами, которые ихъ давятъ. Здѣсь существуетъ преданіе, будто въ старое время къ мѣстному празднику ежегодно изъ лѣсу въ извѣстный часъ выходилъ въ деревню олень, котораго кололи и варили въ большомъ пивномъ котлѣ. Однажды котелъ уже былъ готовъ, куловцы ждутъ оленя, но онъ не выходитъ изъ лѣсу; порѣшили заколоть вмѣсто оленя домашняго быка; только привели въ исполненіе это рѣшеніе, какъ появился изъ лѣсу олень, но увидѣвъ, что его недождались, повернулся назадъ и скрылся. Съ

тѣхъ поръ, олень не сталъ выходить изъ лѣсу и куловцы должны были варить вмѣсто оленя быка. Въ Верхнемъ Куловѣ теперь не варятъ и быка, а въ Нижнемъ и теперь еще по разсказамъ крестьянъ существуетъ этотъ слѣдъ древнихъ общинныхъ жертвоприношеній. На р. Шебеньгѣ, слѣдов. въ противоположномъ концѣ Кокшеньги, существуетъ охота на оленя и такое же преданіе о закланіи оленя, какъ и въ Куловѣ.

На сѣверо-западной границѣ тотемскаго уѣзда въ Минскомъ обществѣ нѣтъ никакой «лѣшни»; но одинъ крестьянинъ этого общества говорилъ мнѣ, что около дер. Березникъ видѣли однажды стадо въ 16 скотинъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ этой деревни есть «оброчекъ» изъ 5 деревень Вельскаго уѣзда подъ названіемъ Каменогорье, гдѣ жители охотятся за оленями клѣпями, ямами и гоняются за ними съ собаками по насту. Крестьяне Заячьяго общества, также на границѣ Вельскаго уѣзда, охотятся за оленемъ въ лѣсахъ названнаго уѣзда, примыкающаго къ обществу, а не въ лѣсахъ Тотемскаго уѣзда. Въ 60 вер. отъ Тотьмы, въ вершинахъ р. Уфтюги, въ Верховскомъ обществѣ есть олени и лоси; ихъ заганиваютъ въ великій постъ на лыжахъ; олени здѣсь ходятъ стадами съ телятами.

Около р. Сухоны олень является забѣгомъ; его иногда убиваютъ или ловятъ во время переправы черезъ рѣку; для переправы онъ избираетъ мѣстность, гдѣ волокъ примыкаетъ къ Сухонѣ; такъ олень, рога котораго висятъ передъ лавкой купца Шилова, въ гор. Тотьмѣ, былъ убитъ 25 в. выше гор. Тотьмы, въ волоку, который пересѣкаетъ Сухому въ 12 вер. отъ дер. Кемчуги; еще выше, въ 80 вер. отъ Тотьмы, около дер. Брусеницы находится на Сухонѣ Печенгскій волокъ, гдѣ убиваютъ до 10 оленей въ годъ; однажды здѣсь поймали оленя живого, въ то время, какъ онъ плылъ черезъ рѣку. По словамъ охотниковъ, здѣсь попадаются олени всегда одинокіе и старые. Рога, висящіе у Шиловской лавки, также принадлежатъ старому оленю, и вѣсятъ 28 фн. Они очень симметрично и роскошно развиты; каждый рогъ состоитъ изъ трехъ главныхъ отпрысковъ, изъ которыхъ глазной не уступаетъ въ величинѣ другимъ и на концѣ имѣетъ такое же дланевидное расширеніе. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ разузнать, въ какое время года олени встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ.

По дорогѣ изъ Никольска въ Тотьму, нѣтъ близко деревень, которыя занимались бы охотой за оленемъ; повидимому на всемъ пространствѣ между р. Сухоной и никольско-тотемской дорогой, а также и въ центральной части Кокшеньги, оленя нѣтъ; къ сѣверу отъ Сухоны онъ водится только въ вершинахъ притоковъ Кокшеньги; впрочемъ, я не успѣлъ подробно разспросить о мѣстахъ, извѣстныхъ охотой за оленями; кажется, что она ограничена только одними водораздѣлами, вблизи же большихъ рѣкъ, какъ Сухона, Югъ, Кокшеньга, оленя нѣтъ на далекое пространство.

Къ югу отъ Сухоны олень снова появляется въ урало-алаунской грядѣ, какъ въ тотемской, такъ и никольской его части; въ тотемскомъ суземѣ, къ югу отъ Леденгскаго завода, охотой за оленемъ извѣстны деревни, лежащія по

р. Кунышъ. Олени здѣсь водятся на Святѣ болотѣ, которое даетъ начало р. Святицы. Сѣверный олень встрѣчается и южнѣе, на дорогѣ изъ Кологрива въ Солигаличъ. Въ сузёмѣ Никольск. лѣстничества олень водится во-первыхъ въ южной части Сокольскаго болота, къ ю. отъ р. Кудонги, въ вершинахъ рр. Мичуга, Канюговъ и Шохры, а прежде водились также по Сѣнной *) и Моторихѣ. Здѣсь за ними охотятся крестьяне деревни Кудонги (лежащей на р. Кудонгѣ, текущей изъ Сокольск. болота на с. въ Югъ). Въ настоящее время, кажется здѣсь нѣтъ охотниковъ собственно за оленями, кудонжане охотятся только за лосемъ, такъ какъ за оленемъ очень трудно гоняться—онъ легче лося и снѣгъ меньше проваливается подъ нимъ. Особеннымъ обиліемъ лосей и оленей отличался здѣсь 1852 годъ; лѣсникъ, который мнѣ расказывалъ о здѣшней охотѣ, вдвоемъ съ братомъ убилъ тогда 9 лосей въ одинъ домъ; вообще же на деревню Кудонгу было убито въ тотъ годъ 60 лосей. Олень здѣсь водится въ мѣстахъ, гдѣ болота и гривы покрыты пихтарникомъ; лось же, гдѣ есть рябинникъ и молодой березникъ. Охотники узнаютъ присутствіе ихъ по «скускамъ» т. е. по слѣдамъ зубовъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Скуски у зайца и лося различны: у зайца скусокъ косой, какъ будто отстригнуто ножницами; у лося или прямой скусокъ или есть заломокъ. Тотъ же охотникъ увѣрялъ меня, что олень здѣсь встрѣчается и комолый и съ рогами, но что лось всегда комолый, и что тамъ же водится еще звѣрь л а н ь, котораго самого нынѣ не видятъ, но рога его находятъ на болотахъ. Въ 1871 г. въ Кудонгѣ было убито 2 лося и въ Баданкѣ также 2.

Изрѣдка олени забѣгаютъ и сѣвернѣе Кудонги; такъ, въ прежніе годы его видали иногда одиночками около дер. Упираловой, въ 12 вер. отъ Никольска, къ западу; здѣсь и на р. Выдрихѣ и теперь находятъ иногда оленьи рога.

Къ востоку отъ Никольска олени водятся, кажется, въ вершинахъ р. Юга; въ вершинахъ рр. Ирдомы и Луптюга есть олени и лоси (послѣднихъ зовутъ здѣсь с о х а ч а м и), но вятскіе починцы за ними не охотятся. Охотой за оленями въ этой мѣстности извѣстны красногоры, т. е. жители села Красногорскаго, лежащаго на границѣ.

Вообще сѣверный олень водится повидимому стадами по всей урало-алаунской грядѣ; онъ бродитъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, не дѣлая большихъ перекочевокъ; здѣсь онъ выводитъ и дѣтей своихъ. Только старые экземпляры почему-то предпринимаютъ дальнія экскурсіи черезъ Сухону. Есть ли у него и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ опредѣленныя мѣста для лѣтовокъ и зимовокъ, изъ разсказовъ охотниковъ нельзя вывести.

Мясо оленье употребляется крестьянами въ пищу; оно продается въ Тотемскомъ уѣздѣ по 1 к. фн. Ѣдятъ мясо оленей и давленныхъ кряжами. Олень, рога котораго висятъ у Шиловской лавки, далъ 8 пуд. мяса. Рога обыкновенно бываютъ до 15 фн. вѣсу; въ Куловѣ одинъ рогъ продается по 40 коп.; изъ

(*) Сѣнная впадаетъ въ Юрманьгу, а эта въ Лундонгу. Между вершинами Мичуга и Сѣнной считается 8 верстъ.

нихъ дѣлаютъ гребни; изъ одного рога выходитъ до 30 гребней; гребеньщику платятъ крестьяне за выдѣлку одного гребня $1^1/_2$ коп.; цѣна готоваго гребня 5 коп. Волосъ идетъ на набивку матрасовъ; въ Никольскѣ оленій волосъ (подъ именемъ котораго вѣроятно продается преимущественно лосинный волосъ) продается по 12 коп. фн.

Деревня Нижняя, въ которую мы пришли 15 августа и которая находится въ 17 вер. отъ Леденгскаго Завода, лежитъ по срединѣ большого лѣсистаго волока, который отдѣляетъ р. Леденгу отъ Сухоны. Здѣсь уже начали жать яровое поле; три дома устроили даже и дожинки, между тѣмъ въ Княжевой 11 авг. только начали жать яровое. Это запаздываніе въ Княжевой вѣроятно нужно приписать ея высокому положенію; едва-ли и Никольскъ, не смотря на своѐ болѣе южное положеніе, не имѣетъ болѣе холодный климатъ, чѣмъ Тотьма.

Хозяинъ нашъ въ Нижней занимается ловлей зайцевъ **кряжами**, капканами и **нитями**, и рябей **сѣльемъ**. Кряжами называются три бруса, сплоченные вмѣстѣ и настороженные въ родѣ сибирской плашки; кряжи ставятъ послѣ царевскаго праздника (?) не на тропѣ, а подъ елью, гдѣ не надуваетъ снѣгу; приманкой служитъ осиновое деревцо. Нити ставятъ въ сузёмѣ на заячьихъ тропкахъ, ведущихъ изъ сузёма къ деревенскому полю. Силья ставятъ на землѣ и на жерди; приманкой служитъ клюква (журавлика), нанизанная на нитку: другія ягоды не употребляютъ, потому что онѣ составляютъ пищу и другихъ птицъ, которыя склёвываютъ ихъ. Кобылка, устраиваемая при сильяхъ, служитъ для вздергиванья попавшейся птицы, чтобъ горностай не перенялъ добычу птицелова.

Кромѣ зайцевъ и горнастаевъ, около Нижней водятся куницы и медвѣди. Послѣдніе каждую ночь раза по два приходятъ въ поля полакомиться овсомъ. Куница водится по всей урало-алаунской грядѣ; въ Кудонгѣ ловля куницы уменьшилась, такъ что въ послѣдній годъ всего была убита здѣсь только одна куница.

Раби или рябчики идутъ отсюда въ столицы; ихъ покупаютъ скупщики обыкновенно по 20 коп. пара; нынѣ (сенью 1872 г.) въ Никольскѣ пара стоила 10 коп., а по дорогѣ можно было покупать по 8 и 5 коп. пара (въ октябрѣ мѣсяцѣ).

Слова, записанныя по дорогѣ изъ Никольска въ Тотьму.

Рѣшето—созвѣздіе Плеяды.

Леденица, заспа—метеорологическая крупа.

Сузёмъ—тайга, еловый лѣсъ.

Заломокъ—мѣсто въ лѣсу, заваленное буреломомъ. Заломки въ здѣшнемъ суземѣ бываютъ по 10 верстъ длиной.

Паточинка—ручеекъ (вятскіе починки на р. Луптюгѣ).

Лѣшня—лѣсной промыселъ, звѣроловство и, можетъ быть, рубка дровъ (дер. Кулова, близъ Тотьмы).

Быръ—переборъ (дер. Кумбисеръ, на р. Лохѣ).

Соплась—камень, лежащій въ пластахъ земной коры въ отличіе отъ эрратическаго.

Слудки—рѣчные яры.

Струбъ—«рѣка вошла въ струбъ», т. е. въ межень.

«Въ узгу»—въ углу между двумя рѣчками. Шапка узговка—четырехугольная.

Кулига—1) пятно. «Мотъ побѣлѣлъ кулигами»; т. е. выбѣлился неравномѣрно, 2) Изгибъ, излучина. «Югъ течетъ кулигами». 3) Отдѣльный участокъ земли, вычищенный подъ пашню.

Сохачъ—Cervus alces, L.

Поточка—птичка.

Медяникъ—шмель (Bombus),

Пильма — мелкое насѣкомое, портящее ботву на овощахъ и черемухѣ (Haltica?).

Норница, какая-то гусеница бабочки, проглотивъ которую коровы умираютъ.

Самихъ—медвѣдь самецъ.

Самуха—медвѣдица.

Поляшъ—Tetrao tetrix, L.

Фыпикъ или фупикъ—Pyrrhula rubricilla, Pall.

Рябь, рябокъ—рябчикъ (Tetrao bonasia, L.).

Ратная червь проходитъ насквозь камни и деревья. Ей приписываютъ дыры, съ которыми находятъ камни на поляхъ.

Колотикъ—Spongilla fluviatilis, Blainv.

Губы—грибы.

Мянда—низкая кривая сосна. (Pinus Pumilio, Haenke) «Мяндовыя» шишки—сосновыя.

Конда—темные центральные слои древесины сосноваго дерева (сердце, матерая древесина нашихъ лѣсничихъ); свѣтлые, её окружающіе слои, назыв. здѣсь болонь.

Выплавка—капъ у комля дерева, изъ котораго дѣлаютъ курительныя трубки.

Кремневая ель—мелкослойная.

Трунда—древесная гниль.

Лѣтовище—выгонъ скота (около Никольска). На р. Ляменьгѣ лѣтовище назыв. пастьва.

Радовая земля—общинная, не помѣщичья. Радовые крестьяне—не крѣпостные.

Стожары—колья въ сѣнномъ зародѣ.

Губина—потрава.

Трясогузка, однокружка — тележка для перевозки навоза на пашню.

Ворожейка—флюгарка на гумнѣ, показывающая направленіе вѣтра. Она состоитъ изъ длиннаго вкопаннаго въ землю шеста, на вершинѣ котораго прикрѣплена планочка горизонтально, а на концѣ послѣдней подвязанъ пучекъ кудели.

Долонь—токъ на гумнѣ, и ладонь.

Дерба—выжженное изъ-подъ лѣса небольшое мѣсто подъ посѣвъ льна.

Банище—мѣсто, гдѣ была прежде баня.

Печище—мѣсто, гдѣ было прежде какое-то жилье (съ печью?).

Вырецъ—разсадникъ для капусты и галанки.

Осыровъ—огородъ (вятскіе починки).

Дикарь—Avena fatua, живой овесъ (въ Харьк. губ. Изюмск. у. назыв. вовсюгъ).

Галанка—брюква.

Хива—пыль, ложащаяся во время вѣянія ржи еще далѣе охвостья. Её примѣшиваютъ въ кормъ птицѣ и свиньямъ.

Куколь—пустыя сѣменныя коробки конопли, которыми кормятъ свиней.

Оншины—соръ отъ ячменя, толченаго въ ступѣ.

Опихивать—толочь ячмень въ ступѣ.

Тина, ботва—мякина.

Заспа—крупа.

Глибки, грудки—свѣжій творогъ.

Гуща—творогъ.

Мѣлъ—дрожжи.

Зайчики—пѣна, выступившая на пивѣ сверхъ химѣля.

Лицо—черная поверхность пива подъ пѣной.

Кѣты—солома, которую кладутъ въ пивныя корчаги.

Бѣль—сулема.

Волохъ—глиняная крышка на горшокъ.

Бабу́шки—игрушки.

Су́дки—передній уголъ.

Бурундукъ—помостъ впереди нижней ступени крыльца.

Чунки—маленькія саночки. Можетъ быть это слово дало названіе старинному сибирскому: «чуница», звѣроловная артель, потому что соединеніе въ артели при звѣроловствѣ нужно было главнѣйшимъ образомъ для доставки на мѣсто промысла провизіи, которую иногда люди таскали на себѣ.

Порубенья—бревна, распиленныя пополамъ, которыми огибаютъ низъ барки.

Уторница—пазъ на днищѣ у края барки, который законопачивается тщательнѣе, чѣмъ остальные пазы на днищѣ.

Карга—столбъ на носу и на кормѣ.

Кобылины—горизонтально лежащія на городкахъ балки, на которыя настилается днище.

Коротыши—доски, которыми покрываютъ барку, слѣдовательно, которыя образуютъ палубу.

Бабайка—лопатовидный конецъ гребка.

Поносная—руль.

Гребки—весла барочныя.

Дѣвка—еловая подставка подъ конецъ поносной съ дырой, въ которую вставляется поносная; другой конецъ упирается въ гнѣздо на палубѣ.

Плечо—четверть борта барки; такимъ образомъ у барки есть: два правыхъ, два переднихъ и два заднихъ плеча. На лѣвыхъ привѣшиваются греби, на правыхъ поносныя.

Зыбки—ваги для подъема барки.

Озда—балка, которая служитъ скрѣпой барки въ серединѣ; она кладется горизонтально отъ одной боковой стѣны барки до другой, на серединѣ высоты отъ днища до палубы.

Плита—25 бревенъ, связанныхъ для сплава; нѣсколько плитъ, большею частью двѣ, составляютъ плотъ.

Доръ, шамъ, дорьё—соръ. «Отъ лучины дорья много живетъ» (гор. Тотьма). Есть много деревень въ Никольскомъ уѣздѣ, которыя называются дорами: Аникинъ Доръ, Собакинъ-Доръ, Амелинъ Доръ, Карасинъ Доръ; много есть рѣчекъ съ названіемъ Доро́вая или Дороватка.

Сувитокъ—трубица холста.

Новокупка—вещь, недавно пріобрѣтенная въ домъ.

Пѣтунъ—пѣтухъ.

Обора—веревка лычная.

Бахары—берестяные лапти (р. Во́хма).

Бало, больце—инструментъ, на которомъ загибаютъ дужки къ крышкамъ для туесковъ.

Рубокъ—такъ называется здѣсь мѣтка, которую дѣлаютъ при отдачѣ полотна или нитокъ въ окраску. Это маленькій деревянный брусокъ, на которомъ обозначается количество матеріала и выговоренная плата за окраску; рубокъ раскалывается пополамъ, одна половина остается у хозяина матеріала, другая у красильщика, который самъ и дѣлаетъ ихъ. Ниже Никольска, около деревни Ворониной, ихъ называютъ рубежами; при отдачѣ овчинъ около Ворониной дѣлаютъ сколки; конецъ палки сострагивается, дѣлается зарубка и по неё скалываютъ половину, а выше зарубки дѣлается рубчикъ для веревочки, которою сколокъ привязывается къ овчинѣ. Отколотый кусочекъ остается у хозяина и по выходѣ овчинъ изъ дубленья прилагается къ своему мѣсту.

Въ Харьковской губ., Изюмск. уѣздѣ, рубокъ называется карбижъ, въ Симбирской губ. жеребеёкъ, у казанскихъ татаръ джеребѧ.

Жеребьи въ Симбирской губ. употребляются при отдачѣ въ окраску холстовъ, пряжи, въ выдѣлку сырцовыхъ овчинъ и кожъ. Жеребій бываетъ длиной не болѣе вершка; имѣетъ видъ косой четырехгранной призмы; съ одной стороны нарѣзываютъ число аршинъ или вѣсъ или число штукъ; на противуположной цѣну за аршинъ или штуку. Жеребій раскалывается пополамъ повдоль; одна половина остается у мастера, другая вручается хозяину.

Прежде пріемъ овса въ амбары на Никольской пристани производился на бирки; прикащикъ имѣлъ длинную четырех-гранную бирку; когда крестьянинъ привезетъ въ амбаръ хлѣбъ, прикащикъ нарѣзываетъ количество его на биркѣ, потомъ ножомъ перерѣзываетъ бирку до половины и скалываетъ такъ, что часть надписи есть и на сколкѣ, часть и на биркѣ; сколокъ, жеребеёкъ онъ отдаетъ крестьянину, который съ нимъ идетъ къ купцу и получаетъ деньги. Такимъ образомъ, у купца скоплялась груда жеребейковъ, которая вечеромъ повѣрялась съ принесенной прикащикомъ биркой. Нынѣ бирки уже не употребляются.

Въ Симбирской губ. бирки употреблялись пастухами для означенія числа скота въ каждомъ дворѣ порознь; хозяевами для амбаровъ съ хлѣбомъ или же при сваживаніи сноповъ въ гумно, богатыми крестьянами для записыванія долговъ, сборщиками податей для записыванія душъ и слѣдующихъ съ нихъ денегъ и т. п. Пастушья бирка бываетъ иногда до 2 саж. длиной. Скотъ помѣчается въ Симбир. губ. чередами, чередъ=1 лошадь =1 корова=1½ годовалая телка=1½ годовалый жеребчикъ=1 свинья=5 овецъ=2 козы=2 теленка. Каждый домъ отдѣляется на биркѣ отъ другого чертой; кромѣ того ребро бирки подъ цыфрами одного дома срѣзывается отъ одной крайней цыфры до другой.

Бирка сборщика податей бываетъ такой же длины, какъ и у пастуха.

Здѣсь отмѣчено сначала число душъ, которое отдѣлено знакомъ (|), потомъ количество рублей, отдѣленное опять тѣмъ же знакомъ, и наконецъ число копѣекъ; домъ отдѣляется чертой; ребро подъ цыфрами срѣзывается. Намѣтивъ дома все число душъ въ деревнѣ и количество денегъ по дворамъ, сборщикъ отправляется по деревнѣ и по мѣрѣ уплаты срѣзываетъ тѣ мѣтки, которыя принадлежатъ плательщику; если кто уплатилъ не всѣ деньги, онъ срѣзываетъ старую цифру и на гладкомъ мѣстѣ нарѣзываетъ только недоимку. Бирка по татарски называется тамга таягы, по чувашски картъ.

Названіе жеребейковъ рубки получили потому, что можетъ быть служили для метанія жеребья. Намеки на такое предположеніе заключаются въ тѣхъ дѣтскихъ присказкахъ, которыя дѣти приговариваютъ при метаніи жребія передъ игрой. Выраженіе «поломалъ рубля», «дьяконъ пишетъ желѣзнымъ пальцемъ чернымъ углемъ», «осиново полѣно плѣло *), горѣло, куда полетѣло?» намекаютъ на дѣланіе мѣтокъ на деревѣ и на киданіе его. Одна такая сибирская присказка прямо начинается словами: «сѣку, сѣку двадцать». Большинство и остальныхъ начинается счетомъ: первинчики, другинчики. Въ присказкѣ

*) Я слыхалъ «тлѣло», а не «плѣло». Кажется, первое вѣрнѣе.

№ 6 число доведено до десяти: первины, дружины, пятанъ, ладанъ, жухтанъ, бухтанъ, дятелъ, десять. Слѣдующій № 7: пера, ера, шуда, луда, пята, сата, сива, ива, дубъ, крёсъ, хотя не кончается словомъ десять, но въ ней заключается десять словъ, такъ что крёсъ стоитъ на десятомъ мѣстѣ; это можетъ быть крестъ, который на биркахъ означаетъ цифру 10. Можетъ быть, деревянный жеребій употреблялся на древнихъ игрищахъ, когда дѣвицы метали жеребій—кому достаться. Свидѣтельство метанія, можетъ быть, содержится въ игровыхъ сибирскихъ пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ поётся, что дѣвушка рвала цвѣты и плела вѣнки и потомъ спрашивала: кому вѣнокъ мой достанется? если старому, то убѣгу, если молодому, то съ нимъ гулять пойду. Это намекаетъ, что на игрищахъ метали жеребій при дѣленіи пожни. Отрывокъ изъ другой игровой сибирской пѣсенки: «расколися сырой дубъ на четыре грани, раздѣлись мое желанье на четыре части», кажется, даетъ поводъ думать, что на древнихъ игрищахъ употреблялся и деревянный жеребеекъ.

Лапостка—плюсна.

Усъ—верхняя губа какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ.

Хрястóкъ—хрящь.

Печеница—синявица.

Халмыкъ—плетешки, которыя у женщинъ въ волосахъ вяжетъ «сусѣдъ».

Францы—венерическія язвы. «Ты вѣдь весь въ францахъ». Французоватый—сифилитикъ. «Ахъ, францы»! брань мѣстная, употребляемая чаще другихъ.

Вихъ—вывихъ.

Бородавицы—зобы на шеѣ и мелкія шишки на головѣ у коровъ.

Ватага—взрослые члены семьи. У насъ ватага не велика, т. е. мало работниковъ. Ватажникъ—взрослый членъ семьи, способный къ сельской работѣ.

Чумакъ—сидѣлецъ въ кабакѣ.

Казакъ—наемный работникъ. Казачиха—работница.

Пѣстунъ, пѣстунья—нянька.

Боговикъ—сборщикъ на церковь.

Плѣница—рядъ нѣсколькихъ саней или телѣгъ, ѣдущихъ одна за другой. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромскомъ, Кирѣевск., IV, 38—46, Батый грозитъ раззорить Кіевъ: «добрыхъ молодцевъ полоню станицами, красныхъ дѣвицъ плѣницами, добрыхъ коней табунами».

Мирьё—миръ, дружба. Что у васъ мирья нѣтъ? (что не совѣтно живете?)

Сугрѣвъ—тепло. «У нихъ въ избѣ сугрѣву нѣтъ».

Рыситься—искать половыхъ сношеній (о кошкахъ и собакахъ).

Пѣтка—мука, старанье.

Пѣтаться—мучиться, стараться.

Заглумный—забавный.

Лѣно—лѣниво. «Что лѣно идешь?»

Тусьмянный—тусклый (глазъ).

Пасти—беречь. Бабы пасутъ корни кукушкиныхъ да́ровъ.

Ку́десить—колдовать.

«Ни сижотъ»—не достаетъ, не хватаетъ.

Поблазнило—мнѣ, будто кто стучитъ—почудилось.

Чуешь?—Слышишь; понимаешь? У богатыхъ, дѣдушка, проси милостыню. Чую.

Цась, часть—грамматическая частица «чай». Наприм. «Цась часовъ десять есть».

Главная изъ особенностей въ здѣшнемъ говорѣ пѣвучесть, которую можно замѣтить на всемъ нашемъ сѣверѣ, въ Финляндіи у финновъ, даже у финляндскихъ шведовъ, у Кареловъ и у сибирскихъ крестьянъ. Въ особенности это, интонированіе замѣтно у женщинъ и дѣтей. Изъ частностей, не у всѣхъ крестьянъ замѣчаемыхъ, замѣтимъ слѣдующія:

Буквы *ц* и *ч* взаимно замѣщаются. Говорятъ: молодича, подай отчу рукавичи: онъ на мельничу поѣдетъ. Цуцело вмѣсто чучело.

Окончанія прилагательныхъ ска превращается въ чка: вологочка. Вмѣсто чудски люди я слышалъ здѣсь чучи *) люди; въ устахъ одного крестьянина «мірская радоница» приняла необыкновенно искалѣченный видъ: мичкара́. Кажется, въ этихъ неправильностяхъ нѣтъ общей нормы и много зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей.

Можно у нѣкоторыхъ женщинъ при произношеніи замѣтить польскіе звуки s' и Ł; первый въ словахъ: цуешь, цась, второй въ окончаніяхъ глаголовъ прошедшаго времени женск. рода: ходила, родила.

Поговорки:

Женщина, какъ старый вѣникъ, пошабарчитъ, да и сдастся.

Посади свинью въ рожь, дадутъ грошъ.

Рѣпа брюху не укрѣпа.

Двѣ головяшечки соткнутся, больше курятся.

На людей какъ на Бога, на себя какъ на чорта.

И на Мартынку бываетъ мотырка. Вывернулся, какъ Мартынъ съ балалайкой.

Доринъ пирогъ все на-поперегъ.

Живемъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу.

Изъ-подъ тишки валятся шишки.

Сторона (т. е. чужіе, неродные люди)—борона.

---

*) Можетъ быть, отсюда происходитъ сибирское бранное слово чуча̀. Въ Никольскомъ у. говорятъ, что здѣсь прежде до русскихъ жила чушна̀ (чудь).

Миръ—нетлѣнна риза (т. е. вѣченъ, несмертенъ).

Рѣпа да горохъ объѣдяще жито.

Три топора лежатъ подъ лавкой не дерутся, а три копыла раздорятъ.

Жена умретъ, какъ кошка со столба упадетъ.

Мужъ жену жалѣетъ только 2 раза: какъ отъ вѣнца ведутъ, да на столъ кладутъ.

Народныя названія нѣкоторыхъ растеній, употребляемыя въ окрестностяхъ Никольска и Тотьмы:

Боровой, бѣлый или оленій мохъ, Cenomyce rangiferina, Ag. (Никольскъ). Вареный прикладывается, чтобъ произвесть на тѣлѣ нарывъ.

Боровой пострѣлъ, Aconitum C. Поятъ женщинъ во время родовыхъ потугъ; скорѣе женщина родитъ, меньше мукъ бываетъ (Никольскъ).

Бронецъ, Paris quadrifolia, L. Ягоду глотаютъ, чтобъ вередовъ не было. (Ник.) Съ сушеной ягоды поятъ лошадей больныхъ ящуромъ. Женщины пьютъ еще не зрѣлыя ягоды, пока онѣ красныя, чтобъ не было красокъ.

Бѣлюшки, Chrisanthemum Leucanthemum, L. (Тотемскій уѣздъ, дер. Кулова).

Вдовецъ, какое-то колючее растеніе, растущее на пашняхъ—отъ колотья (Тотьма).

Волчонокъ (дер. Кулова), Волчьи ягоды, Перецъ (г. Никольскъ), Daphne mezereum, L. О цѣлительныхъ свойствахъ этого растенія я здѣсь не слыхалъ, но знаютъ, что разжеванныя ягоды жгутъ во рту.

Глушина, Betula alba, L., разновидность, листья которой съ нижней стороны шероховаты на ощупь языкомъ. (Никольскъ).

Горожанка, Dianthus deltoides, L. (Никольскъ) Вѣроятно такое названіе растеніе получило за яркій цвѣтъ вѣнчика.

Грабли, Heranium. (Никольскъ).

Денежникъ, Khinanthus crista galli, L. (Ник. и дер. Кулова).

Дудель, Archangelica officinalis, Hoffm. (?) Дудели съ нераспустившимися бутонами крестьяне приносятъ изъ лѣсу въ деревни вмѣсто игрушекъ дѣтямъ (Никольскъ).

Дятловникъ, кашникъ, Trifolium pratense, L. (Ник.).

Елшина, Alnus incaua, DC. (Ник.).

Желѣзный мохъ, желѣзнякъ, Polytrichum. Его спорангіи назыв. кукушкинъ ленъ. (Ник.).

Журавиха, журавлика—Oxycoccos palustris, Pers.

Запонки, Trollius europaeus, L. (дер. Кулова).

Заячья трава, Gnaphalium dioicum, L. (дер. Кулова).

Заячьи пушки, Eriophorum (Ник.).

Звѣробой, Hypericum (Ник.).

Земляничный цвѣтъ, какой-то продуктъ природы, находимый въ землѣ—употребляется отъ грыжи. (Ник.).

Земляной духъ, родъ паутины, находимый въ щеляхъ почвы, употребляется отъ порѣза, поруба, ранъ и пр. (Ник.).

Земляные орѣхи, клубни Equisetum'a (Ник.).

Золотая трава, золотуха, Thalictrum majus, Jacq. (Ник.). Такъ зовутъ потому, что листья растенія, облитыя водой, получаютъ блескъ. Употребляется отъ золотухи.

Кашникъ, Trifolium pratense, L. и arvense, L, (Ник.). Если бѣлый кашникъ (T. arvense, L.) положить на «Ивана и Купальницу» подъ росу, потомъ пить—не будетъ вередовъ.

Квашня, Campanula Cervicaria, L. Послѣ родинъ, чтобъ «золотникъ» не ходилъ, пьютъ наваръ въ водѣ. Нужно рвать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не слыхать пѣтушинаго пѣнія, потому что цѣлительная сила есть только въ такихъ экземплярахъ, которые выросли, не слыхавъ пѣтушинаго пѣнія (Ник.).

Кобылій счечъ, Rumex confertus, Will. (дер. Кулова и г. Устюгъ).

Колбочки, плодовыя шишки растенія Trollius europaeus, L., изъ которыхъ маленькія дѣвочки дѣлаютъ себѣ ожерелье (дер. Аксентьева, близь Никольска).

Колокольчики, Campanula patula, L, (Ник.) Красятъ нитки въ синій цвѣтъ.

Колѣшки, Cirsium (дер. Кулова).

Копытникъ, Alchemilla vulgaris, L. (Ник.).

Кошачьи м—ди, Geum rivale, R. (Ник.).

Кряковина, какое-то съѣдобное растеніе (Ник.).

Кукйшка, Chrisanthemum Leucanthemum, L. (Устюгъ).

Кукушкины дàры, Orchis latifolia, L. (Ник.) Дàрами вообще здѣсь зовутъ вещи, которыя во время свадьбы невѣста даритъ родственникамъ жениха, полотенца, вышитыя собственноручно, и т. п. Корень кукушкиныхъ дàровъ употребляется, какъ кантаридное средство; свойство это вѣроятно приписывается растенію по сходству его клубней съ testicul'ями.

Кукушкинъ ленъ, спорангіи Polytrichum'a (Ник.).

Купальница, Ranunculus acris, L, (Ник.).

Куриная слѣпота, Myosotis. L. (Ник.).

Изгонъ, Lycopodium (Ник.).

Лабазникъ, Spiraea Ulmaria, L. (Ник.).

Ладонка, Asarum europaeum, L. (Ник.). Женщины пьютъ отъ тйшинъ.

Лутошка, Tilia parvifolia, Ehrh.

Лѣсной хмѣль, Clematis Witalba, (Ник.).

Лягушечья кислица, Rumex confertus, Will. (дер. Кумбисеръ, около Никольска).

Мачишникъ, Tussilago Farfara, L, (по р. Іёнгишу). Прикладываютъ, чтобъ произвесть нарывъ.

Молосная трава, Asarum europaeum, L. (Ник.).

Одаленъ, около Тотьмы употребляется отъ грыжи.

Осота̀, Cirsium (Ник.).

Палочникъ или сѣянецъ, Phleum pratense, L. Сѣютъ на новины вмѣстѣ съ первой рожью, именно пригоршню на $1^1/_2$ пуда ржи. Въ 1-й годъ сжинаютъ вмѣстѣ съ рожью и просѣваютъ рѣшетомъ; въ теченіе 3-хъ лѣтъ, палочникъ разростается на новинѣ и его косятъ; на 4-й годъ появляется сорная трава.

Папороть; въ ночь на «Ивана и Купальницу» надо просидѣть подъ скатертью у этой травы; всѣ травы пробѣгутъ мимо и скажутъ, какая отъ какой болѣзни.

Перелой, Parnassia palustris, L. (Ник.).

Пику́шки (Ник.), пѣтушки (дер. Кулова) Galeopsis versicolor, L.

Пйстикъ, Equisetum (Ник.) Весенніе всходы ѣдятъ дѣти; по никольско-устюжскому тракту кладутъ ихъ со сметаной на пироги и пекутъ.

Подлѣсъ (Ник.), бранка (Ямбургск. у. Петерб. губ.), Pyrola rotundifolia, L. Пьютъ никольскія женщины, если помѣшаются «платныя».

Подлѣсникъ, Asarum europaem, L. (дер. Кулова).

Поленики, Rubus arcticus (Ник.).

Попы, Chrisanthemum Leucanthemum, L. Пьютъ отъ головной боли (Ник.). Кажется, и Taraxacum officinale, Knaut, называютъ здѣсь попами.

Сиверушникъ, Trollius europaeus, L. Дѣвицы нанизываютъ цвѣты на шею.

Синю́шки, ржаныя (въ отличіе отъ Polygala) синюшки, Centaurea Cianus, L. Употребляются для окраски нитокъ. (Ник.) Синюшки, Campanula patula, L. (дер. Кулова). Синюшки, Polygala (Ник.). Крынки моютъ.

Сорочьи глазки, Viola tricolor, L, (Ник).

Сосошникъ, Lonicera Xylosteum, L. Соски, плоды этого растенія (Ник.).

Сѣянецъ, Phleum pratense, L.

Тропникъ; это растеніе мнѣ не удалось видѣть; его даютъ отъ кашля лошадямъ съ овсомъ, овцамъ съ хлѣбомъ.

Умывальница. Lychnis flos-cuculi, L. (Ник.) Ею умываютъ коровъ послѣ родовъ вмѣстѣ съ листьями елшины, глушины и чистушки.

Уразная трава (Ник.), уразница (на р. Юзѣ), урочная трава (дер. Кулова); растеніе это я не видѣлъ. Въ Никольскѣ имъ лечатъ отъ уроковъ; въ деревнѣ Куловой съ дымомъ этой травы обходятъ отелившуюся корову.

Хмѣлекъ, шишечки (Ник.), хмѣль (дер. Кулова), Trifolium spadiceum, L. Этимъ растеніемъ моютъ крынки и коровъ окуриваютъ; дѣлаютъ припарку противъ змѣевика.

Христопродавка (Ник.), Христово копье (дер. Кулова), Aconitum septentrionale, Kölle. Въ Никольскѣ говорятъ, что названіе этого растенія основано на формѣ листа (многодольнаго съ разрѣзными долями), будто истыканнаго или изорваннаго копьемъ, которымъ жиды кололи Христа, спрятавшагося подъ листьями этого растенія. Въ деревнѣ Куловой находятъ истыканнымъ не листъ, а корень этого растенія.

Чистуха, чистушка, Betula alba, L., разновидность въ листьяхъ, у которыхъ нижняя поверхность гладкая (Ник.).

Гр. Потанинъ.

Конецъ.

ОТДѢЛЪ II.

Сборникъ Панаіота Дьиновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ).

(пѣсни, обычаи и разный мелкій матеріалъ).

(Продолженіе).

14. Свадбени адети.

Свадбени-ве адети се разделени на три одсека. Во први-ов одсек се опишани тие адети, що се пред свадба, во други-ов—свадбы-та, а во тређи-ов тие адети, що се по свадба после.

Адети пред свадба.

а) Вршење (вршитба, проситба, завршување, договарање).

Татко му на тея момче, що порасло за женење, заедно со си-те куђни му избират девойка. Му кажувает и на момче-то, коя девойка му избирает за вршење. Потея, по опщо-то нифно согласување, татко му сам одит или праћат некого од женати-те свои сынови или некой други свой роднина, що је кадар да я свршит тая «работа», «вършење-то» т. е. да я свршит (испросит) тая девойка, що я избрале. Пратеник-от се викат «стройник» [1]). Стройник-от еднуш пойдуват тамо, и го прошат татко е на девойка-та. Тай му велит тога: «да се допрашаме».

Татко е на девойка-та се допрашуват со куђни-те свои [2]), да я дает девойка-та воде-що им я сакает (просит) или не. Девойка-то я прашает браћа е (или сестры е по-стари, мажены), дека се страмит ад татка си и майка си. Тая ако неђет, да я даст воде-що я сакат, или велит: «неђу». А ако сакат, мълчит т. е. не им одговарат никако, дека я страм да им речет «сакам.» [3]). И таке ђа се научит браћа е и ђа кажет на татко си, сакат или неђет девойка-та.

На второ-то прашање му кажувает на стройник-от: «я даваме девойка-та или не» [4]). Ако не я давает, стройник-от веђе не се повраћат, тако ђа си тражит друга девойка. А ако я давает, тога му кажувает, во кой ден да дает, да я вързет риза-та.

Во одредени-от ден стройник-от го земат со себе нишан-от (той је едно

[1]) Понекогаш и жена биндуват «стройница»; [2]) се допрашуват и со надворни по-свои родниње; [3]) ретко коя девойка се престрамуват да речет на браћа си «сака». [4]) Ако неђет девойка-та, со сила нея давает; ама никогаш не кажувает, неђет девойка-та затех не я даваме, токо велит не я даваме, не маме сега време...

ризниче и во него вързан еден алтин-златица) и одит тамо. Седнувает в чардак на постељи заедно со стройник-от и татко е на девойка-та и други негови роднинье. Пред ними куЋни-те ставувает софра, а на нея клавает една погача, особито за тога месена, и над нея едно калениче (пьлно) со суво гройзе. Тога стройник-от го изваЂат од пазува нишан-от и го клават на леб-от. Татка-то девойкин го земат нишан-от, го погледуват (го погледувает си-те седнати) и тойчас го праЋат на девойка-та, коя је в клет заедно со нейзины-те другачки-девойки. А куЋни-те донесувает на софра една риза и во нея вързувает еден косай лебец, земен од среде од погача-та, неколку зърница пченични, неколку зърница од суво-то гройзе, едно строче босилек непресаден со и корен и едно строче расат непресаден, и я давает на стройник от.

Потея донесувает на софра ракия и мезиня. На пијење ракия-та го честитит вршење-то; потея се напивает и кафе. После си стануват стройник-от и си пойдуват у момче-то.

Кога Ћа дојет стройник-от у момче-то, я дават риза-та на татка му и я чувает в ковчег. По тея седнувает на постеља стройник-от, татко му на момче-то и си-те нифни по-свои роднинье, що, по нифни позив, дошле на честитење вършење-то (вършитба). КуЋни-те ставувает пред ними софра и на нея клавает секакви мезиня и ракия. Еден од куЋни-те тойчас одит да му кажет на поп-от, да запишит, во кой ден је сторено вршење-то. Тога зафаЋает да фрлает «пушки», за да го огласит вършење-то. На овея пушечно огласување идет на честитење вршитба-та си-те нифни роднинье, комшии и пріятели. На пиење ракія-та давает секаквы кусы (кратки) молитвы—здравицы. А откако Ћа се напиет кафе, после се одит секой дома. А понекой од найсвои-те роднинье останува и за ручек.

Одтога дур до свадба-та момче-то свршено се викат «свршеник» *), а девойка-та «свршѐница».

Приказ. 1) Момче то немат време (ни пак му је пристойно), само да избират девойка, дека кога се берет оро зиме, тея не је дома, тока је на туЂина; а пак лете, кога је дома тея, немает ора. За те му избирает девойка майка му, сестры му и снои му. И по той ред татко допрашуват со куЋни-те си и му избират девойка. 2) Вршење бидуват во овие два месеца, во Іунія и Іулия, и ретко за други месец. Време од вршење до свадба бидуват за една година или за две. Затея стройник-от и татко е на девойка-та се уговарает за една-ли или за две годины я вршит девойка-то. 3) Стройник од старо-славенски глагол строю, иш, ит (два глагол у нас је заменат со глаголи-те прав-а-иш,-ит правит договор; врш-а-ши, ит). 4). Прва-ов поть празна риза не се праЋат, не фелат; зате во нея клавает леб и пченица—за късмет, босилек и расад-за плодност; непресадени (т. е. непреместени одкаде що порасле)—да не овдовет и да се не премножуват или да се не преместуват од една куЋа в друга; гройзе за да имает милос мож-от и невеста-та. 5) Со запишување ден-от на вршење-то, ево какав ред имаме, за да немат кавга: како-що се со ред запишани вршидби-те, таке со ред се венчавает (во еден ден), и тако со ред се фаЋает на оро млады-те невесты. 6) По вършење-то после, роднинье-то девойкины свршеник-от го викает «зету» (4 пад. зет), татко му-«свату» (сват), майка му-«сваЋе» (4 пад. сваЋа), брата му по-стар-«свату» а помал-«сватче»; а цели-от му род «сватошчина». А пак на зет-от татко е на девойка-та му е «тост» (или «дедо»), майка е «тошча» (или «баба»); брат е «шура» (или «шуреви» мн.), сестра е «свеска» (или «свески» мн). Таке и татко му на зет-от и си-те му роднинье татка е на девойка-та го викает «свату» (4 пад.), майка е «сваЋе», а си-от рад нейзин «сватошчина».

б) Со живо стребро.

По седом-осом дни по вршење-то после куЋни-то од свршеник-от невесты, девойки и деца пратени од по-стари-те одит у свршеница-та, и је носит една опща куЋна

---

*) Свршеник=вјереник, заручник, обручник; свршеница=вјереница, заручница, обручница (армòсаник, армосаница по грчки).

праћаница т. е. еден алтин и едно ризинче и други куһни праћаницы пары (закачени на ябълка или на цвеће). Тога е носит на свршеница-та и малу живо стребро во едно цевче или шишуле. За те овея одење се викат одење со живо стребро. (Свршеница-та овея живо-стребро го носит край себе, за да я не фаћат маћия). Тие кога дойдувает у свршеница-та, одит в клет коде нея, тамо тие, и се здраувает со нея, и я дарувает пары; а праћаницы-те ѝ давает на никоя жена од куһни-те. А пак мајка је от свршеница-то им давает дарови: на свекор-от и девери-те по една риза бела, на свекрва-та дарина кифчена, а на други-те по едно ризинче шарено. Тога тие не ручает у свершеница-та, токо и пречекувает саде со мезе. И по тея кинисувает и се дойдувает дома. Дарови-те пратени од девойкина роднина и давает на свекрва-та, а тая и раздават на куһни-те, кому како що се пратени.

Забел. Од неколику години овамо зафатие живо-то стребро да го не носит после, токо го носит стройник-от на вршење-то, за да им не одит арч (трошак) на обе-та сватошчиње.

в) Мућулок или довршување.

Мушулци правиме на Голома Богородица (15 Авг.) или на Мала (8 Септ.).

На Голема Богородица на утро у момче-то донесувает по една праћаница (подарок) ад секоя нифна роднина—татковн му и майкини му, що я праћает на девойка-та свршена. Праћаница-та је еден алтин (у рубия или поголем) и други стребрени пары *), закачени на круши или на ябълко или нанижани на китче цвеће. А куһни-те од момче-то си уготвувает една куһна праћаница од си-те куһни т. е. од свекор-от, од свекрва-та и од девери-те **). Косит и прстен или три алтини во едно убаво ризинче врзани, за на девойка-та. Си-те праћаници збрани во едно торба и носит йотрва е на свршеница-та.

Потея браћа му и снои му на момче-то и неколку други най-свои роднинье кинисувает да одит у девойка-та. Овея одење се викат одење по ризи (или на довршување). Напрет одит деца-та, по нимн можи-те, а по нимн девойки-те и невести-те. Кога ћа поет у девойка-та, домашни-те и пречекувает во двор; можи-те и деца-та се качувает на чардак и седнувает на софра, а жени-те и девойки-те одит в клет при девойка-та свршена. Край нея се набрани нейзини-те по-свои роднинье, невесты и девойки другачки *). Тамо тая, що и носила пратаницы-те и дават на снова е на девойка-то си-ты праћаницы со ред, кажуваеһи е по име, коя чия је. Потея девойки-те састанувает у клет **), а невесты-те се качувает на чардак и седнувает на софра, коде можи-те си. Тога го клавает прстен-от (т. е. тие алтин со ризинче-то) на софра на еден леб (на чело). Него го земат од леб-от татко е на девойка-то (А во некои сего и праћаницы-те и давает на софра, а не в клет). Потея зафаћает, да пиет ракия и да ручает. По ручек невесты-те и деца-та слегает в клет, да се здравувает со девойка-та свршена. Невесты-те и девойки-те се бацувает (здраувает, целивает) со нея уста со уста, а деца-та здравуват въ образ. Тога тие (невесты-те, девойки-та и деца-та) я дарувает девойка-та свршена со пары *). А татко е на девойка-та уготвуват дарови за се-та роднина (куһни и надворни). Дарови се на можи-те по една риза бела (марама), на жены-те по една дарина кивчена (т. е. со киски), а на девойки-те и деца-та по едно ризинче шарено. Дарови-те и давает на тая, що и донесли.

Потея се кинисувает можи-те и жены-те и си дойдувает дома, пак таке суредени, како що оделе. Праћаницы-те и е кажувает кой дар кому је праћен.

---

*) Крстачиня, диреклнвчиня (шпањолски), цванци и други. **) йетрви-те и золвы-те, и деверчиня-та, тие сами си я дарувает свршеница-та в клет. А той дар, що я праћат, се викат праћаница.

*) Другачки-те пеет песны в клет на свршеница-та. **) Девойки-те т. е. золвы-те ручале в клет, деки се срамит да одит на софра в чардак.

*) Свршеница-та я струват дарина та си одспреди, за да е се не гледает лицо-то, и стоит в ћоше во темно место.

Кога си дойдувает дома у момче-то, дарови те (и неколку ябълка од роднина-та девойкина т. е. од татко е, майка е и браћа е, од си-те общо праћени до си те кућни у момче-то и до надворни по едно ябълко; а на секое ябълко закачени по една-две-три пары старски за поздрав) и и давает на свекрва-та.

Потея татко му од момче-то праћает една зовачка невеста, придружена со едно дете, да и позовет си-те свои роднинье, да доет на гости на вечера. Тая и зовет роднинье-то со здравица (карта, пълна со вино), кога пойдуват у некоя роднина, првин го послужуват со здравица-та домаћин-от велеећи: «Ви чинеје здраво и живо од дома, да доете на гости». После и послужуват и други-те со ред зовачка-та и позовуват си-те роднинье.

Домаћин-от я земат здравица-та и првин дават неколку кусы молитвы—здравицы, а после се напиват од вино-то.

Татко му на момче-то уготвуват, колку що может, добра вечера. Овая вечера се викат мўщулок. Потея си-те позвани роднинье дойдувает на гости, на вечера у татка му на момче-то свршено. На вечера-та идет, пиет и пеѣт песны, се веселит. На довечеруванье *) и давает на гости-те дарови-те, пратени од татка е на девойка-та свршена. А по вечера после си одит секои дома. По овея довршуванье после свршеница-та се кријет од се-те свршеникови роднинье. Име-то на свршеник-от не го споменат; такођере и си-те иминя од кућни-те на свршеник-от не и споменат.

Приказ 1. Напремени-те дарови що и даруваје девойки-те и деца-та од зетова роднина се викаје лешници. Лешник—мунизда од секаква боя и нижани на конци копренени на различни облици, и спроти облик-от си имае особити иминя. По негде-годе на лешник-от имаје нанижани и старски пары стребрени. Овије лешници дарови, що и нижеше свршеница та сега се заменати со ризинчиня, поради забава-та на нижење-то им; в наше село Галичник се оставени на 1861 год.

2. Напред по ризи одиле многина у девойка та и ручале; а сега одит по-малцина, и по-веће-то не ручает (токо саде со ракия и кафе и пречекувает), а помалцина ручает (т. е. у богати-те).

г) С костени.

Есени, кога си одит можи на туђина, давает на кућни-те си подароци-пары. Зате татко му на свршеник-от, кога си одит на туђина, остават на кућни-те си еден алтин-злaтица, да го однесет на свршеница-та. Кућни-те од свршеник-от той дар (заедно со други праћаници и едно ризинче) го носит на свршеница-та на митров-ден (или в други празник). Тога е носит на свршеница-та костење; за те овея одење се викат одење с костени.

Далѣе нѣтъ больше систематическаго описанія свадебнаго обряда, записаннаго рукою Панайота Диновскаго, и оно остается такимъ образомъ неоконченнымъ, а можетъ быть, только затеряннымъ, такъ какъ есть еще нѣсколько отрывковъ, относящихся къ тому же обряду и пополняющихъ его, которые и сообщаемъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ нашли ихъ на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги.

На одномъ изъ нихъ, очень маленькомъ, находимъ перечисленіе главныхъ отдѣловъ свадебнаго обряда: 1) Вършенѣ; 2) Со живо стребро; 3) по ризи (мущулок); 4) съ костенѣ; 5) на Водицы; 6) на Летникъ (со мъляк) 7) на Великъ-день со

---

*) Пред неколку години на довечеруванье кућни-те донесувает на софра еден леб, на кого фрљае пары татко му на свршеник-от и си-те гости со ред. Овие пары и давае на стройник-от (ако не беше кућен, токо надворен, роднина или пријатељ), као награда за вршење-то. А сега овя адет је скусен т. е. леб не извађает. А татко му на свршеник-от, может пак, да му дават мушчулок (награда) на стройникъ-от на само.

цървено яйце; 8) со Гройзе; 9) на Строй; 10) Сватови (Видуванѣ); 12) по венчанѣ на Саборъ (Панађуръ), 13) Поклонари; 14) Замесуванѣ; 15) на Првиче». 11-я статья пропущена или, можетъ быть, къ ней относится: «на соборъ». Затѣмъ туда-же относятся слѣдующія статьи:

«Мущулция-та (стар пабратим) од зет-от земат во една торба една карта пълна со вино, кога ћа доет у девойка-та, ћа им я доет торба-та со сѐ карта, тие ћа го претурит тея вино и ћа му я напълнит карта-та со нифно вино; ћа му клает во торба-та и едно сомунче лебец и една плешко со се месо и му я давает назат на мущулция-то; го дарувает со една риза бела, коя я врзувает на грива-та на конь-от и се враћат назат во сватови си.

Пропускаемъ вышеприведенное перечисленіе обрядовыхъ статей, за которымъ слѣдуетъ статья: «строй, стройци, напрстен я изваћает девойка-та брат е и сиђе е оваке: им бацуват роки на си-те стройцы со ред; после се враћат на чело свекор-от и дават чаша пълна со вино; тая првин му целиват рока, потея я земат чаша-та; пак му целиват рока и му я дават чаша-та; тога свекор-от го клават прстен-от (алтин) во чаша-та, коя я земат брат е девойкин. Потея слегает девойка в клет. После во двор на одење девойка-та им туруват вода на си-те; после им целиват рока на си-те со ред, а тие я даруват пара по свои-те и целиват и в образ. После тая го поведуват конь-от; после му целиват рока, а тай я даруват пак и се враћат».

д.

Еще одинъ листокъ съ такимъ заглавіемъ: «за настрой що носит свекор-отъ». «лебови три:

1) Еден колач т. е. чисъ леб киснат.
2) Една пресна погача и
3) Еден леб чисъ киснат.
4) Пафти со се колан-от.
5) Игла стребрна за на глава.
6) Прстен.
7) Чегли чисти едно рало.
8) Сапун еден калап (во чегли-те).
9) Огледало и 10. Чешель.
11) Коприна до 5 драма.
12) Дарпна една некифчена.
13) Концы за дарпна ленени до 20 драма.
14) Суво гройзе до 100 драма, измешано со леблебіи.
15) Орисъ до 1 ока.
16) Една рыба (охридска) до една ока.
17) Една карта, пълна со вино, кое ћа го испіет на строй и после пак ћа гим я напълнит.
18) Едно бардаче со ракія пълно, после ћа го послужит.
19) Свитки едно рало.
20) Ризинче.

Стройцы-те, одкако ћа седнет на софра, наипрво ћа и извадит лебови-те ћа и клает на софра; прво леб-от, над него колач-от. На колач-от ћа и наредит овіе шеови; и одкако ћа и видит да се-те токмо, ћа я кршит пресна-та погача свекрови оваке, над нея ћа клает една риза бела и ћа я фатит двоица (еден юнакова роднина, седееќи; другі-от девойкина роднина на нози) и ћа я кршит на две половины, ћа се претекнет тіе двоица кршачи-те, секои да земет поголем дель.... гледает ђе и кои ћа земет поголем дель, тамо ћа поет повеќе кысмет; свекрова-та половина од пресна-та погача ћа я искършит на мала парчиня, и ћа я раздает по софра на стройцы-те; а половина-та од девойка-та ћа я однесет в клет код девойка-та заедно со колач-от и други-те шеови. Бела-та риза над погача-та ћа си я земет свекор-от назад; леб-от свекров ћа оставит на софра, туе ћо и ядет; я колач-от и половина-та пресна погача ћа и

искршиш в клед, и ћа и раздает на девойки-те. Гроизе-то и ориз-от и риба-та ю давает на девойки-те за вечера.

Татко е од девойка-та ћа извадит дарови и ћа и дарyват стройцы-те (дарпиите, ризи, скутанчине).

Одкако ћа се наядет стройцы-те, ћа я изводит девойка-та на прстен, да бацуват рока на стройцы-те, а да я дарувает тога. Одкако ћа бацит рока па си-те, девойката ћа му бацит рока и ћа му дает чаша, пълна со вино. Свекор-от ћа се напиват од тея вино, токо ћа я клает чаша-та на софра и ћа клает во чаша-та тея, що ћа я даруват девойка-та т. е. жълтицы од него и од си-те куħни. После ћа им я дает чаша-та пълна и ћа и земет браħа е од девойка-та, ћа се напіет од вино-то и ћа видит, що я дарувале. После девойка-та ћа си поет в клет со другачки-те си; после ћа слезет жены-те од стройцы-те, ћа поет в клет коде девойка-та и тамо ћа я дарувает. И веħе горе не се кажувает, токо туе ћа чекает, да слезет стройцы.

После ћа стройцы-те слезет долу во двор и тамо девойка-та им туриг вода на си-те мошки; после ћа им бацит рока на си-те стройцы со ред, найпрво од свекор-от, и секой ћа я даруват. Одкако ћа им бацит рока на си-те, ћа го поведет конь-от од свакор-от и ћа я даруват пак.

Не извѣстно, куда слѣдуетъ отнести еще прибавку на томъ-же листкѣ, но, по видимому, въ другое мѣсто, начало котораго здѣсь пропущено:

«Сваħа-та я носит кога одит сватови, и тая ћа я оставит у девойка-та; а од девойка-то ћа им вратит назад друга сваħа. У девойка-та я пеет сваħа-та тая вечер, кога ћа я спратит девойка-та. А у лет-от я пеет сваħа-та, кога ћа го затворает со невеста-та».

Очевидно, это относится къ послѣднему акту свадьбы; а между тѣмъ по выше приведенному перечисленію обрядовъ не достаетъ нѣсколькихъ актовъ; и между прочимъ имѣется и еще отрывокъ, относящійся къ пропущенному.

«А пак 1. Кога ћа приближит невеста-та во двор-от од куħа-та од момче-то, девойки-те и невесты-те (песнопойки) ћа е и пеѣт овіе песны:

Да мори туħа туђинке
Да що за рана доиде?...
Добор ти вечер свекърво!...
Слези яно од барзего коня....

2. Кога ћа донет невеста-та во двор (од куħа-та од момче-то), свекрва-та ћа излезет на врата да я пречекат со пищоли (од зет-от) на поясь и со сито на глава, а во него леб чис, и ћа седнет на врата-та од куħа-та, и вино в едно котле.

3. Кога ћа я донесет невеста-та во двор (од момче-то), ћа го запрет конь-от що го яват тая. Тога старый-от побратимъ ћа го донесет фесъ-от од зет-от и узда-та од конь-от од зет-от: со една-та рока, ћа е го клает фес-от на глава, а со друга-та рока ћа я на врат и узда-та на глава е. А тая я климат глава-та, и ћа не остават да е и клает на глава фес-от и узда-та.

4. После ћа я слезет од конь-от, ћа я застоиг на земи и ћа я фатит за една-та рока (под рамо) девер е, а за друга-та рока старый-от побратим, ћа я водит и ћа я однесет въ куħи. Кога ћа доет до врата-та, свекърва-та станет и ћа одит пред нея, и ћа го клает сито-то в мешарка. А кога ћа доет до врата, првин со десна-та нога ћа пречекорат (sic) (прекорачит) в праг, да да е одит работа та на десно. Невеста-та кога ћа е данесет в куħи, првинъ ћа я буцнет со глава-та од кот-от, а после и од синџир (що е над огнище-то).

5. После ћа е однесет до **мешарка** и найпрво ћа засеѣт малу брашно чисто со сито-то, а потея ћа на леб-от (що был во сито-то) ћа засучет (ђоа сучет печиво) со сукалька. И дур засеюват и засучуват невеста-та, други-те ћа е пеѣт овая песна:

Умеяла невеста-та
Погача да месит....

6. По тея ћа е дает на невеста-та едно котле бело, пълно со вино, и ћа и послужит со ред си-те роднине од момче-то: найпрво кум-от, после деда си (ако имат),

после свекра си, девери си и други роднинье. После баба си, свекрва си, стрины си, јотрвы си (що се постары од зет-от и се можены) и други роднинье. Дур да и служит невеста-та, други-те ћа и пеѓ овая песна:

Умеяла невеста-та
Кум-от да послужит...

И еще маленькая замѣтка:

«Во понеделник, среда и петок негледает од куќа девойка-та, за те во овіе три дни сватови не одит».

III.

Мелкій географическо-топографическій матеріалъ.

1.

Мала и Голема Река или Долна Река и Горна Река.

Местоположеніе.

Секой град е средиште од некольку села, кои су под негова управа владаеть. Зате и я, земаеќи нашіот градъ Деборъ за средна точка, првинъ за него ћа спомна. Деборъ е допренъ до западна-та пола од планина Кърчинъ (Корчинъ), коя мърва нещо коне югоистокъ од нега снизуват до река Радика. Од Деборъ кольку полъ саатъ конъ юго-истокъ на Радика имать еденъ мостъ саде од камень (со ќемери), кой се наречуватъ Гореничкн мостъ (по име-то од едно село Гаренице, кое не се броит во мала Река, а е преку левіотъ брегъ од Радика, под планина Стогово, од нея конъ юго-западъ). Гореничкн-мостъ е найзгодно место за чуванье, той е врата на Мала Река, защо туе найтесно место-то меѓу две-те планинье—Кърчинъ и Стогово, од кои прва-та е конъ северъ, а втора-то конъ югъ. А меѓу нимн од истокъ конъ запад течет Радика, коя 2 саати под Гореничкн мостъ се мешатъ во десніотъ брегъ од река Дринъ (црн Дрин) *). Линія-та од површнина, како зафаќат од западнін-отъ край од Крчинъ над Гореничкн-мостъ или над село Раичица (Радичица), кое е допрено до юго-западна-та пола од Крчинъ и не се бронтъ во Мала Река,—кольку два саата одит конъ истокъ, до вървотъ, що е над село Скудринье. После линія-та од Крчинъ завршуват конъ северъ и одит до 5—6 саати. Южна-та страна (ми се чини, докаде държит Мала Река) од тая линія пакъ се викатъ Кърчинъ, а северна-та добиват друго име Корабъ. Корабъ се зафаќат со западні-отъ край од Шаръ-планина. По народно предаванье ѓоа овая планина од кораб-отъ Ноев, що пливалъ над вода-та од всемірні-отъ потопъ добила овіе две иминьа Кърчинъ и Корап, ѓоа кораб-от Ноев се добошналъ до некой върфъ од овая планина и кърцналъ, зате е завикана Крчинъ; а кон север на други върфъ по-високъ се допрелъ кораб-отъ Ноевъ и се скършилъ; зате е завикана кораб, да ѓоа и сега, коде кораб се наоделе бруќе големи, со кои былъ кован кораб-от Ноев. Но овея преданіе не зно, аль е за верування? Овая северо-западна-то граница (пределъ, межникъ турски синоръ од Мала Река и Голема Река.

Сеги ћа зафата за южна-та граница саде од Мала-Река. Западні-отъ край од Стогово, кой зафаќат од Гореничкн-мостъ, одит конъ истокъ кольку два саати, еднаква (паралелно) спроти Кърчинъ до вървот, що е над село Могорче, кое паѓат конъ югъ спроти село Скудринье. (Саде тая разлика-та, що ширина-та од теснина-та, що е меѓу Кърчинъ и Стогово над Гореничкн-мостъ кольку повеќе одитъ конъ истокъ, тольку мърва по мърва се поотваратъ, ама не многу). После линія-та од повърхнина-та од

*) Быдеќи е найзгодно за чуванье коде, Гореничкн-мостъ, зате и близу до него на десні-отъ брегъ од Радика имат кула, во коя сежогашъ седитъ некольку сеймени за чуванье.

Стогово завршувать конъ югъ и заминуват со источны-те ветки конъ градъ Кичава, а со южни-те ветки конъ градъ Офит (Охридъ, О'рид). Овая е южна-та граница од Мала Река.

Источна-та страна од Мала Река и Голема Река я зафаћат наша-та планина Быстра, коя со южна-та своя страна се здруживат со Стогово, а со северо-источна-та ветка своя, коя се викат Лаиница, се зафаћат со Шаръ.

Быстра со северно-источніот край свой се зафаћатъ со едно подгорье со южна-та страна од Шаръ-планина-Тея подгорье, кое е понпско од Шаръ и Быстро, кое е надължына (віс) од северъ конъ истокъ со северні-отъ край свой се зафаћатъ со Шаръ меѓу две села Върбенъ и Дуфъ, од кои прво-то се броитъ во Голема Река, а друго-то во Гостиварска околина и е од сите други села найвысоко, дури горе во Шаръ. А со южні-отъ край (тея подгорье) зафаћат со Быстра. Тея подгорье се викатъ Лаиница (арнаутски-Лаинйцъ) и е обрастено со букови дърва. Лаиница (ми сечинит) е граница А(л)банія и Македонія, од кои прва-та е конъ западъ, а друга-та е конъ истокъ. Воѓе-то що слегаетъ од Лаиница, що течет конъ западъ, одитъ во Радика, коя се мешат во Дримъ; а воѓе-то од Лаиница що течетъ конъ истокъ, одитъ во Вардаръ, кой е найголема река во Македонія. И таке извор-от (источникъ) од река Вардаръ е еденъ саатъ (и полъ) под Лаиница, коде що се здружуватъ со Стогово на югъ од село Лазарополе, кое се броит во Мала Река.

Една ветка планина (коя незно, како я викает) со свой-отъ западни край се допиратъ до источна-та пола од Быстра, меѓу два градови-Гостиваръ и Кичаво, од кои прві-отъ е конъ северъ од нея, а другі-от е конъ югъ, и таке тая планина одит конъ истокъ, близу до Скопѣ. Тая е надвор од граница-та од Мала Река, ама я спомена, дека е допрена до Быстра.

И таке, пощо й забележифъ естественыте граници од Мала Река и Голема, кои се ограничени со планины-то Кърчинъ, Корабъ, Шаръ, Лаиница, Бистра и Стогово, кои правит две корито, од кои северно-то корито зафаћат од Лаиница од воѓе-то, що се берет во Мавроско-поле. И коде мавроски анови во една теснина правят една река мала, Мавроска-река, коя неколку саати удолу се мешат со десні-отъ брегъ од Радика и го губит име-то свое. Одтуе зафаћат Радика, да се чинит поголема, кольку одитъ надолу. Тая теснина (дервенъ), що е меѓу Быстра и Корабъ, из коя течет Мавроска—река и Радика, од Мавроски-анови удолу до села-та Сенце и Жерноница се викатъ Баричъ. Овея корито се наречуват Голема-река; а друго-то корито, кое е покусо, се берет од речица-та, що слегаетъ од юго-западни-те долови од Быстра и северо-источни-те долови од Стогово, кой правит една река не мошне голема, коя иматъ мостъ од камень (Сушички-мостъ) долу под селата Сушица и Могорче. Овея корито се наречуватъ Мала Река, коя не се ограничуват саде од тея карито, тако зафаћат уще угоре по Радика до села-та. Од Гаренички-мостъ угоре по Радика, до коде държитъ Мала-Река, можетъ да имает до 5—6 саати потъ; одкаде зафаћат Голема-Река до Мавроски—анови, докоде държит Баричъ, можетъ да иматъ до... саати.

И таке пощо забележиф за место-то, докоде зафаћат Мала-Река и Голема (Велья), да од Горенички-мостъ една линія умна забележена какъ истокъ, коя се броит южна граница, и пакъ од той мостъ друга линія умно претерана (по върбови-ти од Кърчинъ, Корабъ и Шаръ), коя одитъ неколку конъ истокъ, после завъртуватъ конъ северъ, а найпосле завъртуватъ конъ истокъ. Се-то тея место го зафаћат Мала-Река и Голема, кои друга линія од северъ конъ югъ, умно претерана од Шаръ преко Лаиница и Быстра, допиратъ до Стогово и граничит со Гостиваръ и Кичава.

Овде не е забележена се-та Деборска околина, токо саде од коде държитъ Мала Река и Голема. За други-те села, що се во Деборка околина, що се од Кърчинъ и Корабъ конъ западъ и од Стогово конъ юго западъ, пощо не ми се убаво познати, за те не спомене за нихъ; а саде ћа и спомна тіе села, що паћаетъ во Мала-Река и Голема, за кои идетъ моя-та речь.

2.

Iозикъ и руфетъ и вера.

Во Мала-Река се зборветъ міячки јозикъ, него го зборвет и Турцы, и Рисяни; а во Голема Р. се зборветъ арнаутски јозикъ, ама спроти другія-от јозикъ арнаутски (шкипетарски), реканскі-отъ јозикъ арнаутски е по-дебель и мешанъ со міячки. А во сега-та, що се на юго-источна страна во Горна-Река повеће зборoветъ міячки, отколи арнаутски. Во Беличица и Киченица се изговараетъ оба-та јозика міячки и арнаутски; ама повеће го изговарает.... јозикъ отколи.... А во Маврово, Ниħорово и Леуново работат саде міячки јозикъ, саде по-дебело го изговарает.

Во Мала-Река носиме міячки руфетъ и Турцы, и Рисяни. Мошкі-отъ руфетъ, що го носитъ Турцы-те во Мала-Река, ирва делитъ од рисянскі-отъ руветъ. А жены-те турски го имаетъ изменатъ руфет-отъ, не носитъ, како рисянски-те жены. И во Голема-Река малу разлика имать мошкіотъ руфетъ, отколи руфет-отъ мошки во Мала Р. А жены-те во Голема Р. и турски, и рисянски еднаков руфетъ носитъ, и делитъ од руфет-отъ що го носитъ жены-те во Мала-Река, кой се наречуватъ міячки руфетъ.

Турцы имаетъ и во Мала-Река и во Голема Р.; пак таке рисяни имаетъ и во Мала Р. и во Голема.

3.

Села во Мала-Река.

Села-та, що се во Мала Река, едни се саде рисянски, други се саде турски; а треħи се мешани и Турци, и Рисяни.

Во Мала Р. се бројит си-те села...; од нифъ сега се надесно од десні-отъ брегъ од Радика, по край юго-источна-та пола од Кърчинъ; а други-те села се налевіотъ брегъ од Радика, од кои 4 (саати?) се до Стогово; а други-то......се по край Быстра.

Я ħа и зафата од Горенички-мостъ на горе конъ истокъ, како що су суредени, да и изброя:

1. Мелничаны. Пощо ħа кинисатъ човекъ од Горенички-мостъ да одит на горе по край леві-отъ брегъ од река Радика найпрво село ħа го стретитъ Мельничаны, кое од Горенички-мостъ до него можетъ, да имат саатъ. Мельничаны е сего саде рисянско и е над пот, кольку 20 мин. далечина, допрено до северо-западна-та пола од планина Стогово. Тея су едно село на две мàала, кои се разделени од 15 минуты далечина. Долно-то мàала се викат Дълно Мелничани, а горно-то—Горно Мелничаны Църкви имать две, една во горно-то маало, а друга во дълно-то. Попъ селски немаетъ а имъ идеть од град (Деборъ) (До сега имъ попувалъ попъ Бого, а сега имъ попуватъ попъ.... Овея село е сада рисянско).

Во Мелничаны растетъ секакво жито: пченица, аршъ, пченька, јочменъ и овесъ. Лойза имаетъ, щако тольку убаво не се испечуват гройзе-то, како по други места. Плодна дърва имает: муринки (накисела црницы, кои по турски се викает шамъдутларъ), ябълка секакви; круши од шесь родови, од кои три-те родови се найубави: а. водницы—найуб(овъ) и се и найлесни за смелюванѣ, кога ħа я клаешъ в' усти ħа се стопит еден-часъ; б. виненицы, що се клаваеть в турші̂я во благо-вино со синапъ и стоитъ 'со зима; в. кайкушки, кои не се многу големи, ама траетъ 'со зима, и одкако ħа смекнетъ, ħа се сторитъ, како смокви. Мелнички круши кайкушки се найубави од други и найводливи. Овея село е до Стогово и е на леві-отъ брегъ од Радика.

2. Косоврасты. Од Мельничаны по-горе кольку 45 минуты, близу до Радика, ама конъ десні-отъ брегъ е село Косоврасты, кое е мѣшано и Турцы, и Рисяни. Под Косоврасты на Радика имать мостъ дървенъ—Косоврашки-мостъ, ама Радика го удави есенеска (1879 г.). И Косоврасты е едно село и две маала, едно-то близу до Радика-Дълно-Косоврасты, а друго-то по-горе-Горно-К.

Од под Мелничаны пощо ћа поодит на горе по край леві-от брег од Радика, кольку.... минуты, ћа дешъ до Косовратски-мостъ, и пощо го преминеш преку нега на десні-ог брег од Радика, ћа деш под село Косоврасты, кое е близу до десні-от брег од Радика, а допрено е до южна-та пола од Кърчин. Две маале од село-то се далеку едно од другога до.... мин. Цьрковь една во дълно-то маало. Поп напред имае в село, а сего немаеть поп в село, токо им идет од град (Дебор). Жены-те рисянски в Дълно-К. носит мiячки руфет, а жены-те рис. во Горно-К. носит польски руфет. т. е. како що носит тiе села, що се од Дебор удолу, в поле. Царска-та даваниња (вергiя) во Дълно К. си я берет особно, а во Горно-особно, не я мешает.

Косоврасты имать лойза, и гройзе-то убаво се испечуват (узреюват). Малу нещо од Дълно-К. по долу (кон запад) имать Баня (минерална вода, що извират горећа вода, коя мирисат на запален ћуђурт, сѣра и е лекови то, и се викат Косоврашка-баня.

3. Скудринье. Од Косоврасти ћа пбодишъ кольку еденъ саатъ и полъ на горе, по край десніотъ брегъ од Радика, ћа доешъ до Скудринска-леса (дървенъ мостъ на Радика). Од главні-отъ друмъ коде Скудринска-леса од лево се делитъ поть-отъ на преку и на горе, по кого се одит во село Скудринье, за полъ-саатъ.

И таке Скудринье е конъ леві-отъ брегъ од Радика до Кърчинг и е саде турско село, кое имать џамiя и можетъ да имать до 150 куђи. Скудринцы имаетъ векотъ нивье, а лойза по-мърва, и имаетъ плодны дърва, од кои най-многу се костенье и некольку ореви.

На Скудринска-леса е угодно место за чуваѣ, защо туе е поть-етъ, ще се заминуватъ из Скудринье преку Кърчинъ, кога поминуваетъ арамiя и неђеть да поминетъ на Горенички мостъ.

Од Скудринье кольку полъ саатъ на горе и конъ северъ на еденъ ридъ се гледатъ нещо, како развалинье, за кои по преданiе велитъ, да было туе во старо време твърдина (крѣпость), коя велитъ да была Дамянова, од коде се повельяла Мала Река и Голема.

4. Могорче (же огорчи или огорчи мя; кого-ли огорчило?) Од Косоврашки-мость пощо ћа киннсат човек потемъ на горе по край леві-отъ брег од Радика, во еденъ саат ћа доетъ до Сушички-мостъ, що е на Раосочка-река, коя се мешатъ во леві-от брег од Радика. Кой сакат да одит кон Янче или кон Галичник, ћа я прегазит Раосочка-река и ћа одит на горе покрай Радика. А пак други поть од Сушички-мост на горе завртуват покрай левiот брег од Раосочка-река т. е. кон юго-исток, и во 20 минуты ћа доет до Могоречки-мостъ що се викат Елен-скок, и е под село Могорче, кое е надь поть кольку до 20 минуты до прево до северо-источна-та пола од планина Стогово. Во Могорче повеђе се Турцы, а помалу Рисяни, ама и тые, що биле Рисяни-те разбегали од туе од насилье од Турцы-те селски и се преселиле, кой во село Осой, кой во село Гари, кои по други села. Сега се останет саде две куђи рисянски и тые кога дае может да се преселят во друго село. Рисяни-те во Могорче (в село) имаеть црковь, а поп селски не мая, токо им попувал поп-от осойски. Могарчани имаеть нивье, що си й садит арш.

Забележуванье. Од стре-то од планина Быстра извират едно речище мало, кое се выкат Быстрица и кое течет по еден дол, що се викат Ядово, кольку еден саат близу до село Селце кон юг од него и под Селце се мешат со десні-от брег од Тресонечка-река. Од туе на долу неколку течет Тресонечка-река и под село Раосоки се мешат со левiот брег од Раосочка река....

4.

1. Подгорци (село во Охрид, 6 саати до Охрид), 60 куђи рисянски, црква имает; 60 к. турски; џамија имајет; језик бугарски; = 120 к.

2. Вефчани (с. во Охр.; ¼ с. до с. Подгор.) саде рисянски до 400 к; цркви 2.

3. Лабуништа (с. во Охр. 6 с. до Охр., 8 с. до Дебор, ¼ с. до Подгор.). 60 к. рис., црква имајет; 100 к. тур.; џам. им.; језик бугарски; = 160 к.

4. Бдровец (с. во Охр.; ½ с. до с. Лабин., 6 с. до Охр.; овоя село на синор

со Дрим-Колу, околија Деборска) 60 к. рис.; црк. им., школа без учитель; 30 к. тур.; џам-им., јоз буг.; = 90 к.

5. Велгошти (с. во Охр., 1 с. до Охр.) 200 к. рис.
5 к. тур.
205 к.

6. Глобочица (с. во Охр.) саде рис. до 30 к. на синор со Деборско.

7. Таш-Моруништа (с. во Охр., 5 с. до Охр) 40—50 к. саде рис.

8. Мороишта (с. во Охр.; 2½ с. до Таш-Мор). 10—15 к. рисјяни чифлигари.

9. Ботун (с. во Охридско).

10. Подум (село во...1½ с. до Ботун; комшіи се; међу ними друго село немат) до 50 к. тур.

11. Октиси (с. во Охр., 1½ с. до Таш-Мар). 80 к. рис., 100 к. тур. = 180 к.

12. Добовјани (с. во Охр.) до 30 к. тур.

13. Брчево (до Охр. 5 с., до Таш-Мар. 1—1½ с., међу ними немат друго село), до 30 к. рис., црква имат.

14. Богойци до 30 к. тур.

15. Велешта (од Струга 2½—3 с.) до 150 к. рис.

16. Борбец (Борѐц) 50—60 к. рис.; 50—60 тур.

17. Райчица (Радичица) до 60 к.; цркви: 1. Манастирска; 2. Храм св. Варвар; 3. Св. Танасия; 4. Св. Димитрия; поп од грат.

18. Град Дабор 1000 к. рис., 2000 тур. = 3.000 к.; црква св. Никола.

19. Татар-Елехци или Елевци (чифлик) 9—10 к. рис.; црков нова на стар темел; храм св. Димитрия. Поп Ћипро од грат. (до грат 15 минути; над Райчица).

20. Банище 60 к. рис.; црк. св. Димитрия.

21. Збажди (Охридско) 70 к. рис.; црк. имат.

22. Присовјани (½ с. до Збаждо) до 45 к. рис.

5.

1. Кичйница	15 к., црк., поп им.				
2. Бейчица	60 к.				
3. Вълковия	25	к. рис.,	30	тур	= 55 к.
4. Сѐнице	30	»	20	»	= 50 к.
5. Врбен	40	»	60	»	= 100 к.
6. Трница	—	»	30	»	= 30 »
7. Богдево	25	»	15	»	= 40 »
8. Ничтур	30	»	15	»	= 45 »
9. Бродец	25	»	15	»	= 40 »
10. Кракорница	20	»	20	»	= 40 »

11. Нивища
12. Бибанье
13. Мужнье
14. Грѐканье
} рис. и тур.

15. Рибница . . . . . . тур.
16. Реч . . . . 60 к. мешано.
17. Стрезимир . . . . . 60 » »

18. Штировици
19. Тамушане
20. Добово
} тур.

6.

Маалски или породични презиминя во Маврово.

(Како що ми кажувал Шпиро Лазороски од Маврово, 1883 г.).

Стѐпковци	5	куḱи
Пѐнчевци	15	»
Дàбевци	26	»
Бежàновци	32	»
Лазòровци	12	»
Шамàковци	12	»
Шàрковци	14	»
Ариḱевци	8	»
Фишѐковци	13	(найгоре)

127 к. (япии), а 160 деленица.

А 230 можи женати во Маврово; две цркви—една стара, а друга нова и поголема; на обе-те храм е св. Никола.

Во Ниḱворово црков с. Пантелеимон; во Леуново ц. св. Богородица. Во Ниḱворово до 60 к. рис.; во Леуново до 80 рис. и 20 тур.

Свадби: во Маврово Илигден; во Ниḱворово на Пантелеимон; во Леуново на Голема Богородица.

7.

Село Сушица.

Породицы.

I. Мартыновцы.

1. Мартын (....жена) од Галичник Лайкинска; 2. Дуко; 3. Раде; 4. Симонъ, 5. Яков; 6. Стамат; 7 Петре; 8. џико; 9. Постоль; ж. Никудина ḱер.....; 10. Нове; 11. Тодор; 12. Дамянъ; 13. Ильо; 14. Ставре(....) од Раосоки; 15. Никола; ж. Доста од Галичник ḱ. Данева. Јованоски; 16. Вено; ж. Рубена од Тресонче; 17. Мисаиль, ж. Ката од Галичник. ḱ. Танаскова Црцко (или Уруко?); 18. Павле. ж. Магда од Косоврасти.

II. Веляновцы.

1. Велян,(....); 2. Јован, ж. Гркиня од Галичник, ḱ. Танушова Бундоски; 3. Алекса, ж. Сельвія; ḱ. Якова Новакоски; 4. Рафаиль, ж. Ката од Тресонче; 5. Тануш, ж. Теяна од Осой.

III. Матевцы.

1. Мате; 2. Ђурчин; 3. Србин, ж. Јована од Тресонче, Байоска; 4. Дамянъ, ж. Ката од Галичник, ḱ. Јовчева Бислимоски; 5. Финданъ, ж. Калва од Раосоки Вецекоска; 6. Яков, ж. Софія, ḱ. Негріова Ђиноски; 7. Марко, ж. Босилька од Раосоки ḱ. Ђорева Попоски (нищо не родиле).

При всѣхъ этихъ именахъ домо-хозяевъ стоятъ также имена остальныхъ членовъ семьи, сыновей и дочерей, иногда съ означеніемъ при первыхъ именъ ихъ женъ, при вторыхъ, за кого вышли замужъ; а иные стоятъ одиноко безъ семействъ и даже безъ женъ. При одномъ имени (рубрика I, 13), Стале отмѣчена: «инок Симеонъ, на Пречиста; се упркалил коде скала на Раосо». Въ другомъ мѣстѣ (I, 11) при женск.

им. Митра отмѣч. «будала-та». Относительно нѣкоторыхъ отмѣчено, когда родились и крещены; а иныя безъ всякихъ отмѣтокъ.

Во избѣжаніе повтореній приведемъ изъ этого списка только тѣ имена, которыя въ нашемъ спискѣ не находятся.

Муж. им: Раде, Огнен, Петре, Стамат,-е, Глигур, Аврам, Василько, Симле, Павле, Марко или Маре, Никола, Филип, цико, Тодор, Нове, Спасе, Алекса, Мисаилъ, Серафилъ, Траян, Угрин, Косто, Ристе, Ђорђе, Груміе, Міяилъ, Русалим, Янчет, Сирџе, Кузман, Ђурчинъ, Ђоре, Трпко.

Жен. им: Дунава, Сирма, Кумрія, Докія, Стефана, Тофе, Саломія, Анђа, Трена, Таша, Елена, Неда, Велика, Злата, Полетія, Фроси, Тануш, Здраве, Момиче, Крста, Миляна, Менда, Доста, Мартина.

Имена личныя, по отечеству и по прозвищу.

(Съ означеніемъ года дня рожденія именованныхъ).

Муж. им: Стрезо Илов Маркоски, Нове Алексов Бошнякоски, Іосев Аџіески, Велян Павлев Горно-Аврамоски, Риста Ађимев Томоски, Арсево Канчески, Зафирово М. Чадлоски, Ристево С. Дукоски, Аврамово Конгушоски, Яков Кузев М. Фрчкоски, Петрев Якулоски, Милашов С. Юрукоски, Мойсово Дълно-Аврамоски, Дамяново Тортески, Танаско Кедельков Горно-Аврамоски, Русалим Марков Букдалески, Траянова П. Броски.

Жен. им: Докія Глигурова Брезоски, Менда Крстево Сицимоски, Невена Несторово Фрчкоски, Санда Галева Н. Тортески, Ефросимія Ристева Брезоски.

IV.

Смѣшанный и мелкій матеріалъ.

1.

Списокъ убитыхъ, раненыхъ и ограбленныхъ

(приблизительно отъ 1882—85 г.).

1. Ставре Трпчев, со 6 мартиники, очи извртени, со ятаган сечен во Петрино, одеећи во Ресин, пред велик-ден (околу 10 март).

2. Доне Митрев од с. Бетун и уще еден други—на кошара фатени в Дебор.

3. Во велики пости сега од с. Вефчани Стефан Радин—горен за пари од арамія од Велешта и му зеле 30—40 лира.

4. Од Октиси 1 човек (Митре) горен од арамія Велештани: 20 лира му зеле.

5. Еден шель од Теќето во Охрид, фатен во Зога и пущен за 400 меџид.

6, Петко Петров (од с. Глабочицы), идеешти од Пазар од Струга во с. Велешта, му излегле Оџовци и го убиле в стред село пред џамія, на другі-от ден умрел.

7. Ставре Стајонов Климоски (ќефалія во негово село), Мартина, сестра Ставрева, Ђурђа Алексовница, снаи ставрева од сина; Миладин Алексов, дете 6 годишно (од страх умрело) во стред село Падгорци се убиіени пред дућанот негов и пред џаміята.

8. Вефчани Симон, син Наумов, и Трпо, син Чечаров,—убијени одеещи во планина на дрва, на стреден дуов-ден.

9. Од с. Подгорци 1200 брави овци, 200 говеди и 300 ягонци (цело бачило); Мойсо Ильков и Алексо, син Мойсов, фатени робови, за 3000 гр., Туше од Белица (влахъ), овчар на овије овци—600 гр.

10. Пет жени заробени од с. Алевци (Деборско) во Булчица; од с. Модриг (од Дрим-Колу) 3 жени, шчо работали на лојзе, заробени се од Дебрани.-арамiи и. т. д.

Есть еще списокъ убитыхъ съ означенiемъ имени убитаго, откуда родомъ, гдѣ убитъ, кѣмъ и когда именно т. е. какого года, мѣсяца и числа. Съ 1870—1880 г. всего 28 чел. убито и 3 ранено.

По годамъ отрывочно показано въ 1840 г.—2, 1860—2, 1861—14. Противъ одного отмѣчено: «убиjен на извор од речица Вистрица од Брсяци-рисяни», хотя въ заглавiи и сказано: «убиени се од арамiи и од турци».

Между прочимъ подъ заглавiемъ «Дописи» (изъ частной переписки) находимъ такую замѣтку: «Ми jе жаль, защо или jа су погрешил, или ви (редакторъ газеты «Македонски Гласъ») jе сте погрешиле за убиjени-те Руси продавачи од руски картини во Струмичко, сте обявиле да се од Полтавска губернија, а тије не се од тая, токо се од Тулска губерния».—(годъ не означенъ).

2.

Есть запись, интересная въ томъ отношенiи, какъ велось лѣтосчисленiе: «Чумы, що биле во Галичник, що и паметуваше Макрия А. Станишевски»:

1. Кога паднал од коњ-от поп Богоя над воденицы-не;
2. Друга чума, кога биле бегали на планина Соломуница;
3. Трећа, кога биле бегани во селце тога в Чаушица (во Шутовица); околу 1814 или 1815 г.
4. Четверта чума била, кога бегале над село Галичник, каде що ѝ завикале попоски колибы. Тога наши-те стары биле бегали во Лайковица (место над Галичник, до 20 минуты над село), околу 1820 (или 1821 г.). Овая чума jе најпослетна».

По словамъ того-же Макрiи Аврамова Станишевскаго записаны «Галички Синори» т. е. границы села Галичника по урочищамъ и другимъ природнымъ знакамъ какъ потокъ, дорога, холмикъ, срубленное дерево и т. п.

3.

Относительно находящагося близъ Галичника манастыря св. Iоанна Предтечи записаны только имена настоятелей и монаховъ съ означенiемъ ихъ происхожденiя, но не въ порядкѣ, а въ разбивку и по какому-нибудь случаю; напр. «После го (манаст.) запустиле Т». и когда и какъ то произошло, неизвѣстно; и за тѣмъ слѣдуетъ: «После на 1743 год. пак го подновил овя манастир Иларiон iермонах, той бил втори ктиторь на овя манастирь и се сторил игумен (овя игумен Иларiон бил од село Елевци под Дебор)». Упоминается также, когда и кѣмъ еще ведены были манастырскiя постройки, какъ конаки (кельи), трапезарiя, винница, поварня, и т. п.

Нарисованы двѣ надгробныя мраморныя плиты внутри церкви шестиугольной формы. На обѣихъ посрединѣ двуглавый орелъ, на груди котораго вырѣзанъ 1795 г. и вверху надъ головами кружокъ со звѣздочкой внутри, а кругомъ надписи. На одномъ: «Помени Господи раба велѧна папучiѧ iеромонахъ. Хачi. Тарасiе iегумень архiдѧконь Стефань»; а на другомъ: «Помени Господи раба своего краѧ и змека iеромонахъ хачi Тарасiе» и т. д.

Упоминаются иконы и иконостасъ, когда писаны и какимъ зуграфомъ (живописцемъ) и откуда онъ родомъ.

Относительно одной иконы читаемъ слѣдующее: Икона-та (какая, неизвѣстно)

сама дошла и седала сама 33 год. (во 987 год.). Долу пишано беше на неяː «помени господи радна Ивана».

О Галицкой (приходской) церкви говорится, что она построена въ 1809 г.

4.

Въ той-же тетрадкѣ находится слѣдующій шутливый и отчасти скабрёзный анекдотъ, характеризующій мѣстные нравы:

«Во едно село, кога служил поп-от литурдія, не гос лушале селани-те, си играле в црков играчки. Поп-от пошол коде Владиката, да се плачет. Дошол владика-та в село, да й поучит селани-те. Утрына-та зеле да служит, селани-те зеле да вревит, како що си имале адет. Викнал поп от од олтар: «Млчите, селани; що је тая врева! аль владика облекаме или на магаре самар клаваме»? После влегал владика-та во стол-от, ширкал в нос мрва бурнут. Го видел некой старец, си го напlнил чибук-от со тутун, пошол да го запалит од свещаник-от. Свикал владика-та: «Какви рисяни сте, що пиете в црков тутун»!—А стари-от му рекол: «Овея (тутун-ов) и те (бурнут-от) не је едно гомно»?—После владика-та чел да кажуват слово. А еден старец спроти него зел да плачет и да ронит сльзи. Владика-то га видел, коде плачет и си рекол сам со себе: «Сполай-то, Господе! имал овде еден рисянин». Откако свршиле литурђія-та, се сетил од речь-та своя, си избегал дома, и селани-те по него си пошле дома. А владика-та останая пред црков сам. Прашал некого: «Коде му је куħа-та на стари-от, що плачешь в црков»? (во тея време врвеле туе говеда-та селски). Му одговориле: «По говеди, по говеди (оди), Господине; ħораво ħа посли во куħа-та негова». Владика-та пошол тамо. Му рекол на стари-от: «Многу ми беше мило, кога те гледаф, коде плачеш, кога кажуваф слово-то в црков». А стари-от му одговорил: «Како да не плача, Владико свети? Кога си имаф еден ярец, ми се упркали од една краста; брада-та му беше истум како твоя-та. Когя кажуваше слово-то ти, ми такна за него и ми се дожали. Зате ми се заплака». А владика-та од моки рекол: «Аль имат негде место да се прошета»?—Излегле над куħа-та под една сенка. На владика-та му сопило, вода му сакал на стари-от, да му донесет. Му донесле за почестия во некой чукп шербет од круши. Владика-та чинал ал је вода, се напил; нему дошол шербет-от на табиет, го фрлил череп-от, го скршил. А стари-от му развика: «Господине, господине! Не ти го донесофме череп-от да го скршиш, токо да пиеш. Баба-та три годины се мокала во него, а сего во що ħа се мокат? аль в капа-то»?

Матерьялы для словаря тунгузскихъ нарѣчій.

Лѣтомъ 1897 года, благодаря любезности хабаровскаго купца Тифонтай'я (по рек. Цзи-фынъ-тай'я), мнѣ удалось проѣхать до г. Сань-син'а и нѣсколько дальше на пароходѣ, отправлявшемся съ торговой цѣлью въ Маньчжурію, по рѣкѣ Сунгари. Во время этой поѣздки я думалъ заняться изученіемъ мѣстныхъ нарѣчій, но недостатокъ времени и особенно неблагопріятныя обстоятельства на пути слѣдованія не позволили выполнить принятаго мною рѣшенія. Я долженъ былъ ограничиться записываніемъ гольдскихъ и ороньчонскихъ словъ и нѣкоторыми наблюденіями надъ мѣстной жизнью.

Нѣсколько словъ о гольдахъ, живущихъ по Сунгари. Гольды живутъ вверхъ отъ устья Сунгари до деревни Сусу, т. е. на протяженіи почти 200 верстъ по рѣкѣ; главное занятіе ихъ рыболовство и охота. Добычу свою они съ одной стороны сплавляютъ на Амуръ, съ другой стороны везутъ въ Сань-синь. Обыденная жизнь гольдовъ не отличается ни довольствомъ, ни опрятностью; а грязь въ жилищахъ, неряшливость въ одеждѣ и дымъ отъ очаговъ весьма вредно отзываются на ихъ здоровьѣ и въ особенности на глазахъ, поэтому среди гольдовъ нерѣдко встрѣчаются слѣпые или страдающіе глазами, чаще всего дѣти. Кромѣ больныхъ глазами не мало и со знаками оспы на лицѣ.

Всѣ гольды съ недавняго времени знаменные солдаты и отбываютъ воинскую повинность въ Фугдинѣ. Это небольшой городокъ, обнесенный земляным валомъ, населенъ гольдами. Постройки въ немъ большею частью казенныя; имѣется нѣсколько магазиновъ: торгуютъ матеріями, мукой и травянымъ масломъ. Кромѣ того, здѣсь есть застава, гдѣ осматриваются билеты плывущихъ мимо джонокъ. Затѣмъ, въ Фугдинѣ числится до 2000 человѣкъ гольдскаго войска, которое состоитъ въ вѣдѣніи маньчжурскаго офицера; но двѣ тысячи войска находятся только на бумагѣ, въ дѣйствительности же имѣется только 50 человѣкъ, а остальные спокойно остаются у себя дома и занимаются своимъ обычнымъ дѣломъ. Почти всѣ гольды кромѣ своего родного языка владѣютъ еще маньчжурскимъ и китайскимъ языками. Вообще же здѣсь китайскій языкъ имѣетъ первенствующее значеніе, а Маньчжурскій языкъ почти не слышится, такъ что, зная китайскій языкъ, въ сѣверномъ его нарѣчіи, можно свободно объясняться съ гольдами и маньчжурами. Нѣкоторые гольды знаютъ нѣсколько словъ и по русски; это объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ не разъ бывали на Амурѣ; они пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы познакомиться съ русскимъ языкомъ, что дѣлаютъ и китайцы. Такъ напр., мнѣ пришлось встрѣтить въ Сань-син'ѣ китайско-русскій словарь, написанный по китайски и составленный самими же китайцами. Знаніе русскаго языка необходимо какъ гольдамъ, такъ и въ особенности китайцамъ въ виду ихъ дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ Амурскимъ краемъ.

Торговыя сношенія по Сунгари съ Амурскимъ краемъ съ каждымъ годомъ увеличиваются, особенно замѣтно это стало за послѣдніе годы, когда русскіе пароходы открыли свои рейсы по Сунгари до Гирина и Цицикара. Не малымъ тормазомъ развитія торговли китайцевъ съ нашими границами является масса хунхузовъ, производящихъ разбои по Сунгари. Они нападаютъ какъ на мѣстныхъ жителей, такъ и на торговыя джонки, когда послѣднія возвращаются съ выручкой; поэтому торговцы поджидаютъ другъ друга и ѣдутъ обратно группами въ нѣсколько джонокъ. Для защиты отъ хунхузовъ по берегу Сунгари устроены небольшія крѣпостцы, гдѣ помѣщается отрядъ солдатъ подъ командой офицера. Укрѣпленія—по китайскому обыкновенію—построены не на высо-

тахъ, а подъ горой. Нѣкоторыя крѣпости имѣютъ еще военныя лодки (съ пушкой на носу); но все это мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ крѣпости находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и для хунхузовъ все еще остается обширное поле дѣятельности. Съ открытіемъ пароходныхъ рейсовъ по Сунгари боязнь хунхузовъ устраняется, такъ какъ они на пароходы не нападаютъ, благодаря этому китайцы начинаютъ пользоваться русскими пароходами, причемъ имъ кромѣ безопасности представляются и другія выгоды: сравнительная скорость доставки грузовъ и меньшіе расходы; напр., они избавляются отъ сборовъ, которые пришлось бы имъ платить при проѣздѣ на джонкахъ мимо заставъ; поэтому мѣстное населеніе очень сочувственно относится къ развитію пароходства по рѣкѣ Сунгари.

Какъ уже сказано выше, во время своей поѣздки я долженъ былъ ограничиться записываніемъ словъ. Гольдскія слова я записывалъ русскими буквами непосредственно отъ самихъ гольдовъ, спрашивая ихъ по китайски, преимущественно то, начто можно было указать, чтобы не вышло недоразумѣній *); сообщали слова вообще съ большою охотой. Слова записаны мной въ деревняхъ Нилбэ и Ванли-хотонь.

Что касается ороньчонскихъ словъ, то ихъ сообщилъ мнѣ ороньчонъ по имени Анà, знаменный солдатъ (бѣлаго безъ каймы знамени, отбывалъ воинскую повинность въ г. Айгунѣ въ теченіе 9 лѣтъ), онъ говоритъ по маньчжурски, китайски и по русски.

Въ виду того, что ороньченскихъ словъ мной записано больше, чѣмъ гольдскихъ, я старался въ нихъ указать на заимствованія изъ китайскаго, маньчжурскаго и монгольскаго языковъ, причемъ, если слово вошло безъ измѣненія, то я указывалъ только, откуда оно заимствовано, въ противномъ же случаѣ я приводилъ и первоначальную форму слова. Я позволяю себѣ надѣяться, что этотъ сырой матеріалъ можетъ принести нѣкоторую пользу будущему изслѣдователю и спеціалисту по тунгузскому языковѣдѣнію.

Сокращенія:

Кит.—китайское слово, съ китайскаго
Ман.—маньчжурское, съ маньчжурскаго
Монг.—монгольское, съ монгольскаго
В.—слова записанныя въ деревнѣ Ванли-хотонь
Н.— » » » » Нилбэ
н. з.—носовой звукъ
ср.—сравни.

Гольдскія слова.

Барсукъ—торкòнъ (н. з.) Н.
больной—энкупò В.
бѣлка—я(э) итухỳ Н.
бусъ—тэкà В.
Вода—мукэ̀ Н.
волкъ—нэмукѝ Н.
волосы—нюктэ̀ В.
воробей—поньчихà В.
время—эрѝ(нь) В.
вчера—сиксѝ Н.
вѣникъ—эркỳ Н.
вѣрно—тоньдò Н.
вѣтеръ—эдỳнь Н.
вѣтеръ дуетъ—эдунь дарà Н.
Глаза—исалà Н.
грести—тяолѝ В.
груша—чулихтэ̀ В.
губы—хэмэ̀ Н.
Дай мнѣ—миитэ̀ бурỳ Н.
двери—уркэ̀ В.
день—йнэнги Н.
деревня—јохỳнъ Н.
дождь идетъ—тигдэ̀ В.
домъ—чжоò Н.
дрова—пàнза В.
дрова таскать—мо гачжѝ Н.
дымъ—санѝй Н.
дыня—чэнчинкà В.
дѣвушка—àсанъ хитэ̀ Н.
Енотъ—я(э) итухỳ Н.
есть—пирэ̀ Н.
Женщина—асà Н.

---

*) Въ томъ случаѣ, когда звуки казались мнѣ неясными, они писали по маньчжурски.

животъ—кэбэлѐ В.
Завтра—тỹмаки Н.
заяцъ—гурмахỹ Н.
здравствуй—бáхцыръ гэрэтъ Н.
земля—тукалà В.
зовутъ какъ—ай гэрби Н.
зубы—иктэлѐ Н.
Какъ—ай Н.
книжка—битхѐ Н.
колесо—бумбуркỹ В.
колоть—чàнчара Н.
комаръ—кармактѐ Н.
комаръ кусаетъ—кармакчà нори Н.
коса—юктѐ Н.
коса—инъà (н. з.). Н.
кошка—кэшкѐ Н.
красивый—гучукули Н.
курить—омэри Н.
курить табакъ—тамги омэри Н.
Лампа—були Н.
ласточка—чифякỹнъ В.
лисица—сулаки Н.
лицо—дэрэгѐ Н.
лодка—тамкѐ(ы) В.
ложись—тудỹ Н.
Мальчикъ—фиктѐ(ы) В.
мать—энѐ Н.
медвѣдь—мафкà Н.
муха—дилькỹнъ Н.
мѣхъ—насà Н.
Небо—панà В.
никого-нѣтъ—ни дàньцы Н.
нога—бугдалà В.
ноготь—ушактà В.
носъ—офрà Н. уфрà В.
нѣтъ—антси Н.
Облако—ту(о) кеѐ В.
огонь—то Н.
оглобли—атарà В.
огурецъ—хэнкà (н. з.) В.
очагъ—яфурку Н.
Палецъ—чумкѐнъ В.
палочки, которыми ѣдятъ—сабкѐ В.
пароходъ—пудякà Н.
писать—битхоори Н.
плакать—функѐ В.
подушка—тыркѐ В.
поздно—хахтà коли Н.
понимаешь—эчихѐ Н.
порохъ—охтѐ Н.
послѣ завтра—тàори Н.
постели—сэктэргэри Н.
протока—букачàнъ Н.
пуговица—тогѐнъ (г мягкое) В.
пуля—мухалѐ Н.
Рано—эрдѐ Н.
ребенокъ—фиктѐ В.
ротъ—амгà Н.
ружье—мячàнъ Н.
рука—налà В.
руль—кхудѐ В.
русскій—лỹча (лоуча) В.
рѣка—бирà Н.
Свѣтло—хэнгѝнъ Н.
сегодня—эннэни Н.
сердиться—канкарà Н.
серьга—уйкхà В.
слышалъ—тулдихà В.
не слыхалъ—тулдэши В.
слѣпой—эдѐнъ В.
снѣгъ идетъ—симанà В.
собака—и(я) наки Н. ниндахỹ В.
собака лаетъ—àнакинъ гѐро Н.
соболь—сэбỹ Н.
сопли—няньки В.
спасибо—ургỹнь Н.
спать—афэнари Н.
Табакъ—тамги Н.
тазъ—торопкỹ В.
тамъ кто пришелъ—эси ни эмэхѐ Н.
тараканъ—фярà Н.
телѣга—сэчжѐнъ В.
темно—хàхта коли Н.
таскать—гачжи Н.
товаръ—босѐ Н.
толстый—бодѐнъ
трубка—тай Н. В. суà
трава—ороктà В.
Умѣешь говорить по гольдски—нàбай гѝсунь улхэси ну.
Холодно—эдà коли Н.
хорекъ—солойнъ Н.
хорошо—ай Н.
Цыновка—сактàнъ Н.
Чашка—мунгурỹ В.
человѣкъ—бојѐ Н.
Шапка—аỹнъ Н.
шея—монгонь (н. з). Н.
штаны—хэйки Н.
Щенокъ—интà В.
Ячмень—муди В.
1—эмкѐнъ, 2—чжуру 3—илàнъ 4—дуйнь, 5—суньчжà 6—нинỹнъ (н. з).

Ороньчонскія слова.

Актеръ—ситай
акцентъ—ульгуръ
алкать—авараранъ
алмазъ—абдэрэнъ, гурабдэрэнъ — рѣзать стекло алмазъ.
амбаръ—кхайчжу
анекдотъ—инэмунчирэнъ
аптека—о(у) кто посэлэ
арба—тырганъ
арбузъ—дунга (Ман. дунланъ).
арбузныя сѣмячки—урэ, урэнъ (Монг. урэ—плодъ).
арестантъ—войлэнъ (Ман. вэйлэнгэ)
армія—чуа (Ср. Ман чооха).
артель—куки
аршинъ—чи (Кит).
афиша—битэгэ Ср. Ман. битхэ—письмена.
Баба—аши см. женщина
бабки—сиракъ
бабочка—боалбаты
багажъ—чжака ср. Ман. чжака—вещь.
багоръ—дага, даа
базаръ—ланголь
балаганъ—анга
балалайка—камусъ
баловаться—чукиттанъ
баловникъ—селаганъ, селаанъ
барабанить—ло мундаранъ ср. Кит. ло-гонгъ, тазъ.
баранъ—конинъ Ман. хонинъ
баранина—кониннъ улэнъ
бароакъ—анга
баржа—чонь, чуань Кит.
баринъ—ноіонъ
баркасъ—чуандунъ
барышникъ—чжоолаганъ, чжоолаанъ ср. Ман. чжооламби—кладу рука въ руку
барышъ—чжоолача
башмакъ—сапу Ман. сабу.
безграмотный—битэгэ асинь сара
безлѣсье—ковыръ см. поле.
безменъ—гинъ Кит.
безобразный—эрумэнъ
безплатно—кудаячи
безпокоить—асинь амуранкана
безпорядокъ—боаячи
берегъ—нгака
бережливый—аулика
береза бѣлая—чалбанъ ср. Ман. чалфа—берестo
береза черная—тэбгура
беремя—кумнача
беречь—чжанколокэль
бесѣда—амуча мааттэнъ
билетъ—пяо Кит.
бить—чичава
бичъ—суигэ
благодарить—олочао
близкій—такунанъ
блинъ—угунъ
блоха—сора Ман. сурань
блюдо—дэса Кит. дѣцза
бобъ—борчо
богатый—баянъ Монг.
богъ—буркaнъ Монг.
бодать—чжиттирэнъ
бойкій—эрдэмучи
бокъ—ольдонэнъ
болото—чжильга
болтать—уркуранъ см. мѣшать
боль—энунэнъ
больно—энугды
больше—огдонгэ(о)
большой—гугда см. высокій
болѣзнь—энукчи
болѣзнь—энунэнъ
бояться—нгаларэнъ
борода—гурлукта
боронить—наргуръ
браслетъ—дилаптунъ
братъ—акинъ
братъ старшій—огдынгэ акинъ
братъ младшій—ничкунъ накунъ.
братья—акунэръ
бритва—каннанки
бровь—сармукта
бросать—надаранъ
брызгать—пучурэнъ
брюхо—гудэ ср. Монг. гэдэсун
буда—нарэму см. зерно
будить—сэрурэнъ
буква—чжилъ битэгэ
булка—багдарынъ угунъ
бумага—часунъ Монг.
бутылка—бойку
быкъ—оргаль
быстро—эя, дыгаръ, дыаръ
быть—би Ман.
бѣгать—туксаранъ
бѣгомъ—туксакандинъ
бѣдный—ядау Ман. ядань—бѣдность.
бѣличій мѣхъ—улоэкиксэ
бѣлка—улэки Ман. улху.
бѣлый—багдарынъ
бѣшенный—гальчжао
бѣшенная собака—гальчжао ишнакинъ

Вареный—ирчà, улдюлъ
варить—улдрэнъ
вдоль—у(о)нумъ
вдругъ—гàйтай Ман.
взять въ охапку—кумнэрэнъ
ведро—мулияки ср. Кит. му-тунъ
вездѣ—богàбукулйнъ, боàбукулйнъ
везти—эльбурэнъ; чжуурэнъ
великій—солà
верба—сѣктя
веревка—уркунъ
вернуть—амаскàкэй мучурàнъ
вернуться—мучурàнъ
вертѣть—мурквирàнъ
верхній—угу, уу
верхомъ—окчà
верхомъ на лошади—мурйнъ ду окчà
весело—оямкукàнъ
веселый—оямкунъ
вести—ольгарàнъ
весь—вурйнъ
весьма —со
ветхій—ампты
вечеръ—сяхчичà
вещь—чжакà Ман.
взади—амаллà Ман. амала
взглянуть—ичэсиньчэ
видно—ичэурэнъ
видѣть—ичэрàнъ
вилка (палочки для ѣды)—сарпу ср. Ман. сабка
вилять—умирàнъ
вилять хвостомъ—ильгиди умирàнъ
вино—аркй
виноградъ—мочу ср. Ман. мучу
винтовка—мяучàнъ ср. Ман. маочанъ Кит. няо-цянъ.
винтъ—винтыръ
висѣть—локочàранъ
вить—мурквирàнъ
вкусный—джотыгды ср. Ман. чжэмби-ѣмъ.
влѣво—чжэвнийда
вмѣсто—ородо(у)
вмѣстѣ—умунду
внизу—эчжилэ
вновь—иркэкйнъ
внукъ—умулу Ман. омоло
внутри—дòла Ман. доло
внѣ—тульгà Ман. тулэ
водка—аркй Ман.
воевать—чарйкъ вàльдаранъ
возвращаться—мучурàнъ ср. Ман. маримби
воздухъ—аўръ ср. Монг. агар.
возлѣ—альдонду
возрастъ—насу Монг.
возъ—тэучà ср. Монг. тэргэ
войлокъ—сэскй Ман. сисхэ – постилка
воинъ—сидàнъ
войско—чуà, чугà см. армія.
вокругъ—тунгурйнъ
волкъ—гуськà
волосъ—нюриктэ
волъ—бокà
вонъ, прочь—ябухàнъ Ман. ябумби-ходну.
вонючій—вачй
вонять—эрувачи
вонь—амтачà
вопрошать—ульгумурэнъ
воробей—даргундà
воровать—колахарàнъ, ср. Ман. хулхамби
воръ—колакà
ворона—гàки
воронка—тылу
ворота—кàлга
восемь—чжабкунь Ман. чжакунь
восемьдесятъ—чжабкунни.
восемьсотъ—чжабкунь нямади
восемнадцать—чжань чжабкунь
вотъ—эду Ман. эдэ
впереди—чжуллà
впередъ—чжулàски Ман. чжлэси
врать—улукиттэнъ
врачъ—сэнсэнъ
время—орйнъ Ман. эринь
все—варйнъ, умунду
всегда—содàтъ
вспоминать—чжобномъ Ман. чжонамби
встрѣтить—бахалдирàнъ
всякій—эйтэнь Ман.
второй—чжурчи
втыкать—шдалàранъ
входить—ирэнъ
вчера—тинэвэ
вы—су Ман. суо
выгонять—ильбурэнъ
выдумывать—бодорàнъ Ман. бодомби
выиграть—бахаранъ, алдачàнъ Ман. бахамби-получаю.
выливать—ункурэнъ
вылинять—удинарàнъ
вымарывать—будурàнъ
вымѣнивать—чжуэттэнъ
вымя—укунъ
выносить—эльбурэнъ
выпачкать—бурурàнъ
выпивать—омнàнъ Ман. омимби
высокій—гугдà
выстрѣлъ—водàнъ
высыхать—ульгирàнъ
вытурить—асарàнъ

выть—бунирэ̀нъ
выходить—ябура̀нъ Ман. ябумби
вѣеръ—дэльгу̊ръ
вѣко—чармукта̀
вѣникъ—осу̊ръ
вѣрно—тэчжэ̀ ср. Ман. тобъ
вѣсы—гинъ Кит.
вѣтвь—гара̀
вѣтеръ—э(о)ди̇нъ Ман. эдунь.
Гасить—сиурэ̀нъ
гвоздь—уйтула̀рэнъ
гладкій—нэйгэнъ, нэйэ̀нъ Ман. нэйгэнь
глазъ—ѣса Ман. яса.
глина—таука̀льдинъ
глотать—нингэрэ̀нъ ср. Ман. нунгэнди
глубокій—сонта̀
глупый—куду̊ Кит.
глухой—конгѝ
глядѣть—ичэтэ̀нъ
гнать—асара̀нъ
гнилой—нокуньча̀
гниль—нокугда̀
гнѣваться—паньчара̀нъ
гнѣздо—уй ср. Кит. во.
говорить—ульгуча̀нэнъ, — громко—дэлача̀-ранъ
говядина—укуръ улэ̀нъ
годъ—аннгани̇ Ман. аня.
голова—дылъ
голодать—авара̀ранъ
голосъ—дэльга̀нъ Ман. чжилгань
голубой—са̀ралъ
голубь—тутуѐ
голый—чжула̀кинъ
гора—урэ
горбатый—мокчокѝ ср. Ман. мокто-кургузый.
горбъ—мокчоко
горло—кѝмэ
городить - кургала̀ронъ Ман. курэлэмби
городъ—котѝнъ Ман. хотонъ
горсть—аскѝ
горстью взять—асколя̀ранъ
горшокъ—пэйсэ
горькій—гутыгды
горѣть—чжогдэдэрэнъ
горячій—акугды
господинъ—ноіонъ
гость—нимауча̀
въ гости итти—нима̀урэнъ
готово—бэла̀нъ Ман. бэлэни
грамотный—битэгэ са̀ранъ
гребень—игдэу̊нъ
гробъ—бакса̀
гроза—агды Ман. акчжань
громкій—дэлга̀нъ см. голосъ
громъ гремитъ—агдырура̀нъ
грудь—тингэнъ
груша—алима̀
грызть—кангирэнъ
грѣть—улитта̀нъ
грязный—сива̀ръ, тэигака̀
губа—аму̊нъ
густой—тымъ
гусь—нюмняки
Давать—бурэнъ Ман. бумби
давить—тырэрэнъ
давно—кэчжа̀нэ
далекій—горѝ Ман.
дарить—анѝранъ
даромъ—бай Кит.
два—чжуръ Ман. чжуру
дверь—уркэ
дворъ—тульгида̀
двѣнадцать—чжань чжуръ
двѣсти—чжуръ няма̀ди
девятнадцать—чжань ѐйнъ
девяносто—ѐйнмий
девять—ѐйнъ
девятьсотъ—ѐйнъ няма̀ди
деготь—ла
день—инэй Ман. инэнги
деньги—чжига̀, чжиа̀
деревня—тээча ср. Ман. тэчэмби-вмѣстѣ сишу
держать—чжавалатта̀нъ Ман. чжажфамби
десять—чжань
дешево—кинда̀
дикій—аннэль
дитя—кунга̀канъ
длинный—уну̊мъ
дно—орэнъ
добро—ай
добрый—ай
дождь—тигдэ
дозволеніе—тиньча̀ Кит.
дойти—нина̀ранъ
доить—сахара̀нъ, саа̀ранъ
докторъ--сѣишдинъ см. врачъ.
докуда—о(у)кидѝ
долго—удача̀
домъ—ахшуча̀
должать—дарѝль
должно—кэрэгла̀рэнъ Монг. кэрэк—необхо-мость
дома—чжу см. жилище
домой—чжула̀
домой иду—чжула̀ игэну̊рэнъ
домъ—чжу
дорога—октѝ
дорого—мани̇

доставать—бахаранъ Ман. бахамби
достаточно—исса Ман. эсинэ
досугъ—чулдчи не—чулдіо ачи
досыта наѣлся—алача
дотуда—тала
дохлый—буча
доходить—иннаранъ см. дойти
доходъ—чжолача
дочь—о(у)наду
дразнить—чильмирэнъ
древній—анпты
дремать—аманэнъ, аркиттэнъ Ман. аму-дремота.
дробь—саса ср. Кит. тѣ-ша-цза
дрова—мо Ман. моо Кит. му-дерево.
дрожать—сильгинэнъ
другой—унтў
другъ—таиль
дубъ—чакамкурэ
дуло—чалилинъ, чалинъ ср. Кит. цянъ-коу
думать—будуранъ Ман. бодомби.
дуракъ—больчи Ман. бэли
дурной—эрўмэнъ
дуть—ўрэнъ
душить—какурэринъ
дымъ—сангань Ман. шангянь
дыра—ультэкэ
дѣвица—унади, вонади см. дочь
дѣдъ—яя Кит. ѣ-ѣ
дѣлать—оранъ Ман. арамби
дѣлить—бариттанъ
дѣти—кунгакаръ
дѣлать—очжа
дядя—ичкаминъ
дятелъ—плакта
Eдва—аранъ
ежегодно—ангани
ежедневно—инэнъ тамэни
енотъ—ольбигэ Ман. эльбихэ
если—оси
есть—бисинъ
еще—осинанъ
Жажда—алкача
жаждать—алкаранъ
жалко—нулана
жалованье—чалинъ Ман. чалянь
жаловаться—каусэранъ Кит. чао-чжуань
жалѣть—кайраронъ Ман. хайраньдамби
жара—акў
жареный—далгаранъ, силаранъ
жаркій —акў
жаръ —акў
жать—кайтанъ, тырэрэнъ см. давить Ман. хадумби
ждать—алаттанъ
жевать—сѣранъ
желать—дуларанъ
желтокъ—сингаринъ
желтый—сингаринъ
желудокъ—гудэгэ
желудь—усиктa ср. Ман. усэ-зерно
желѣзо—сэлэ Ман.
жена—кукинъ
женатый—кукичи, дуійя ср. Кит. дуй-пара
женщина—аши
жердь—сѣргаль ср. Ман. силтань
жеребецъ—адырга Ман. ачжиргань
жерновъ—инъ
жесткій—катангў Ман. катунка
жечь—иларанъ
живо—дигарчжи см. скоро
живой—инэкинъ
животное—адушонъ ср. Ман. адунь-стадо скота.
животъ—мѣванъ ср. Кит. лигнъ
жидкій—сингэнъ Кит. си
жизнь—инэнъ
жила—сумў Ман. судана
жилище—чжу Кит.
жирный—бургў
жиръ—имукэ ср. Ман. имэнги
жить—инэнъ
жрать—чжабтэнъ ср. Ман. чжэмби
журавль—караучань
За, вмѣсто—ородо
забавляться—эвирэнъ Ман. эфимби
забирать впередъ—чжуласки гаданъ Ман. чжулэсчи гаймби
заботиться—алисэранъ
забрызгивать—пучурэнъ ср. Ман. почонь-бухъ въ воду
забывать—оммрэнъ ср. Ман. онгомби
завивать—муркиранъ Ман. муркимби
завозня—кундычжў
завтра—тимана ср. Ман. чимаха.
завязывать—уйирэнъ ср. Ман. оіомби
загибать—матаранъ Ман. матамби
загороживать—каранъ ср. Ман. халка-щитъ
загорать,—ѣть—чжогдырэнъ
задатокъ—чжуласки см. впередъ
задница—мукäта
задній—амаргида Ман. амарги.
зажигать—нулланъ
загораживать—чжсайранъ
закладывать—данларанъ Кит. данъ.
законъ—коли Ман.
занятіе—ичкиранъ
запахъ—анторанъ
заплакать—сонгронъ Ман. сонгомби
заря—уланга

заслуга—кучункй Ман. гунгэ Кит. гунъ
засуха—олгдкинъ ср. Ман. олгомби-сохну
затушить—снўрэнъ
захворать—энунэнъ
зачѣмъ—ида̀
заяцъ —туксакй Кит. ту
звать—арирэнъ ср. Ман. аръ-шумъ.
звѣзда—восикта̀ Ман. усиха.
звѣрь—боенга̀
здоровый—абгара̀ Ман. абгари-свободно живущій
земля—тукала̀
зеркало—булюкў Ман. булэку
зерно—идэ, нарэму
зима—туэнй ср. Ман. тувэрй
злой—барда̀мъ ср. Ман. барданги-тщеславный
змѣй—кулйнъ
знакомый—тайль
знамя—чйцза Кит.
знать—са̀ранъ Ман. самби
зола—улэита̀нъ
золото—алта̀нъ. Монг.
зрѣлый—ирча̀
зря—байты Кит.
зубъ —иктэ
зыбка—омкэ
зѣвать —чжодниранъ
зябнуть—бойрэнъ
зять—кура̀канъ.
Игла—инмэ Ман. улмэ
играть—эвйрэнъ Ман. эфимби
идти—нгэнэрэнъ Ман. гэнэмби
изба—чжу см. жилище
извѣстно—альдурчй
изгонять—асара̀нъ
издержки—тахурача
изломать—эбдэрэнъ Ман. эбдэрэмби
изорвать—тэкыргара̀нъ
изрубить—чанчира̀нъ
икра—тысэ
имѣть—бисинъ Ман. би
имя—гэрбй Ман. гэбу
иной—унту
искать—гэля̀рэнъ
испечь—ира̀нъ испекъ—ирча̀
исполнять—чжалўранъ *)
исправлять—доса̀ранъ Ман. дасамби
испугаться—нгаларэнъ Ман. гэлэмби
испражняться—амднанъ
истинно—тэчжэ
источникъ—бола̀ръ

Кабакъ—аркй унэрэнъ (маймонъ) см. водка; см. продать
кабанъ—торюкй
кадка—чжасима̀ль
каждый—эйтэнъ см. всякій
какой—иргэчйнъ
какъ—удиъ
калитка—ничкўнъ ка̀лга см. малый и ворота
калъ—амднъ
камень—чждло
канава—каургаль
капать—чургира̀нъ
капуста—пунга̀
караулить—этэурэнъ
карты—пай Кит.
картина—нюріа̀нъ Ман. ниругань
картофель—тудў Кит.
катать - снрука̀ттэнъ ср. Ман. сиримби
качать—гакульчжйранъ
каша—луктэ
кашлять—симкирэнъ
кверху—уйла̀(я)
кидать—гарунда̀ранъ
кипѣть—уюрэнъ ср. Ман. фуѣмби
кипятокъ—уюма̀ль
кирпичъ—эйчжэ ср. Ман. фэйсэ
кисетъ—ка̀нтурга
кислый—чжисильча̀ ср. Ман. чжусихунь
кисть(писчая)—пи Кит.
кишка—силукта̀
кланяться—мургурэнъ Монг. мургуху
класть—на̀дэнъ
клевать—та̀нэнъ
клей—унка̀нъ
клеить—унканда̀ранъ
клинъ—сива̀къ
клѣтка (для птицъ)—чинака̀нги чжунъ
клювъ—чжэбука̀нки ср. Ман. чжэбумби—даю пищу
ключъ—іоску Кит. яо—ши
ключъ (источникъ)—бола̀ръ
книга—дэбтэлйнъ Ман.
кнутъ—чичава̀, суйгэ
кобыла—гакь ср. Ман. гэо Кит. кэ
ковать—тэчжа̀нъ
ковшъ—барикчй ср. Монг. барихү—брать
ковшомъ черпать—барикчика̀нъ
когда—окидд
коготь—усикта̀ ср. Ман. васиха
кожа—нана̀
коза—гіуча̀нъ

*) Должно быть наполнять ср. Ман. чжалу—полный.

колесо—курду̀ Ман. курдунъ.
колода оконная—тыйнъ
колосъ—суйгэ̀
колосъ хлѣбный—тарга суйгэ̀
колокольчикъ—куншла̀нъ
колотить—мунда̀ранъ
колоть—ива̀ранъ
колоть дрова—мои ива̀ранъ
колъ—гатасу̀нъ ср. Ман. хадахань.
кольцо—чжульдука̀нъ
колѣно—унгэки
колючiй—кавукта̀
комаръ—нярмакта̀.
комната—гэ̀лача
конецъ—мутанйнъ
кончать—мунна̀нъ
конь—мурйнъ Монг. морин.
копать—улэрэ̀нъ
кора—ка̀рэ
коптить, жечь—болара̀нъ Ман. боламби—жарю.
корень—иинтэ
корзина—чаальча̀
кормить—чжэбукэнжъ Ман. чжэбумби.
корова—укуръ Монг. ухуръ.
короткiй—урумку̀нъ
корчала—лу. Кит. ло—сѣть.
коршунъ—гѣкинъ
корыто—монгоро̀
коса, косить—са̀вдунъ
коса, мель—инга̀, ср. Ман. итань.
коса (волосъ) нюриктэ̀
косить—ларкира̀нъ, каттанъ
косой—кила̀нъ
костеръ—того̀ ила̀ранъ
кость—гирамна̀ ср. Ман. гиранги
котелъ—икэ̀
который—ѣма
котъ—кэкэ Ман. кэсикэ
кочанъ—токалйнъ
кочка—сункоку̀нъ
кошелекъ—тэсѣтэунки
кошка—кэкэ см. котъ.
кража—куляка̀ ср. Ман. хулха—воръ.
край—муданйнъ ср. Ман. мудань.
красивый—айкаха̀нъ
красить—юлэрэнъ } ср. Монг. улаган-красный.
красный—уларйнъ }
красть—кулакара̀нъ
кремень—буръ
кривой—кяла̀нъ
кричать—куныра̀нъ ср. Ман. хуламби.
кровь—саксэ̀
крошить—чжиктэнъ, мина̀ранъ
круглый—тунгурйнъ
кругомъ—чика̀ринъ
кружка—сэлйнъ
крутой—эргичкйнъ
крыло—дэктэла̀ ср. Ман. дэкдэмби-взлетаю
крыса—ня̀канъ
крыша—солiѣ
крѣпкiй—буку̀
крючекъ—дага̀
кто—ни
куда—иля̀
кузнецъ—тэ̀чжанъ см. ковать.
кулакъ—норга̀
куль—куда Кит. коу-дай
купаться—эльбэштэ̀нъ Ман. элбишэмби
купить—униттэнъ
курить—тамгэ̀ умна̀нъ
курица—какара̀
кусать—кикта̀нъ
кустъ—мо Кит. му.
куча—уру̀на
кушакъ—ому̀ль ср. Ман. умѣсунь
Лавка—пусэлэ̀ Ман. пусэли Кит. пу—цза.
ладно—оча̀
ладонь—алга̀нъ Монг. алага
лазить—туктырэ̀нъ
лапа—бабакй
лапша—пэльтанъ
лаять—годронъ
легкiй—эямку̀нъ
ледъ—чжукэ Ман. чжухэ.
лежать—углэ̀рэнъ
лекарство—укто̀ Ман. окто.
летать—дэиллэнъ ср. Ман. дэѣмби
лизать—игэда̀ранъ
линять—удына̀рэнъ
лисица—сулакй
листъ—абдана̀ Ман. абданга—листовой.
лицо—дэрэ̀ Ман.
лишнiй—улэкэ̀
лобъ—дэрэ̀ см. лицо
ловить—чжава̀ранъ Ман. чжафамби
лодка—монго̀
ложка—унка̀нъ
локоть—ича̀нъ
ломать—эбдэру̀нъ Ман. эбдэрэмби
лопата—кульдуръ
лопнуть—восильгэрэ̀нъ
лоскутокъ—чиpептэла̀ ср. Ман. гиримби обрѣзываю; ирха—лоскутья.
лошадь—мурйнъ см. конь
лугъ—ковыръ
лужа—чжилча̀
лукъ—энгуктэ̀ ср. Ман. эгу
луна—бѣга ср. Ман. бя.

лучина—ивэлэ
лучше—аймэнъ
лѣвый—чжэиннида̀
лѣнивый—энэльгэ
лѣстница—куля̀
лѣсъ—мо̀са Ман. моо pl.
лѣто—чжувани̇̀ Ман. чжуварп
лѣчить—доса̀ранъ ср. Ман. дасамби
любить—аяу̀рэнъ
люди—боіэсэль pl. отъ боіэ Ман. бэѣ Мон.
лягать—суина̀нъ
лягушка—эрэки̇̀ Ман. эрхэ
Мало ачку̀нъ ср. Ман. ачжиганъ Монг. уцухэнъ
малый—ничку̀нъ
мальчикъ—у̀тэ, утэка̀нъ
мама—эни̇̀нъ Ман. энѣ
манить—элькі̀рэнъ Ман. элькимби
марать—бодоу̀ранъ ср. Ман. бутулэмби покрываюсь мракомъ.
масло—имуксэ, ср. Ман. нимэнги
мастеръ—модя̀нъ Кит.
матерія—басу̀
мать—эни̇̀нъ см. мама.
медвѣдь—нюнюку̀
мелкій—ничукка̀каръ
мель—паота̀нъ
мерзнуть—донготоро̀нъ
мертвый—спиньча̀
мести—ошу̀рэнъ
метла—ошу̀ръ
мизинецъ—чимики̇̀
мимо—ура̀ча̀
много—бара̀нъ
можно—ода̀нъ, оча̀
мозгъ—иргэ̀
мокрый—улакку̀нъ ср. Мон. углэмби—намачиваю.
молнія—тали̇̀нь, громъ—ура̀нъ ср. Ман. талгянь—молнія; урань—звукъ.
молодой—чжа̀ло
молоко—су Ман. сунь
молотокъ—алкача̀нъ
молотить—чжангі̀ранъ
молоть—иэнда̀ранъ
молчать—чэмку̀
монета—чжинга̀этэунки
море—далай Монг.
морковь—хо̀лобу Кит. хунъ-ло-бо
морозъ—иигі̀нъ
мочить—ула̀рамъ Ман. улгамби
мужикъ—нирави̇̀
мужъ—этырка̀нъ
мука—голи̇̀нъ ср. Монг. гулиръ
мутный—суку̀
муха—дылка̀чанъ ср. Ман. дэрхувэ
мы—микки̇̀
мыло—йза Кит.
мыть—силькира̀нъ
мышь—оня̀канъ ср. Ман. онпика—маленькій звѣрекъ
мѣдь—та̀гчи ср. Ман. тэйшунь
мѣнять—чжуэттэ̀нъ
мѣрять—кэмчжэла̀ржъ
мѣсто—бyга̀, бyа̀ Ман. ба
мѣсяцъ—бѣ̀га, бѣ̀а см. луна
мѣхъ—нга̀нга
мѣшать—уркура̀нъ
мѣшокъ—ку̀ды см. куль
мягкій—дэпэрі̀нъ
мякина—пу̀за
мякишъ—дуюку̀нъ
мясо—улэ̀ ср. Ман. яли
мять—мунниръ̀нъ
На—надэмъ съ мѣстнымъ падежемъ на ду; напр. сира̀ ду надэнъ—на столѣ
набавлять—нэмэрэнъ Ман. нэмэмби
набивать—чипчира̀нъ
набирать—барга̀ранъ Ман. баргямби
навеселѣ—оямку̀нъ см. весело
навозъ—сипту̀ль
навонять—эру̀ваги
навѣрно—тэчжэ̀ см. вѣрно
навязывать—унрэ̀нъ
нагибать—матара̀нъ Ман. матамби
нагишомъ—чжула̀кэнъ
надо—га̀данъ
надувать—у̀рэнъ
нанимать—кучуні̀урэнъ
наоборотъ—укуси̇̀нэнъ ср. Ман. укумби—составляю кругъ
напиться—умна̀нъ Ман. омимби
напрасно-байты Кит.
напротивъ—дамду̀
напугать—талюка̀ттэнъ
народъ—боэль см. люди.
нарумяниваться—пэнда̀ранъ
нары—кола̀нъ Ман. хуланъ—дымовая труба
нарывъ—укши̇̀нэнъ
нарядный—аймака̀нъ ср. Ман. айлунга
населеніе—аиль Монг.
настоящій—эска̀кэнты
натощакъ—чжэмульча̀
научиться—таттэ̀нч ср. Ман. тацимби
надѣвать—тэттэ̀нъ ср. Ман. этумби
надѣяться—итэкэ̀рэнъ
наемный—тургэ̀нъ ср. Ман. турнмби—арендовать
наживать—уру̀ранъ ср. Ман. урэмби—совершенствуюсь

назадъ—амаскàки Ман. амаси
назади—амамгà
называть гэрбiэнъ см. гэрби—имя
наказать—силбарàнъ
накаливать—улапрàнъ
наклеивать—ункандàранъ см. клеить
наконецъ—муданйнъ
наличныя деньги—нàчжига
налѣво—чжэяннидà
наматывать—муркирàнъ ср. Ман. уркимби—окружаю.
находить—бахарàнъ Ман. бахамби
начало—гургэльчэ
нашъ—миккй
не—эсйнь
небо—няния
невозможно—эсйнь д̀до
невыгодно—чжолàаначи
невѣрно—эсйнь тэчжнэ бисйнь
негодный—эсйнь д̀та
недавно—эсинь этда
недалеко—догà, доà
нёбо—тангà
нигдѣ—илякатъ
новый—иркэкйнъ
ноги—алгàнъ
ноготь—усиктà
носъ—оноктд̀ (н.—н. з.)
ночь—долбонй Ман. добори
нѣтъ—àчи
Обмануть—улокиттэнъ
обратно—амаскàки см. назадъ
огонь—тогд̀, тоо; тово ср. Ман. тува.
одѣвать—тэттэнъ см. надѣвать
окно—чонкд̀, чунку Кит. чуанъ-ху.
оконная рама—мудйнъ
онъ—тавàръ
опрокидывать—ункỳрэнъ Ман. ункэмби
отецъ—амэнъ Ман. ама Монг. аман.
откуда—иланй
охотиться—бойрэнъ
очагъ—кообỳнъ ср. Кит. хо-пынь
очень—со
Палецъ—уняхàнь
палецъ—большой—уруỳнъ, уругỳнъ Ман. урхунь
палецъ—мизинецъ—чимикй
пасмурно—туксỳ
пахать—укусинэнъ Ман. усинь—пашня
перегородка—гэланъ pl. гэласа
плакать—соонй Ман. сонгомби
платить—бурэнъ см. давать
плевать—томунàнъ
плечо—мирэ ср. Монг. муру.
плохой—чжэкэй
повѣсить—(локàранч) лок̀ранч.
погасить—сiучжарàнъ
погашу—сiучжамкэ̀
погода—эдйнъ
подавиться—какарàнъ
пойди—нгэннэ
поколотить—чаньчирàнъ ср. Монг. цзанчиху
покури—тамгэ укэ̀ль
поле—ковйръ
получать—гàданъ см. забирать
полъ—ильдàнъ
поперегъ—аукàки
попусту—байты Кит.
порогъ—бусулгà Монг. бусуга
потолокъ—ордн̀инъ
поясъ—омỳль см. кушакъ
представлять—чиннарàнъ
продать—унирэ̀нъ
произношенiе—ульгỳръ
птица—чикэнэнъ, чинакà ср. Ман. чэчикэ
пять—тонгà
пятьдесятъ—тунганнй
пятьсотъ—тонга нямàди
Работать—гэрбэрэнъ
рама оконная—мудйнъ
рога—игэ, иэ ср. Ман. Кит. гiо.
ротъ—амгà Монг. ама
рыба—олд̀, кэтà
рука—нгàла Ман. гàла
рѣка—биракàнъ Ман. бира
рѣсница—нямуксàнъ
Садись—тоокд̀ль
сапоги—гучỳръ
сейчасъ—масэ̀нъ
сегодня—эннэй Ман. энэнги
семь—надàнъ Ман. надань
семьдесятъ—наданнй
семьсотъ—надàнъ нямàди
сколько—окй
скоро—дигарчжй
слово—ульгỳръ
слышать—дюльдирàнъ Ман. доньчжимби
слюна—чжаликсà
смѣяться—инэктэрэ
снѣгъ—иманà Ман. ниманги
снѣгъ идетъ—иманàранъ
собака—нгинакйнъ
солнце—дэлачà
сопли—илэксà
сорокъ—дэки Ман. дэхи
спать—ашинàнъ
не спится—мээльгà
спасибо—урунчàо
стекло—гу
старый—апиты

сто—нямàди
стоить (цѣна)—кудàчи. Сколько стоитъ—
 окй кудàчи Ман. худа—цѣна.
столъ—сирà Монг. ширэ
сторона—дарамà
строгать—туйвандàранъ
ступня—олдакй
стѣна—душò
сухой—олгòкинъ Ман. олхонь
счастье—тэгэрэнъ, тээрэнъ
Табакъ—тамгэ̀
талина—сѐкта
тамъ—талà
теперь—чжакйнь
тихо—элькокàнди Ман. элкэкэнь
топка у печи—гульджàръ
трава—ороктò ср. Ман. орхо
три—илàнъ Ман. илань
тридцать—готѝнъ Ман. госнинь
триста—илàнъ нямàди
туловище—тигэнъ
тушь—бэкэ̀ Ман. бехэ
ты—си Ман.
тысяча—мингà
Угли—яльчѝ
улица—гэ ср. Ман. гяй.
усы—гургактà
утро—тиманѝ Ман. чимари
ухо—ланчѝ
уши—сѐнь Ман. шань
Хлѣбъ—угỳнъ
хорошій—аймахàнъ, ай
хотѣть—дуларàнъ см. желать.
худой—эрỳмэнч, эрỳ
хвостъ—ильгѝ
Цыновка—дарсỳ Ман. дэрхи
цѣна—кудà Ман. худа.
цѣлый—вурѝнъ
Человѣкъ—боэ Ман. бэѣ.
черпать—барикчикàнъ Ман. баргямби.
чеснокъ—соньдà Ман. Кит.
четыре—дыйнъ Ман. дуинь
четыреста—дыйнъ нямàди
четырнадцать—чжань дыйнъ
чиновникъ—ноіòнъ.
Шесть—нюнгунь Ман. нингунь
шестьдесятъ—нюнгунни
шестьсотъ—нюнгỳнъ нямàди
шея—никпинà
Щека—дэрэ см. лицо
Ѣсть—ичжэбтэнъ Ман. чжэмби
наѣлся—олочà
Я—би Ман. Монг.
языкъ—иннѝ
ясно (о погодѣ)—гаалчà Ман. галча
ясный—минбай Кит.
Это—орѝ
этотъ—таварч ср. Ман. Монг. тэрэ

Студентъ *Ив. Скурлатовъ.*

Сказка о Чесоточномъ Шаманѣ Wапысьхаlayl—lумозыl.

I.

Былъ великій шаманъ именемъ Мээмгынъ оленный человѣкъ, жилъ въ срединной странѣ. Было у него восемьдесятъ жилищъ; всѣ жилища наполнены людьми; было восемь стадъ, олени какъ валежникъ въ лѣсу. Былъ у него единственный сынъ, именемъ Рынтэу. Этотъ сынъ умеръ. Мээмгынъ, великій шаманъ, искалъ его по всей землѣ, обыскивалъ всѣ вселенныя, не могъ найти. Въ великой печали сидитъ въ пологу, пересталъ шаманить, изъ полога не выходитъ. Тѣло сына лежитъ передъ нимъ на шкурѣ. Тѣло всё сгнило, ибо прошло три года, кости отдѣлились отъ мяса и внутренности вывалились на шкуру и смѣшались съ гнилой шерстью. Наконецъ, отецъ всталъ, призвалъ двухъ работниковъ [1]) и говоритъ имъ:—За предѣломъ земли, гдѣ небо и земля сходятся, живетъ великій шаманъ, Чесоточный человѣкъ [2]). Подите, позовите его, скажите—Мээмгынъ тебя зоветъ, не оживишь-ли сына? Самъ выбралъ имъ четыре оленя, запрегъ ихъ въ сани, посадилъ ихъ на сани, самъ надѣлъ узды на оленей, самъ возжи надѣлъ имъ на руки [3]), самъ заговорилъ оленямъ уши и головы, и сани и сбрую. Окончивъ заговоръ, дунулъ,—полетѣли они по воздуху какъ гуси.

У Чесоточнаго сто домовъ. Стоятъ у самаго земленебеснаго рубежа (предѣлъ достиженія) [4]). Онъ лежитъ издавна въ пологу, ибо не можетъ самъ пошевелиться. Все тѣло его покрыто паршами. Ротъ и внутренность зѣва, руки и ноги, губы и глаза, подошвы и кончики ногтей, все покрыто чесоткой. Только жена перекладываетъ его въ пологу съ мѣста на мѣсто. Еще до ихъ прихода говоритъ утромъ женѣ:—Положи меня у задней стѣны, дай мнѣ бубенъ, я немного постучу, посмотрю въ бреду [5]). Постучалъ немного въ бубенъ, а бубенъ привѣшенъ на ремнѣ, ибо держать его не можетъ. Немного погодя, говоритъ онъ женѣ:—Свари побольше ѣды, гости сегодня будутъ. Переложи меня къ передней сторонѣ!—Только переложила, явились гости.

Полетѣли посланные Мэмгына по верху какъ птицы, скоро достигли предѣла земли. Виднѣется собраніе домовъ. Одинъ говоритъ:—Привяжемъ оленей, пойдемъ пѣшкомъ!—Пошли, приходятъ въ селеніе, бродятъ какъ въ лѣсу. Спросили у переднихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—Спросили у середнихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—Спросили у заднихъ, гдѣ домъ Чесоточнаго, сказали:—пройдите дальше!—На самомъ краю собранія домовъ нашли шатеръ Чесоточнаго.—Коко!—говоритъ Чесоточный.—Гости пришли! Откуда вы?—Отъ Мэмгына изъ срединной страны. У него сынъ умеръ проситъ тебя поискать его.—Да я какъ пойду? Я весь въ чесоткѣ, тѣло мое твердо, какъ дерево; жена перекатываетъ (меня),

---

1) Выпilыt.
2) Wапысьхàlayl.
3) Оленьи возжи оканчиваются ременными петлями, которыя надѣваются на руки.
4) Кукуt-tàhын.
5) Fэtы мыhitэськirкwок.

какъ бревно.—Все-таки попробуй! Мээмгынъ богатъ: хорошо заплатитъ.—Не знаю, какъ будетъ. Попробую! А вы на чемъ пріѣхали?—На оленяхъ!—Какіе такіе олени? Что за олени?—Развѣ оленей не знаешь?—Такое множество, чѣмъ питаетесь? Какія стада у васъ?—Наши стада собачьи, собачье мясо мы ѣдимъ!—Посмотрѣли. Около домовъ ходятъ собачьи стада. Собаки большія и жирныя, не меньше оленей.—Ну, приведите-же оленей, посмотрю!—Привели. Со всѣхъ сторонъ разглядываетъ, не можетъ наглядѣться.—Это мои олени!—Сказали въ утробѣ своей [1]): Ухъ! На чемъ домой поѣдемъ! Дальніе мы. Худо!—Узналъ (вычиталъ) ихъ мысли изъ утробы. Говоритъ:—Чего опасаетесь! Развѣ я не смогу уѣхать безъ вашихъ оленей? Могу!—Говорятъ въ утробѣ своей:—Весьма безсиленъ! Не великій человѣкъ!—Отвѣчаетъ, узнавъ эти слова:—Нѣтъ, если пойду, то силу найду.—Какже оленей возьметъ? думаютъ въ утробѣ своей,—вѣдь собаки съѣдятъ ихъ. Напрасно.—Отвѣчаетъ на эти слова: Могу устроить, что не съѣдятъ. Подведите-ка оленей!—Подвели ему оленей. Онъ имъ сталъ наговаривать въ глаза, и въ уши, и въ ноздри, и въ ротъ. Наговаривалъ, наговаривалъ; какъ только окончилъ, убѣжали олени, задравъ хвостики, какъ собаки, добѣжали до сабачьяго стада, стали нюхать другъ друга (собаки и олени). Немного послѣ того говоритъ:—Вы по дорогѣ чѣмъ питались?—Они говорятъ: Оленьимъ мясомъ.—Покажите мнѣ ваши запасы!—Разглядываетъ, смотритъ. Вотъ воистину мои запасы!—Говорятъ въ утробѣ своей:—О, на обратномъ пути чѣмъ будемъ питаться, ночуя на сѣптухѣ?—Отвѣчаетъ, узнавъ слова:—Если поѣдемъ, развѣ станемъ ночевать на сѣптухѣ! Не станемъ ночевать.—

Поѣли гости и попили. Когда наступилъ вечеръ, говоритъ Чесоточный:—Пора намъ въ путь!—Около его селенія высокая кругая гора.—Вотъ на эту гору взойдемъ. Онъ взялъ бубенъ, они взяли его подъ руки и понесли на верхъ горы. Пришли на вершину поздно ночью, положили его на траву.—Теперь сосните до утра!—говоритъ Чесоточный. Положилъ ихъ рядомъ на траву. Только заснули, онъ сорвалъ всю траву вокругъ себя и сталъ плести веревку, сплелъ травяную веревку, выплелъ и узды и возжи; узды надѣлъ на спящихъ, возжи взялъ въ руки; дунулъ, понеслись по воздуху какъ птицы. А около шатра Мээмгына тоже высокая гора; на той горѣ опустились спящіе. Когда стало разсвѣтать, разбудилъ Чесоточный посланцевъ.—Посмотрите-ка вокругъ себя, это что за земля?—Чего смотрѣть! Прежняя гора,—отвѣчаютъ со сна и не хотятъ раскрывать глазъ. Когда стала большая заря, снова разбудилъ ихъ Чесоточный.

— Посмотрите-ка внизъ; чьи это олени ходятъ? Чьи это жилища виднѣются?—Мэй! закричали они,—вотъ наше стадо, вотъ наши дома! И побѣжали внизъ. Пришелъ Чесоточный въ шатеръ Мээмгына: отецъ сидитъ передъ кучей гнили, не подымая головы.—Я пришелъ,—говоритъ Чесоточный,—призванный тобою! Хотя и трудно найти украденнаго, но попробовать можно, какъ будетъ. Но вѣдь мы съ тобой оба равно вдохновенные. Искалъ-ли ты своего сына?—Искалъ.—Гдѣ искалъ?—Вездѣ.—Что нашелъ?—Ничего.—Вверху надъ нами свѣтятся многочисленныя звѣзды,—смотрѣлъ-ли между ними?—Смотрѣлъ.—Что же?—Нѣту!—О! гдѣ-же найти твоего сына, если тамъ нѣтъ!...

Въ глубинѣ моря живетъ множество крупныхъ тварей, тюленей и моржей и лахтаковъ,—смотрѣлъ-ли между ними?—Смотрѣлъ.—Что-же?—Нѣту!—О, гдѣ-же найдемъ твоего сына, если тамъ нѣтъ...

Въ глубинѣ моря живетъ другое множество среднихъ тварей: бѣлыхъ, красныхъ, сѣрыхъ рыбъ, нагихъ и одѣтыхъ чешуей,—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—О гдѣ же найдемъ твоего сына, если тамъ нѣтъ. Въ глубинѣ моря живетъ третье множество мелкихъ тварей: морскихъ звѣздъ, ракушекъ, червей, водяныхъ клоповъ,—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—На поверхности земли бѣгаетъ всякая дичь: дикіе олени, лисицы, медвѣди, зайцы, волки. На поверхности земли ползаютъ всякія насѣкомыя, бѣлошапки [2]), и мохнатки [3]), и божьи коровки [4]), и черные жуки [5]). Въ глубинѣ земли роются красные черви—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—На пространствѣ сѣптухи ростетъ множество травъ, смотрѣлъ-

[1]) Xäləlвынчыку нiyxäət.
[2]) Kalrəвħыt [3]) Mыħħыtkàlыt [4]) ħыtokalə̀lыt [5]) Tänнəytti.

ли отъ былинки къ былинкѣ?—Смотрѣлъ. —Что-же?—Нѣтъ.—О, гдѣ же найти твоего сына, если тамъ нѣтъ.—Пересмотрѣлъ-ли всѣ побѣги и отростки тальника среди пустыни?.. Пересмотрѣлъ-ли всѣ стволы лиственницъ въ лѣсу?.. Пересмотрѣлъ. Что-же?—Нѣту!—Берега рѣкъ покрыты мелкими камешками – искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что же?—Нѣту—Все видимое и осязаемое, все существующее на этой землѣ,—пересмотрѣлъ-ли ты? — Пересмотрѣлъ. — Что-же? — Нѣту! — Подъ этой землей есть другая вселенная, принадлежащая Кэля; у ней есть свое небо, свои звѣзды, свое солнце и мѣсяцъ, и свое море,—смотрѣлъ-ли ты между всѣмъ существующимъ на той землѣ, между звѣздами вверху, рыбами въ морѣ, травами надъ землей и червями въ почвѣ?—Смотрѣлъ.—Что-же?—Нѣту.—Подъ этой вселенной есть третья вселенная, населенная людьми; тамъ тоже свое небо и свои звѣзды, свое море и свое солнце и мѣсяцъ.—Искалъ-ли между всѣмъ существующимъ на той землѣ?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—Надъ нами вверху надъ изнанкой неба, есть опять вселенная, принадлежащая надземнымъ духамъ, новыя звѣзды, новая твердь новое море,—искалъ-ли между ними?—Искалъ.—Что-же?—Нѣту.—Надъ той вселенной есть третья вселенная, принадлежащая людями, тоже съ моремъ и звѣздами, и солнцемъ, наполненная дичью въ лѣсахъ и рыбой въ водѣ,—искалъ-ли тамъ?—Искалъ.—Гдѣ больше жизни: на надземной или на подземной вселенной?—Какъ разъ одинаково.—Гдѣ больше рыбъ въ морѣ, дичи на сѣнухѣ, птицъ въ воздухѣ,—въ надземной или подземной вселенной?—Какъ разъ поровну.—Обыскалъ-ли ты вселенную на восходѣ солнца?—Обыскалъ.—Обыскалъ-ли ты вселенную на закатѣ солнца.......... А на потуханіи зари?....... А лежащую на полдень......... А лежащую на полночь?........... Всё обыскалъ. Нигдѣ нѣтъ.

— А выше всего есть надъ нами вселенная небольшая и лежащая особнякомъ, принадлежащая Птичьей женщинѣ [1]), тамъ посмотрѣлъ-ли?—Нѣтъ, не смотрѣлъ, той вселенной я не знаю.—Вотъ, должно быть, Птичья жена украла твоего сына. Пойду-ка его искать.

Загремѣлъ, зашумѣлъ бубномъ, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ внутрь земли. Потомъ далеко за шатромъ послышался шумъ. Вышелъ изъ земли и взвился съ бубномъ прямо вверхъ, до вселенной Птичьей жены. По дорогѣ три вселенныя: на одну восходитъ, на другую возвращается, на одну восходитъ, на другую возвращается; спутываетъ слѣды. Миновалъ три вселенныхъ по дорогѣ, скоро достигъ до ея вселенной, посмотрѣлъ вокругъ (себя), увидѣлъ желѣзный шатеръ, въ шатрѣ круглая дыра, виднѣется желѣзный пологъ. въ пологѣ тоже круглая дыра, сквозь дыру виднѣется душа [2]) мальчика, у задней стѣны перевязана желѣзными ремнями по всѣмъ суставамъ. Птичья жена похитила его себѣ на пищу, посадила у задней стѣны. Каждое утро спрашиваетъ его: Чѣмъ ты питался на своей землѣ?—Я питался олениной, морскимъ мясомъ, тюленьимъ жиромъ, моржовымъ саломъ, боками дикаго оленя!—Тотчасъ же улетитъ за три вселенныхъ, принесетъ мясо разнаго рода и кормитъ его, откармливаетъ его себѣ на пищу. По всѣмъ стѣнамъ желѣзнаго шатра развѣшаны огромныя части мяса. Птичьей жены нѣтъ дома; она полетѣла добывать мальчику на ѣду китовой кожи. Но у дверей желѣзнаго шатра привязаны двое Рэккэ [3]). Ихъ уши поворачиваются во всѣ стороны, ловя малѣйшій шумъ. Чесоточный обернулся комаромъ, только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, на него щелкаютъ зубами,—уловили шумъ крыльевъ. Обернулся оводомъ, только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, щелкаютъ зубами,—уловили шумъ крыльевъ. Обернулся бѣлошапкой; только что хочетъ влетѣть въ шатеръ, щелкаютъ зубами,—уловили шумъ ея крыльевъ. Обернулся бабочкой; только что хочетъ влетѣть щелкаютъ зубами,—уловили шумъ ея крыльевъ.—Пукъ! говоритъ—замедленіе! Скоро придетъ Птичья жена!—

---

[1]) ħaĺħanay—чудовище съ птичьими крыльями, женскимъ лицомъ и торсомъ и желѣзно-когтистыми лапами, питающееся душами людей.

[2]) Uvireit.

[3]) Рэкэt, чудовища съ медвѣжьей пастью и огромными парусообразными ушами, способными уловить малѣйшій шорохъ.

Пошелъ Рынтэу на свѣтъ. Пока былъ день, шелъ прямо, стало вечерѣть на нашей землѣ, потемнѣло отверстіе, опять заблудился въ темнотѣ, толкнулъ ногою ворона.— Гы-гы-гы! Что ты толкаешься?—К о к о! Человѣкъ тоже ты?—Хоть не человѣкъ, а все-таки въ темнотѣ жительство имѣю, не толкай насъ, мы тоже жители.—А если вы жители, дайте переночевать,—я сильно усталъ.—Ну ладно, полѣзай.—Посадилъ его подъ мышку (лапы)! Захочешь помочиться, скажи, я подамъ сосудъ.—Захотѣлъ мочиться.— «Hapһынoldt эчуylһдн!»—«Waho!»—протянулъ ему другую лапу,—подъ мышку.—«Вотъ сюда!»—Потомъ вылилъ въ сторону. На утро стали прощаться. Виднѣется впереди свѣтъ, какъ дымовое отверстіе шатра.—Вотъ туда иди, то твоя земля!

Шелъ, шелъ, дошелъ до желѣзнаго хребта, гладкій отвѣсный, какъ скала объѣденная лежитъ. Все-таки сталъ карабкаться вверхъ ногтями и зубами. Немного взлѣзъ: скатился внизъ, упалъ навзничь. Глядь, а онъ на вершинѣ хребта. Посмотрѣлъ внизъ: свѣтлая земля, тутъ и ихъ дома подъ горой. Скатился съ хребта, пришелъ домой. Старушки увидѣли издали, всѣ съ плачемъ бѣжали, ибо заранѣе боятся.

Еще хуже дѣлаетъ надъ людьми. Стали плакать всѣ женщины.—Ухъ!—говоритъ отецъ—что же съ нимъ сдѣлать?—Говоритъ ему:—Если ты вправду шаманъ, на восточной сторонѣ, въ темной землѣ, живетъ Кэля, высватай у него дочь!...—Хорошо!— говоритъ и полетѣлъ на востокъ, какъ птица. Въ темной землѣ на восточной сторонѣ живетъ Кэля съ женой. Единственная дочь. Мать говоритъ ему;—Ты зачѣмъ:—Вашу дочь пришелъ сватать!—Возьми!—говоритъ,—если не имѣешь страха!.. Привезъ домой, тотчасъ же забеременѣла. У сосѣдей, гдѣ увидитъ рѣбенка, тутъ и съѣстъ. Съ плачемъ жалуются отцу.

— Ухъ!—говоритъ отецъ—что съ нимъ дѣлать?...—Говорятъ ему.—На западной сторонѣ въ темной землѣ живетъ другой Кэля. Его дочь, попросивъ, высватай!...

Полетѣлъ на западъ.—Пришелъ?—Пришелъ!.. Зачѣмъ ты?—Вашу дочь высватать!— Возьми ее, если вы не имѣете страха.

Только что привезъ домой, тутъ же забеременѣла. Въ сосѣднихъ шатрахъ, гдѣ увидитъ старика, тутъ и съѣстъ. Люди пуще прежняго съ плачемъ жалуются.

— Ухъ!—говоритъ отецъ.—На сѣверной сторонѣ въ темной землѣ есть у Кэля великій ножъ (мечъ). Его достань!...

Отправился, пришелъ. Видитъ круглая скала безъ двери. Сталъ кричать, а оттуда голосъ отвѣчаетъ:—войди!.. Но двери нѣтъ. Опять сталъ кричать, камень раскрылся и впустилъ его.

Живутъ Кэля старикъ и старуха. Все жилище наполнено шкурами песцовъ, лисицъ, горностаевъ, бѣлокъ.—Ты зачѣмъ?

— Пришелъ шаманить, если желаете слушать!..—А самъ смотритъ: ножъ тутъ же лежитъ.

Зашаманилъ Рынтэу. Шкуры песцовъ, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ ожили и стали плясать подъ стукъ бубна.—Коко!—говоритъ Кэля.—Хорошо ты постукиваешь! И мы попробуемъ (плясать)!

Плясали, плясали. Устали, упали, заснули. Рынтэу схватилъ ножъ и убѣжалъ. Старуха наконецъ проснулась. Говоритъ:—Гдѣ новый гость? Его печенью сладко закусимъ!—А гостя уже давно нѣтъ.

Принесъ домой большой ножъ, повѣсилъ надъ пологомъ. Ножъ Кэля развѣ будетъ хорошо пребывать? Кто коснется рукой, умираетъ, кто посмотритъ, заболѣетъ. А жены ѣдятъ дѣтей и стариковъ. Плачутъ люди. Пуще мука отцу. Говоритъ ему:— За моремъ живетъ моя сестра! Поѣзжай въ гости!—Рынтэу уѣхалъ, а отецъ зарѣзалъ двухъ бѣлыхъ сукъ, содралъ шкуры и одѣлъ невѣстокъ, а языки имъ обвязалъ крѣпко.

Пріѣхалъ Рынтэу.—Гдѣ мои жены?—Сказали: «Скучно здѣсь жить! уѣдемъ домой!...»—А двѣ суки такъ и ходятъ вокругъ Рынтэу.—Что съ вами?—посмотрѣлъ, а у нихъ языки обвязаны. Развязалъ языки, заговорили, какъ прежде. Содралъ и собачину. Снова стали ему женами. Пуще прежняго истребляютъ людей.

Ухъ!—говоритъ старикъ,—что съ нимъ дѣлать?—Пошелъ на сторону восхода, нашелъ старушку Кэрэк [1]).

Старуха Кэрэкъ величиной съ толстый палецъ. По дорогѣ говоритъ старушка съ порчей отцу:—«Если застанемъ его въ пологу, ладно. Если застанемъ на дворѣ, скажи, пусть войдетъ въ пологъ. Когда же войдетъ, пусть тотчасъ же выйдетъ! Пошли его навѣстить наружное пространство!»—Подошли къ дому. Сынъ снаружи что-то работаетъ.—Войдемъ въ пологъ!—говоритъ отецъ. Вошелъ Рынтэу вмѣстѣ съ отцомъ.—Ну, теперь выйди наружу, посмотри, что дѣлается въ наружномъ пространствѣ!—А старушка Кэрэкъ создала волшебствомъ одну вселенную внутри полога, другую вселенную внутри шатра, третью вселенную снаружи. Вышелъ изъ полога, пошелъ впередъ, потерявъ умъ. Такъ шелъ. У берега морскіе утёсы, на нихъ подобные толстому пальцу каменные отростки (пэ̆ркаі̆), прямо надъ водой. На одномъ изъ нихъ очутился верхомъ, тогда очнулся. Смотритъ кругомъ—мѣсто незнакомое; сзади—камень, снизу—бушуетъ море, сидѣнье узкое—сойти нельзя. Сидитъ и день, и два, мозгъ въ костяхъ сталъ высыхать отъ голода. Наконецъ, летитъ мимо воронъ.—Кто ты?—Рынтэу!—Зачѣмъ сидишь на каменномъ пальцѣ?—Да какъ сойду!—Хочешь, я тебя научу сойти и вернуться?—Эһей!—А что дашь на выкупъ?—Дамъ, что угодно.—Всѣхъ живыхъ, кого увидишь дома, убей мнѣ!—Согласенъ.—Ну, слушай меня, не испуская дыханія. Пройдетъ утро и вечеръ, поплыветъ мимо утёса кокора иноземнаго дерева, принесенная движеніемъ моря. Станетъ проплывать мимо, прыгай на неё съ каменнаго пальца, не думай о высотѣ, не разсчитывай, что «можетъ быть я убьюсь». Прыгай прямо внизъ, очутишься на кокорѣ, поплывешь за море. Станешь приплывать къ берегу, зажмурь глаза; каменистый берегъ зашумитъ подъ тобою, не открывай глазъ. Со слѣпыми глазами набери въ горсть дресвы [2]) и пересыпай камешки изъ руки въ руку. Когда ощутишь, что они мягки, какъ ягоды морошка, брось горсть черезъ голову. Тогда подхватитъ тебя и понесетъ по верху и опять перенесетъ черезъ море. Когда зашумитъ подъ ногами каменистый берегъ, то опять, зажмурившись, набери въ горсть дресвы и перебрасывай изъ руки въ руку. Когда станетъ мягко, какъ морошка, опять бросай черезъ голову; опять подхватитъ тебя, перенесетъ черезъ море. Когда опустишься на землю, открой глаза, тогда найдешь. Пойдя по землѣ, найдешь старое кочевище, поищи на немъ, найдешь иглу, потомъ еще пойди, найдешь кочевище, на немъ поищи, найдешь наперстокъ. Сдеря съ большого жука шкуру, натяни кожей на бубенъ. Когда дойдешь домой съ этимъ бубномъ, соверши «служеніе» надъ иглой и наперсткомъ!

Сказавши, улетѣлъ. Сидитъ на каменномъ пальцѣ Рынтэу,—по прежнему не можетъ спать. Прошелъ день, прошла ночь, плыветъ мимо кокора, уносимая морскимъ движеніемъ,—прыгнулъ Рынтэу, попалъ на кокору. Понесло его черезъ море. Когда присталъ къ берегу, зажмурилъ глаза, каменистый берегъ зашумѣлъ подъ ногами. Со слѣпыми глазами собралъ въ горсть дресвы и сталъ пересыпать камешки изъ руки въ руку. Когда ощутилъ, что они мягки, какъ морошка, бросилъ черезъ голову. Подхватило его и понесло по верху и перенесло за море. Зашумѣлъ подъ ногами каменистый берегъ; набралъ въ горсть дресвы и сталъ пересыпать камешки изъ руки въ руку, когда ощутилъ, что они мягки, какъ морошка, бросилъ черезъ голову. Подхватило его и понесло по верху и перенесло въ его землю. Пришелъ онъ къ своему дому—Слава Богу! [3]) Пришелъ!—говоритъ ему отецъ.—Да, пришелъ! А гдѣ старушка Кэрэкъ?—Здѣсь.—Скажи ей: Завтра будемъ совершать служеніе. Пошлите вѣсти по народу!

Сталъ строить деревянный шатеръ; выстроилъ такой большой, что отъ входа задняя стѣна еле виднѣется. Пока собирался народъ, окончилъ жилище. Собрались люди со всѣхъ сторонъ, наполнили все жилище. Сталъ онъ шаманить на своемъ маленькомъ бубнѣ. А старушка Кэрэкъ устроила подножіе изъ опрокинутаго котла и, взобравшись на него, давала ему пѣвучіе отвѣты, поднялся ея голосъ и достигъ дымоваго

[1]) Кэрэк—небольшое племя, живущее на побережьи Тихаго Океана. Ему приписываютъ большія колдовскія знанія.

[2]) Крупнаго зернистаго песку.

[3]) Рэхä Іумнä.

отверстія и вышелъ, наполняя пустыню. Собрались, всѣ мущины, женщины и дѣти, стѣснились въ домѣ. Только одной сироткѣ, безъ отца и безъ матери, сказалъ Рынтэу.— Не будь здѣсь! Выйди вонъ и будь тамъ снаружи!—Она вышла. Тогда сказалъ Рынтэгу:—Сюда игла!—И сверху сквозь трубу спустилась игла, какъ будто на ниточкѣ.— Кому эта игла подходитъ по рукѣ, пусть та женщина возьметъ её.—Мнѣ, мнѣ!— кричатъ женщины. Протягиваютъ руки къ иглѣ, а она уклоняется, не дается имъ.— Ну, если никто не можетъ взять, уберите её обратно!—сказалъ Рынтэу и утянуло вверхъ иглу, какъ будто на ниточкѣ.—Теперь сюда наперстокъ!—сказалъ Рынтэу. Спустился сквозь отверстіе наперстокъ, какъ будто на ниточкѣ.—Кому этотъ наперстокъ, по рукѣ, та женщина пусть его и возьметъ!—Мнѣ, мнѣ!—кричатъ женщины, протягиваютъ руки къ наперстку, а тотъ уклоняется, не дается имъ.—Ну, если никто не можетъ взять, уберите его обратно!—Утянуло вверхъ наперстокъ, какъ будто на ниточкѣ.

— Когда я скитался, потерянный среди вселенныхъ,—запѣлъ Рынтэу—я держалъ въ рукахъ камни и они стали мягки, какъ морошка. Гдѣ моя морошка, твердая какъ камень?

Сверху спустилась бусина, какъ будто ягода морошки, укрѣпленная на длинной серебряной нити; блескъ освѣтилъ весь домъ.—Кому эту подвѣску?—сказалъ Рынтэу— Мнѣ, мнѣ!—закричали женщины. Со всѣхъ сторонъ протянулись руки и схватились за нить. Кому не достало мѣста, тѣ хватали за руки сосѣдокъ. Тогда ударилъ Рынтэу въ свой бубенъ изъ жучьей кожи и запѣлъ:—Когда я сидѣлъ на каменномъ пальцѣ надъ моремъ, воронъ попросилъ меня отдать ему на добычу весь народъ. Возьми, черный, каркающій, свою добычу! Забавно-ли тебѣ старушка Кэрэкъ? Твоя порча возвратилась на твое собственное тѣло.—Подпрыгнулъ вверхъ Рынтэу и выпрыгнулъ изъ дымоваго отверстія; но бубенъ его выросъ и застрялъ въ отверстіи и закрылъ его собою. Двери и выходы деревяннаго дома всѣ исчезли. Тогда колотушка сама стала стучать въ бубенъ, какъ пойманная птица. Бусина стала рости и рости и тѣснить людей, окружавшихъ её. Сначала стала, какъ шишка сверла, потомъ какъ дѣтская голова, потомъ какъ человѣческая голова, потомъ какъ оленья свѣжевываленная брюшина, потомъ какъ круглый тюлень, потомъ какъ лахтачная туша, больше и больше, наполнила весь домъ, сжимая людей. Еще ростетъ бусина, еще стучитъ колотушка, кровь проступила, какъ кровавый потъ, сквозь бревна, лопнули связи дома и распались врозь. Полилась кровавая рѣка отъ постройки Рынтэу,—такъ остались на землѣ только двое: Рынтэу и сиротка, оставленная снаружи. Женился Рынтэу на сироткѣ и отъ нихъ снова размножился человѣческій родъ.

Сообщилъ *Богоразъ.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Slovanský Přehled, sborník statí, dopisův a zpráv ze života slovanského Redaktoř. Ad. Černý. V. Praze. 1898—1899. Číslo I—X.

Торжественное празднованіе чешскимъ народомъ въ іюнѣ прошлаго года сотой годовщины рожденія Палацкаго, вызвавшее въ чешской популярной и научной литературѣ цѣлый рядъ изданій, прямо и косвенно связанныхъ съ именемъ историографа, обогатило чешскую періодическую прессу журналомъ, привѣтствовать который будетъ каждый нелицемѣрный другъ славянства. Мы говоримъ о «Славянскомъ Обозрѣніи», которое, съ октября прошлаго года, начало выходить въ Прагѣ подъ редакціей извѣстнаго Адольфа Чернаго.

Хотя идея создать печатный органъ славянства, какъ единаго этнографическаго цѣлаго, стара также, какъ само славяновѣдѣніе [1]), всѣ попытки въ этомъ родѣ до сихъ поръ фатально оканчивались неудачей. Вспомнимъ судьбу хотя бы чешскаго «Славянскаго Сборника» (Еллинека) или нашего «Славянскаго Обозрѣнія» (Будиловича), которые, не смотря на широту своихъ программъ и участіе многихъ выдающихся представителей славянской науки, очень скоро послѣ своего основанія должны были прекратить свое существованіе среди удручающаго равнодушія публики. Хотя такой результатъ и былъ весьма естественъ при той крайней степени политической и культурной раздробленности, въ какой находятся славянскія народности, все-же онъ приводилъ къ весьма пессимистическимъ заключеніямъ относительно возможности между послѣдними литературной взаимности.

Къ счастью, такой выводъ оказался преждевременнымъ. Пражскія торжества въ честь «отца чешскаго народа», принявшія общеславянскій характеръ, благодаря участію въ немъ представителей всѣхъ, большихъ и малыхъ, славянскихъ племенъ, показали, что при всемъ различіи національно-политическихъ и культурныхъ стремленій славянскихъ народовъ. послѣдніе имѣютъ и общіе интересы, на почвѣ которыхъ возможно нѣкоторое духовное объединеніе. Они указали и путь къ такому объединенію—научно-безпристрастное изученіе другъ друга согласно девизу Палацкаго: «Svoji k svému, a vždy dle pravdy».

Г. Черный стоитъ вполнѣ на высотѣ своей задачи. Научно-образованный этнографъ, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія о «Миѳическихъ существахъ сербовъ-лужичанъ», одушевляемый лучшими традиціями великихъ дѣятелей славянскаго возрожденія, г. Черный умѣетъ соединять въ своемъ журналѣ серіозность научнаго органа съ разнообразіемъ и занимательностью популярнаго изданія. Рядомъ съ статьями этнографическими въ узкомъ смыслѣ слова, каковы напр. «Вліяніе напѣва на текстъ сербо-хорватскихъ пѣсенъ» (Л. Кубы), «Угорскіе русины» (Гнатюка), «Итальянскіе словинцы» (Тринка) «Изъ Босніи» (Грестика),—читатель здѣсь можетъ найти и статьи публицисти-

---

[1]) Какъ извѣстно, еще Добровскій издавалъ въ Прагѣ сборники «Slavin» (1806) и «Slovanka» (1814), посвященные славяновѣдѣнію въ широкомъ смыслѣ слова.

скаго характера, какъ «Словаки и корона св. Стефана» (Бодуэна-де-Куртэна), и очерки по исторіи искусства: «Новѣйшая польская живопись» (Левандовскаго) и—въ особенно большомъ числѣ—статьи по исторіи литературы. Въ послѣднемъ отдѣлѣ встрѣчаемъ не только цѣлый рядъ литературныхъ характеристикъ различныхъ корифеевъ славянской поэзіи: Пушкина (Махала), Мицкевича (Верхлицкаго), Змая Іовановича (Гудца), не только этюды по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи славянскихъ литературъ: «О рукописи «Книгъ польскаго странничества» (Вл. Мицкевича); «Міровая популярность Толтого» (Дорошевича); «У гроба Юлія Словацкаго» (Квапиля); «Два славянскихъ поэта самоучки», параллельная характеристика Кольцова и Хладека, (Квиса); «Къ пятидесятилѣтію смерти Бѣлинскаго» (Щепанека),—но и цѣльные обзоры главнѣйшихъ явленій славянскихъ литературъ, за прошлый годъ. Въ каждомъ № находимъ, кромѣ того, образцы произведеній славянскихъ поэтовъ въ чешскомъ переводѣ, составляющіе въ общей совокупности маленькую славянскую антологію. Если прибавить, наконецъ, что постояннымъ отдѣломъ журнала являются корреспонденціи изъ всѣхъ главнѣйшихъ культурныхъ центровъ славянства, критико-библіографическія замѣтки о славянскихъ книгахъ, а также довольно подробная хроника событій въ славянскомъ мірѣ, то вполнѣ станетъ понятнымъ то единодушное сочувствіе, которымъ было встрѣчено въ западно и юго-славянской прессѣ великодушное предпріятіе г. Чернаго.

Věstnik slovanských starožitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vydává Dr. L. Niederle Praha, Svazek I (1898) и II (1899).

При возрастающей спеціализаціи наукъ, съ одной стороны, и усиливающейся любви къ знанію и самостоятельному изслѣдованію, съ другой, научная производительность увеличилась въ наше время въ такой степени, что слѣдить за всѣмъ, что появляется ежегодно въ области извѣстной науки даже для спеціалиста стало недостижимымъ идеаломъ. Нѣтъ ничего полезнѣе, поэтому, изданія такихъ библіографическихъ журналовъ, которые, не ограничиваясь простой регистраціей новыхъ книгъ, посредствомъ критической оцѣнки ихъ содержанія освобождали ученаго отъ необходимости непосредственно знакомиться со всѣми работами по его спеціальности.

Создать такой именно критико-библіографическій органъ для непрерывно-растущей литературы славянскихъ древностей имѣетъ цѣлью новое изданіе г. Нидерле, профессора чешскаго университета въ Прагѣ. Имя редактора, соединяющаго европейскую ученость въ самомъ точномъ, географическомъ, значеніи слова съ обширнымъ научнымъ опытомъ, ручается за серьезность и широту программы, а международный характеръ журнала, помѣщающаго на своихъ страницахъ статьи на всѣхъ европейскихъ культурныхъ языкахъ, гарантируетъ ему разносторонность и объективность.

Въ вышеупомянутыхъ двухъ первыхъ выпускахъ «Вѣстника» зарегистрировано около 700 сочиненій по славянскимъ древностямъ, вышедшихъ въ 1897 и 1898 гг. Все это огромное количество изслѣдованій, описаній, сообщеній, отчетовъ и т. д. разбито въ каждомъ выпускѣ на 5 отдѣловъ: къ первому отдѣлу отнесены сочиненія, трактующія о «славянахъ и ихъ антропологическихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ Европы», ко второму—«объ этнологической эволюціи и о началѣ славянской исторіи», къ третьему — «отчеты объ археологическихъ находкахъ», къ четвертому—«труды о различныхъ отдѣлахъ древнеславянской культуры», наконецъ къ пятому—«работы общаго характера». Содержаніе работъ характеризуется обыкновенно или буквальными словами ихъ авторовъ, или болѣе или менѣе самостоятельными рецензіями. Самыя обширныя изъ нихъ принадлежатъ въ первомъ выпускѣ: гг. Нидерле, Поливкѣ, Бехтелю, Левцу и Сизову; во второмъ—Вондраку, Поливкѣ, Зубатому, Гайслеру, Шишманову, Бодуэну-де-Куртенэ, и Кадлецу.

Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Von Adolf Strausz, Leipzig. 1898. 8°. VII стр.+477.

Г. Адольфъ Штраусъ не въ первый разъ выступаетъ въ нѣмецкой литературѣ съ популяризацiей болгарскаго народно-поэтическаго творчества: еще въ 1895 г. онъ издалъ обширную антологiю болгарскихъ народныхъ пѣсенъ *) въ переводѣ, оцѣненномъ по достоинству славянской критикой **). То, что въ этомъ сборникѣ предлагалось вниманiю читателя какъ высокопоэтическiй, но все-таки сырой въ этнографическомъ отношенiи матерьялъ, въ настоящемъ трудѣ находимъ изложеннымъ уже въ обработанной, прагматической формѣ.

Какъ работа синтетическаго характера, книга г. Штрауса заслуживаетъ полнаго уваженiя. Хотя автору пришлось пересмотрѣть и изучить огромное количество памятниковъ народнаго творчества, напечатанныхъ, главнымъ образомъ, въ XI томахъ «Сборника болг. министерства народнаго просвѣщенiя,» г. Штраусъ съ большимъ для иностранца знанiемъ дѣла съумѣлъ отдѣлить въ этомъ неисчерпаемомъ источникѣ существенное отъ несущественнаго, привести въ систему ихъ крайне пестрое идейное содержанiе и изложить въ изящной, общедоступной формѣ. Передъ читателемъ проходитъ длинный рядъ всевозможныхъ вѣрованiй, легендъ и сказанiй болгарскаго народа, которыя оставляютъ тѣмъ болѣе яркое впечатлѣнiе, что авторъ нерѣдко приводитъ ихъ цѣликомъ, въ прекрасномъ, почти дословномъ нѣмецкомъ переводѣ. Такого прiема изложенiя г. Штраусъ держится очень послѣдовательно, изображаетъ-ли онъ космогоническiя представленiя болгарскаго народа (гл. I), его вѣрованiя въ демоновъ (гл. II), воззрѣнiя на судьбу (гл. III), или описываетъ обычаи народа по поводу какъ радостныхъ (гл. V) такъ и печальныхъ событiй (VI) его жизни. Отдѣльная глава (IV) посвящена описанiю прiемовъ народной медицины.

Если съ описательной стороны, трудъ г. Штрауса представляетъ весьма солидный вкладъ въ этнографическую литературу, то нельзя сказать того же о его принципiальной сторонѣ. Авторъ, по собственному его заявленiю, претендуетъ только на скромную заслугу того неаполитанскаго крестьянина, который, сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, взрывая плугомъ землю, наткнулся на нѣсколько мраморныхъ обломковъ, послужившихъ ключемъ къ открытiю развалинъ Помпеи и Геркуланума. Подобнаго рода «урало-алтайскую Помпею» надѣется г. Штраусъ открыть и въ современныхъ баснословныхъ вѣрованiяхъ болгарскихъ славянъ, якобы перешедшихъ къ послѣднимъ отъ тѣхъ урало-алтайскихъ болгаръ, которые въ VII в. положили начало съ Мезiи самостоятельному государству. Какъ ни вѣроятна эта гипотеза сама по себѣ, врядъ-ли ея основанiя безспорны въ такой именно степени, какъ предполагаетъ г. Штраусъ. Прежде всего, читатель жестоко ошибся бы, если бы вздумалъ заключить изъ предисловiя, что фактическому подтвержденiю этой гипотезы посвящена вся книга. Если авторъ и приводитъ кое-какiя доказательства въ защиту послѣдней то лишь въ двухъ первыхъ главахъ, гдѣ сопоставлено нѣсколько болгарскихъ легендъ о происхожденiи мiра съ такими же преданiями черемисъ, вотяковъ, мордвиновъ, и др. соплеменниковъ и когда-то непосредственныхъ сосѣдей волжскихъ болгаръ. Хотя содержанiе этихъ легендъ дѣйствительно представляетъ большое сходство, тѣмъ не менѣе механическiй характеръ сопоставленiй не внушаетъ довѣрiя къ выводамъ автора: несомнѣнно—восточный дуалистическiй мотивъ преданiй, въ которомъ Штраусъ видитъ главное доказательство ихъ неславянскаго происхожденiя, могъ проникнуть въ космогоническiя воззрѣнiя болгаръ и другимъ путемъ—посредствомъ богомильства. Что влiянiе послѣдняго въ данномъ случаѣ гораздо вѣроятнѣе, это доказываетъ не только громадная воспитательная роль, которую сыграло богомильство въ исторiи болгарскаго народа, но и сходство, какое имѣютъ тѣ же легенды съ космогоническими воззрѣнiями апокрифовъ вродѣ «Вопросовъ Iоанна Богослова Господу» или «Свитка божественныхъ книгъ».

---

*) Bulgarische Volksdichtungen. Uebersetzt, mit Einleitung und Anmerkungen. versehen. Wien und Leipzig. 1895.

**) Ср. рец. Матова въ Сб. Мин. т. XII и В. Й. въ Периодич. Спис., кн. LVII.

Српске народне пјесме. Скупио их Вук Караџић. Књ. VI (Државно издање). Београд. 1899. 8°. XIII+577 стр.

Шестой томъ пѣсенъ, собранныхъ В. Караджичемъ, изданъ съ такою же тщательностью, какъ и предыдущіе. Содержаніе его составляютъ пѣсни исключительно юнацкія древнѣйшаго (47 №№) и позднѣйшаго (35 №№) времени. Всѣ онѣ напечатаны по оригиналамъ, хранящимся въ Петербургской публичной и Бѣлградской библіотекѣ и представляютъ непосредственное дополненіе II и III тт. прежняго (а также и настоящаго, государственнаго) изданія. Въ общемъ, настоящій томъ содержитъ матерьялъ довольно свѣжій, и только немногія пѣсни сходятся по своимъ мотивамъ съ пѣснями, изданными въ II—III книгахъ *). Что касается способа изданія, то едва-ли не единственное отступленіе отъ пріемовъ Караджича заключается въ томъ, что въ настоящемъ изданіи приняты во вниманіе и тѣ пѣсни, которыя Вукъ исключалъ изъ своего изданія, какъ записанныя отъ плохихъ пѣвцовъ. Такія пѣсни, впрочемъ, здѣсь только пересказываются.

Piesne l'udu slovenského. Vydává Museálna slovenska spoločnost. Sošit I. Sosbieral Štefan Mišík. Turč. Sv. Martin. 1898. 8° 146 стр.

Въ составъ настоящаго сборника вошло 393 пѣсни, записанныхъ г. Мишикомъ въ Спишской столицѣ Словацкой земли. По содержанію, всѣ пѣсни—лирическія. Матерьялъ расположенъ собирателемъ не по сюжетамъ пѣсенъ, а по мѣстностямъ, въ которыхъ послѣднія были записаны. Къ сборнику приложенъ словарь встрѣчающихся въ текстѣ малопонятныхъ словъ. Сборникъ имѣетъ большую цѣну и для лингвиста, такъ какъ всѣ пѣсни напечатаны со строгимъ соблюденіемъ даже мелкихъ особенностей Спишскаго говора. Единственнымъ недостаткомъ настоящаго изданія словацкихъ пѣсенъ,—недостаткомъ, впрочемъ, внѣшнимъ,—служитъ отсутствіе предметнаго указателя, который легко бы могъ устранить нѣкоторыя неудобства, вытекающія изъ «географическаго» расположенія пѣсенъ.

Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1896 г.г.) П. Владимірова. Оттискъ изъ «Кіев. Унив. Изв.» 1898. 1—27 стр.

Подъ такимъ нѣсколько широкимъ по своему объему заглавіемъ авторъ разбираетъ труды проф. Е. Ѳ. Карскаго, въ которыхъ «мы находимъ всѣ данныя по движенію научнаго изученія бѣлорусскаго нарѣчія, сводъ всѣхъ частныхъ работъ другихъ изслѣдователей и много новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ неизданныхъ памятниковъ бѣлорусской рѣчи и пр. печатныхъ сборниковъ народной поэзіи». Признавая важное значеніе работъ г. Карскаго, начиная съ его «Обзора звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи» (Москва, 1886 г.) и кончая «Западно-русскими псалтырями въ XV—XVII в.в.» (Варшава 1896 г.), авторъ указываетъ на рядъ крупныхъ недостатковъ этихъ трудовъ: на пренебреженіе ихъ автора къ самостоятельному наблюденію живыхъ говоровъ, на пользованіе плохими источниками, на отсутствіе тщательнаго анализа состава текстовъ и т. п.

Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка». (Очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). П. В. Владимірова. Кіевъ. 1899. 8° 45 стр.

Если предыдущій очеркъ имѣетъ предметомъ успѣхи, сдѣланные въ области изученія бѣлорусскаго нарѣчія, то въ настоящемъ этюдѣ кіевскій профессоръ подводитъ итоги изученію нарѣчій великорусскаго и малорусскаго. Очерчивая ходъ этого изученія

---

*) При такихъ пѣсняхъ, издатели всегда ставятъ № соотвѣтствующей имъ пѣсни стараго изданія.

г. Владиміровъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ о т. н. «древности» малорускаго нарѣчія, донынѣ, какъ извѣстно, раздѣляющемъ ученыхъ на два лагеря. Въ связи съ этимъ, авторъ обозрѣваетъ попытки и діалектической локализаціи извѣстныхъ группъ памятниковъ древне-русскаго языка, стремленіе къ которой такъ характеризуетъ новѣйшую школу (изслѣдованія Соболевскаго, Шахматова и др.). Въ заключеніе очерка, авторъ опредѣляетъ зависимость отъ «Мыслей объ исторіи русскаго языка» быстрыхъ успѣховъ нашей науки въ послѣднія 50 лѣтъ такими словами: «Если все это въ чьемъ-либо сводѣ получитъ общедоступную форму, то мы обогатимся такимъ же капитальнымъ трудомъ, какой нѣмецкій германистъ предпринялъ 50 лѣтъ назадъ и что только что предчувствовалъ и вызывалъ своими «Мыслями объ исторіи русскаго языка» покойный академикъ Срезневскій.

Во второй части своего очерка находимъ довольно подробное описаніе «Румянцевской лѣствицы», которую проф. Владиміровъ относитъ къ числу южно-русскихъ памятниковъ XII вѣка.

Кижское нарѣчіе, великогубской области, Петрозаводской волости, Олонецкой губ. Св. А. Пономарева. Петрозаводскъ. 1898. 16°. Стр. 53 (Перепеч. изъ «Олон. Губ. Вѣд.» 1898).

Настоящая книжка можетъ служить примѣромъ, какого рода интересныя сообщенія могутъ появляться иногда на страницахъ нашихъ губернскихъ оффиціальныхъ изданій. Село Кижи находится въ т. н. «Заонежьѣ», въ 65 верстахъ отъ г. Петрозаводска. Характеристику нарѣчія авторъ начинаетъ съ ударенія, затѣмъ переходитъ къ обзору фонетическихъ и морфологическихъ явленій и заканчиваетъ статью перечисленіемъ «областныхъ словъ».

В. Н. Перетцъ: Изъ исторіи пословицы. Историко-литературные замѣтки и матерьялы. Спб. 1898. 8°. Стр. 39. (Извлечено изъ Ж. М. Н. П. за 1898).

Авторъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о двухъ сборникахъ, хранящихся въ здѣшней публичной библіотекѣ и содержащихъ въ себѣ довольно богатые матерьялы для исторіи русской пословицы. Это—«Facecye Polskie» 1624 г., разсказы съ нравоучительными выводами, изложенными въ формѣ пословицы, и «Апоөтегмата» т. е. изреченія знаменитыхъ людей и мудрецовъ съ краткими анекдотическими подробностями ихъ о жизни. Въ приложеніи авторъ напечаталъ сборничекъ польскихъ пословицъ 1726 г., интересныхъ, между прочимъ, своими малоруссизмами.

Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной коммиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ. Составилъ Э. Берендтсъ. Ярославль 1898. 8° 41 стр.

Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь монетъ сравнительно древни. Таковы 2 серебряныя новогородскія гривны, 2 серебряныхъ новгородскихъ рубля, серебряная монета удѣльнаго князя Петра Дмитріевича Дмитровско-Угличскаго (1389—1328), мѣдная деньга московская (В. князя Ивана Ивановича 1353—1359) и т. п.

Bei den Huzulen im Pruththal. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich Von Prof. Dr. R. Kaindl (Separatabdruck aus Mitth. d. Anthrop. Gesellsch. in Wien). Mit 42 Text. Illustrationen. Wien 1897.

Настоящая работа представляетъ дополненіе къ подобному же труду, напечатанному вѣнскимъ профессоромъ въ XXVI т. «Извѣстій вѣнскаго антропологич. общества» подъ заглавіемъ «Haus und Hof bei den Huzulen». Матерьяломъ для послѣдней работы

послужили наблюденія, которыя авторъ сдѣлалъ надъ внѣшнимъ бытомъ гуцуловъ въ долинахъ Черемоша, Сучавы и Путиллы. Только въ 1896 г. Кайндлю удалось ввесть въ кругъ своихъ «Hausforschungen» дома гууловъ прутскихъ.

Описаніе внѣшняго и внутренняго устройства гуцульскаго дома, также какъ и его пристроекъ, образующихъ дворъ (Hof), отличается большой обстоятельностью. Авторъ не ограничивается простой схематизаціей тѣхъ или другихъ пріемовъ постройки гуцульскаго дома, но и указываетъ конкретныя условія, реальную обстановку, въ которой совершается эта постройка. Авторъ много пользуется также сравнительнымъ методомъ, сопоставляя особенности внѣшняго и внутренняго устройства дома прутскихъ гуцуловъ съ такими же особенностями постройки дома восточныхъ гуцуловъ. Эти сравненія приводятъ автора къ выводу, что внѣшнее и внутреннее устройство дома у всѣхъ гуцуловъ приблизительно одинаково.

Текстъ украшенъ довольно многочисленными рисунками, воспроизводящими гуцульскій домъ въ его конкретномъ видѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній поразительно напоминаютъ своимъ внѣшнимъ видомъ великорусскую крестьянскую избу...

Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Матеріяли до українсько-руськоі етнольогії, видане етнографичноі коммисиі за редакциэю Хв. Вовка. Том I. Львів 1899 г.

Новое изданіе Львовскаго общества имени Шевченки—первый спеціальный этнографическій журналъ, издаваемый на малороссійскомъ языкѣ. Задуманъ онъ на очень широкихъ началахъ: посвященный «собиранію и систематизированію матерьяловъ, касающихся антропологическихъ особенностей, этническаго состава, доисторическаго и современнаго быта, обычаевъ, вѣрованій, занятій и соціальнаго уклада украинско-русскаго народа», этотъ журналъ, по словамъ редактора изданія г. Волкова, имѣетъ цѣлью соединить вокругъ одного центра силы малорусскихъ этнографовъ, которые на этнографическомъ полѣ до сихъ поръ «искали убѣжища то въ великорусской, то въ польской, то въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ литературахъ».

Настоящій первый томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Доисторическія находки на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ» Ѳ. Волкова (стр. 1—32); «Украинское рыболовство въ Добруджѣ» его-же (стр. 33—52); «Гончарное ремесло въ селѣ Олешнѣ въ Черниговск. губ.» М. Могильченко (стр. 53—67); «Скорняжное ремесло въ Галиціи» В. Гнатюка (стр. 68—78); «Деревенскія сооруженія въ Черниговской губ.» М. Могильченко (стр. 79—95); «Народная пища и способъ ея приготовленія въ восточной Галиціи» В. Гнатюка (стр. 96—110); «Свадебные обычаи въ Гадяцкомъ у. Полтавск. губ.» О. Гриши (стр. 111—156); «Нецензурныя свадебныя пѣсни», зап. М. О. Максимовичемъ (стр. 157—168); «Писанки въ Галицкой Волыни» М. Кордубы (стр. 169—210); «Программа для собиранія свѣдѣній, касающихся народной бытовой техники», Ѳ. Волкова (стр. 1—22).

Записки наукового товариства імени Шевченка під редакциэю М. Грушевського. Том. XXV (1898, кн. V). У Львіві 1898 г.

Содержаніе XXV т. этого журнала составляютъ слѣдующія статьи:

«Молотовское серебро», археологич. зам. М. Грушевскаго; «Матерьялы для сношеній Петра Дорошенка съ Польшею въ 1670—2 г.г.» О. Цѣвича; «1 и 2 ноября 1848 г. во Львовѣ» Ю. Левицкаго.

Г. И.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Матерьялы по народному языку, собранные въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ.

Дѣтскія прикладки къ именамъ, «дразнилки» и клички въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

1. Прикладки къ именамъ.

Алексѣй. Олёша—тригроша, шейка—копѣйка, алтынъ—голова, по три денежки—нога, спина да брюшина—четыре алтына.

Андрей. Андрей не робѣй.

Аѳонасій. Аѳонасій безпоясый.

Василій. Чирей Василій раздайся пошире.

Гавріилъ. Гаврило-говенное рыло
Гаврило свиное рыло.

Георгій. Егоръ насралъ на багоръ.

Герасимъ. Вася-Гарася
Нога порвалася,
Стали тащщить—
Онъ пуще пишшитъ. Такъ же дразнятъ и Василья).

Григорій. Гришка—говна кулышка.

Димитрій. Митька—соленая титька.

Емельянъ. Омельянъ полны штаны навалялъ.

Илья. Илья—Ильюхо—свинячье ухо.

Иванъ. Иванъ болванъ
Съ колокольни упалъ,
Подъ гору катился,
Говномъ подавился.

Исаакъ. Исачко—черная срачка.

Кирило. Собачье рыло.

Константинъ. Костюшка косой.
Не ходи полосой—
Тамъ кошку дерутъ,
Тебѣ ножку дадутъ (подобная же прикладка прибавляется и къ нѣкоторымъ другимъ именамъ, какъ напр. Александръ, Семенъ и т. д.).

Максимъ. Максимъ, пойдемъ, да поссимъ.

Михаилъ. Мишка-колышка.
Мишка,—еловая шишка.

Наумъ. Наумъ—простота.

Николай. Николя-сиколя. Никола—пустые колокола. Николка, сиколка раскаракулька.

Павелъ. Павлушка—говна плетушка.
Петръ. Петька—пѣтухъ.

Семенъ. Сеня-везеня.
Вези бабу на санкахъ,
Самъ пѣшкомъ,
Перевертышкомъ.

Тимофей. Тимоша—два гроша.

Тихонъ. Тихонъ—неопиханъ.

Ѳедоръ. Ѳедя мѣдя.
Съѣлъ-медвѣдя (а также «Ѳедька косой» и т. д.).

Ѳома. Ѳома—большая крома.

Ѳедулъ. Ѳедулъ губы надулъ.
Ѳедотъ. Ѳедотъ недоёный.

Агафья. Агашка, грязная рубашка.
Анна. Анна баланда
П . . . а оловянна,
Лобъ толстой,
Коровай мясной.
Или же: Анна баланда
Спитъ пердитъ,
Колесомъ вертитъ.
Анастасія. Настя-пinnlястя.
Александра. Сашка-ляшка
Съѣла барашка.
Варвара. Варвара—выше амбара.
Домна. Домна—съ говномъ.
Евдокія. Дуня—бздуня.
Екатерина. Катерина—лепеха
Задавила пѣтуха,
Пѣтухъ пишшитъ,
Катюшку за п . . . у
Ташшитъ.
Елена. Олена ж . . а до колѣна.
Любовь. Любка, п . . дья губка.
Марья. Машка-ляшка съѣла барашка.
Или: Машинька невѣста
Съѣла горшокъ тѣста,
Вася-женишокъ,
Убрался подъ шестокъ.
Наталья. Наталья—сикалья.
Ольга. Оля сиколя.
Софья. Сохла.
Татьяна. Сметана.
Ѳекла. Смокла.

---

2. Сословія, различныя національности, занятія и т. д.

Баринъ. Варе—по грошу пара.
Попъ. Попъ—толоконный лобъ.
Духовенство вообще. Кутейники.
Кутья прокислая Жеребячья порода.
Кутейники дергачи
Драли козу на печи,
Коза проситъ воды
Они даютъ ей мыла.
Мѣщанинъ. Сипакъ овчинное брюхо.
Сипа нас . . лъ въ сито.
Дьяконъ. Дьяканъ вякалъ.
Монахъ Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ.
Солдатъ. Кислая шерсть. Крупа. Крупоѣдъ.
Цыганъ. Цыга-мыга
Продалъ душу,
За лягушу.
Татаринъ. Князь. Свинячье ухо,
Жидъ. Жидъ, на говнѣ дрожжитъ. Жидъ-еврей самоваръ согрѣй.
Воръ. Воръ, воришка, укралъ топоришко.
Воръ, воръ, воръ,
Гдѣ твой домъ?
— Подъ говномъ.
Кузнецъ. Кузнецъ куетъ косу,
Прикладываетъ къ носу.
Кузнечиха на боку,
Усялася на боку.
Мужикъ. Мужикъ, п...ой бы тебя ушибъ.
Нищій. Нищій—дрищетъ.
Извощикъ. Гужеѣдъ.
Сапожникъ. Сапожникъ безбожникъ.
Портной. Портной—швецъ,
Не хошь ли штецъ?
Портной—портняжка,
Не хошь ли кашки?
Пьяница. Пьяница, чертова скляница.
Пьяница мотушка въ ж . . ѣ колотушка.
Мясникъ. Головы роняемъ, хвосты задираемъ, глаза ковыряемъ.
Половой. Шестёрка.
Столяръ. Сосногрызъ.
Лакей. Лизоблюдъ.
Живописецъ. Мазилка. Богомазъ.
Чиновникъ. Приказная строка. Крапивное сѣмя.
Кутейники. «О богопрогнѣванные кутейники, архіерейскіе грачики, сметаны и масла губители, гнилояичные собиратели, мелко-травчатая ваша фамилія».
Незаконорожденный. Крапивникъ.

---

3. Физическія качества и недостатки.

Беззубый. Беззубый грохъ. Зубы у тебя выпердѣли.

Безбородый. Скопецъ.

Высокій. Аршинъ проглотилъ. Коломенская верста. Дылда. Колокольня Столыпинская сосна.

Губастый. Губошлёпъ.

Косой. Косой заяцъ.—

Косъ, косъ
Три яичка снесъ,
Пощупали косого:
Онъ опять съ яицомъ.

Крквой. Лихо одноглазое. Кривой камбалъ.

Плѣшивый. Плѣшь,

На плѣшь капнешь,
Плѣшь обваришь,
Что плѣшивый говоришь?

Нечеса. Кудлатая собаченка.

Носатый. Носъ. Куль.

Рыжій. Рыжій красный,

Человѣкъ опасный,
Рыжій пламенный,
Сожогъ домъ каменный,
Рыжій палящій—
Воръ настоящій.
Печеный ракъ,
Полѣзай сюда въ колпакъ.
Рыжій краснаго спросилъ:
Гдѣ ты бороду красилъ?
Я не краской,
Не замаской,
Я на солнышкѣ лежалъ,
Кверху бороду держалъ.

Хромой. Гдѣ «храмъ», тутъ и праздникъ.

Шадровитый. На рожѣ черти по ночамъ горох молотили. Корёпаный.

Плоскогрудая. Щепка.

Сопливый. Не гремитъ, а освѣчаетъ.

Картавый. Суконный языкъ.

Кто говоритъ рѣзко, отчетливо. Початки.

Кто часто говоритъ. Частобай. Недоёба частобай. Тараторка.

Тонконогій. Козьи лапки.

Малорослый. Пузырь.

Неряха. Чучело гороховое.

Косолапый. Утичьи лапки.

Стриженый. «Стриганчикъ». Жеребячья порода.

Неповоротливая. Кобыла ногайская. Корова осановская.

---

4. Духовныя качества и недостатки.

Ябедникъ. Ябедникъ, чертовъ праведникъ.

Плакса. Рёва—корова.

Гордый. До носу крюкомъ не достанешь.

Прибаутки, представляющія изъ себя отвѣты въ риѳму на нѣкоторые вопросы и замѣчанія на нѣкоторыя выраженія.

— Мнѣ бы водочки?
— Изъ подъ лодочки.
— У насъ былъ пожаръ.—Пожаръ! мужикъ бабу пожалъ.
— Еще рано.—Рано, да душа то рада.
— Мнѣ бы, хозяюшка, испить.—Испить? хозяинъ спитъ.
— Нусъ...—Надѣвай бурнусъ.
— У меня тоска.—Не выпустилъ бы изъ рукъ куска.
— Про это у насъ говорятъ.—Говорятъ, что курицъ доятъ, а у нихъ и титекъ нѣту.
— Что?—А с . . . шь то ты во что?
— Была у насъ пляска.—Пляска! м . . . мъ тряска!

— Поѣхалъ въ гости. —Пораспарить кости.

— Что?—Семеро на одномъ колесѣ проѣхали.

— Я тебя палкой.—Палка, то о двухъ концахъ бываетъ.

— Это враки.—Враки, что пердятъ раки, кабы пердѣли, такъ давно бы воду нагрѣли.

— Я.—Я катышко, а ты орѣшко, не хочешь ли моего г . . . шка?

— Охъ!—вздохни, да охни, по одномъ все сохни!

— Гдѣ жена? - Корова сожрала.

— Для чего?—Для дурацкаго спросу.

— Когда?—На ту осень, годовъ черезъ восемь.—Послѣ дождичка въ четвергъ.

— Дай мнѣ горошку —Побѣгай по дорожкѣ, такъ и дамъ тебѣ горошку.

— Я...—Свинья.

— Холодно.—Холодно, такъ лучше не оводно.

— Послѣднюю рюмку пью.—Послѣдняя у попа жена бываетъ

— Не боюсь.—Не бойся да берегись.

— Ты брюхата?—И муха не безъ брюха.

— Мнѣ тошно.—Тошно такъ блюй.

— Мнѣ кажется.—Кажется, такъ перекрестись.

— Жарко.—Кого тебѣ жалко?

— Какъ дѣла?—Какъ сажа бѣла.

— Лѣшій.—Красноплѣшій.

— Дай пирожка. — Незагнута рожка.

— Молчать—Молчать пока ноги торчатъ.

— Напишу.—Пиши на плѣши.

— Бары.—Бары! по грошу пара.

— Пожалуй.—Пожалуй не жалуй, хоть вѣкъ не приходи.

— Хочется.—На хотѣнье есть терпѣнье.

— Кабы я былъ на твоемъ мѣстѣ...—Кабы, кабы!.. кабы не плѣшь, такъ и не голо бы било.

— Всѣ.—Объ овсѣ и поминки всѣ.

— Читалъ книжку.—Роздвижку, въ волосяномъ переплетѣ.

— Такъ.—Такъ то и чирей на ж . . ѣ не сядетъ.

— Онъ уменъ.—Уменъ, какъ попъ Семенъ: книги продалъ, а карты купилъ.

— Лучше.—Съ лучкомъ.

— Ты самъ—то что дѣлаешь?—Самъ—отъ съ усамъ, а ты—то съ бородой.

— Онъ совсѣмъ святой.—Святой! съ криночки снятой!

— У меня болитъ животъ.--Животъ на животъ такъ сразу заживетъ.

— Брюхо у меня болитъ.—Брюхо болитъ, на краюху глядитъ.

— Гдѣ онъ.—На немъ волки с . . . ь уѣхали.

— Гдѣ былъ ты?—Гдѣ былъ тамъ ужь нѣту.—Гдѣ былъ, такъ отсюда не видно.

— Тебѣ стыдно.—Стыдъ не дымъ, глазъ не выѣстъ.

— У меня болитъ бокъ.—Болитъ бокъ, девятый годъ, не знаю, которое мѣсто.

— Болитъ у меня голова.—Болитъ голова, обрить её до гола, отпарить паромъ, облить варомъ, сдѣлать проломъ хорошимъ коломъ, выпустить фунта два крови и вымазать ею брови—тогда и болѣть перестанетъ.

— Иди прямо.—Прямо-то только однѣ вороны летаютъ.

— Дай пивца.—Объягнилась овца.

— Дай кваску.—Пьешь и воду, не барскаго роду.

— Мой.—Твой отъ одинъ носъ на рылѣ.

— Покуримъ.—Покуримъ, да потомъ и потуримъ.

— Мало.—За мало то и кошку драли.

— А? Ворона кума! Про глухого попъ двухъ обѣденъ не служитъ.

— Ну?—Ну—то не ѣдетъ, тпру—то не везетъ.

— Знаю.—Зналъ твой дѣдъ, да съ тѣмъ и померъ.—Знаешь ли ты у галки сикалку.—Знаешь ли ты,—на чемъ свинья хвостъ свой носитъ?.

— Сволочь ты.—Сволочь-то царю помочь.
Наплевать.—Не плюйся, лучше куричьяго г . . . а наклюйся.
— Нас . . ть.—С . . и да лобъ мажь, такъ и будешь попъ нашъ.
— Хлѣбъ да соль.—Въ хлѣвъ зашелъ, такъ другой ищи.
— Сукинъ сынъ.—Сумки шилъ.
— Для чего?—Для дурацкаго спросу.
— Откуда ты?—Изъ тѣхъ мѣстъ, откуда и ты лѣзъ.
– Пріятнаго сна —Цѣловать козла.
— Спокойной ночи.—Пер . . ть тебѣ до полуночи.
— Кто?—Ктокало воронье.
— Какъ зовутъ?—Зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой.—Зовутъ лѣтомъ—то Филаретомъ, а зимой то—Кузьмой.
— Который часъ?—Яшный квасъ.
— Которая минута?—И ковшикъ тута.
— Которая четверть?—Извольте черпать.
— Бери грошъ.—На грошъ не много натрешъ, а пожалуй убѣжишь въ рожь.
— Мнѣ это подаришь?—Подаришь то уѣхалъ въ Парижъ, а остался одинъ купишь.
— Дай даромъ.—Подъ амбаромъ.
— Дай въ долгъ.—Какой волкъ?
— Какъ дѣла?—Даромъ дала.

Крестьянскія прозвища, записанныя въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

«Ежона мышь». Мужикъ получилъ такое прозвище отъ своей поговорки: ежона мышь».

«Малина въ ротъ». Тоже.

«Жопъ-манъ». Тоже.

«Сазанъ». Прозвище такое получилъ крестьянинъ вслѣдствіе того, что на базарѣ разъ онъ укралъ сазана и былъ затѣмъ пойманъ съ поличнымъ.

Клеёнка. Крестьянинъ попытался разъ украсть въ лавкѣ клеёнку, но кража не удалась и его въ насмѣшку стали звать клеёнкой.

Скоробогатый. Дано такое прозвище крестьянину за его постоянное хвастовство.

Тараканъ. Прозванъ такъ крестьянинъ за черный цвѣтъ своихъ волосъ.

Бобёръ. Тоже самое.

«Шапка золота». Дано такое прозвище крестьянину за то, что онъ въ разговорѣ часто употреблялъ поговорку: «шапка золота».

Бѣлоусъ. Крестьянинъ былъ прозванъ такъ за бѣлый цвѣтъ своихъ волосъ.

Баданъ. Крестьянинъ получилъ такое прозвище за то, что его картавая жена выговаривала слово «баранъ»—«баданъ».

Рѣзаный. Прозвище дано за то, что крестьянинъ на покосѣ обрѣзалъ себѣ косою нижнюю часть лица.

Жоганъ.

Калёный. За рыжій цвѣтъ волосъ.

Солёный.

Мокрица. Прозвище дано за невзрачную наружность мужика.

Костеря. Въ дѣтствѣ мальчишки дразнили мужика костерей, прозвище это такъ и осталось за нимъ на всю жизнь.

Кислое молоко. Дано прозвище по тому, что крестьянинъ никогда не ѣлъ кислаго молока.

Рязанецъ. Крестьянинъ, носившій это прозвище,—переселенецъ изъ Рязанской губерніи.

Кипарисъ. Дано прозвище при такихъ же условіяхъ, какъ и прозвище «Кислое молоко».

Коровья кума. Крестьянка получила такое прозвище за то, что она помогала сосѣдямъ въ такихъ случаяхъ, когда корова долго не можетъ разродиться теленкомъ.

Корзина.

Воробей.

Багоръ.

Шукалъ. Однажды ястребъ унесъ курицу. Происшествіе это видѣлъ крестьянскій мальчикъ. Его стали бранить за то, что онъ не гонялъ ястреба. Мальчикъ сталъ оправдываться, говоря: «я шукалъ, шукалъ его». Слово «шукалъ показалось забавнымъ и мальчика прозвали, шукалъ». Прозвище это осталось за нимъ на всю жизнь.

Котъ.

Рѣзанъ. Дано прозвище за то, что крестьянинъ занимался рѣзкою соломы.

Моржуха.

Маленькій. Прозвище дано за маленькій ростъ владѣльца.

Высокая. Дѣвушка получила такое прозвище за свой высокій ростъ.

Заплеснѣвѣлая. Дѣвушка получила такое прозвище за свою невзрачную наружность и застѣнчивый характеръ.

Телепанка. Прозвище дано женщинѣ за то, что она урожденка мѣстности «Телепшина».

Косоротый. Прозвище дано за то, что крестьянинъ коситъ немного ротъ.

Махала.

Утичій носокъ. Женщина прозвана такъ за складъ своего носа.

Толстопузый. Прозванъ за тучность.

Сотникъ Логинъ. Крестьянинъ Логинъ былъ ополченцемъ во время крымской войны и командовалъ сотней, за что и прозванъ былъ «сотникомъ».

Монахъ. Прозванъ былъ за то, что всегда держался вдали отъ женскаго полу

Кривой. За физическій недостатокъ.

Безпалый. На правой рукѣ у мужика не было одного пальца.

Косой. За физическій недостатокъ.

Рыжій. За цвѣтъ волосъ.

Цыганъ. За смуглый цвѣтъ лица и волосъ.

Уголъ.

Кряжъ. За неповоротливость.

Паторы. Одинъ мальчикъ ходилъ по міру. Его и спросили: много ли васъ у матки ребятишекъ. «Патора», (т. е. пятеро) отвѣчалъ мальчуганъ. Благодаря такому отвѣту, вся семья стала прозываться «паторами».

Матушкинъ. На вопросъ: «Чей ты мальчикъ»? мальчуганъ отвѣчалъ: «матушкинъ». Съ тѣхъ поръ его стали звать въ насмѣшку «матушкинъ». Прозвище это такъ и осталось за нимъ на всю жизнь.

Нѣмко. За физическій недостатокъ (нѣмой).

Гарнизà. Служилъ въ мѣстномъ гарнизонѣ.

Ковалиха. Вдова послѣ умершаго кузнеца (коваля).

Мѣдничиха. Дочь мѣдника, продолжающая работу отца.

Барабанщица. Вдова мѣщанина, служившаго ранѣе барабанщикомъ въ мѣстномъ гарнизонѣ.

Пряничница. По профессіи.

Кадошница. Тоже.

Полячка. Носившая это прозвище дѣйствительно была полячка, вышедшая замужъ за русскаго.

Толстая.

Восковая. За цвѣтъ лица.

Безструнная.

Юнышко. Такъ прозвана одна дурочка, за часто повторяемый ею возгласъ «юнышко».

Баронъ.

Кучумъ.

Штарь.
Дрозжа.
Корёга.
Пуговка.
Чинный.
Пепко.
Бобыль.
Волкъ.
Кривоножка. За физическій недостатокъ.
Капаручка. Владѣлецъ прозвища имѣетъ атрофированную правую руку.
Сахарная зад..ца. За походку.
Трясогузка. Тоже.
Стальной носъ.
Вирюкъ.
Баланда.

Сообщилъ *А. Баловъ.*

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.